

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ
В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
(П ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА И.П. ПОПОВА)**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
24–25 мая 2016 года

Рязань 2016

УДК 930.1
ББК 63.1
И90

Рецензенты:

В.В. Крючков, канд. ист. наук, доц.
(Рязанский филиал Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя);
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук
(РГУ имени С.А. Есенина)

Историческая наука в XXI веке в фокусе современного гуманитарного знания: традиции, новации, преемственность (II чтения памяти профессора И.П. Попова) [Электронный ресурс] : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24–25 мая 2016 г. / под ред. А.Д. Поповой, О.Д. Поповой ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Электрон. текстовые дан. (1 файл : 1,62 МВ). – Рязань, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования : IBM / PC ; Windows XP и выше ; 256 МВ RAM ; свободное место на HDD 25 МВ ; Acrobat Reader 3.0 или старше. – Загл. с экрана.

В сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Историческая наука в XXI веке в фокусе современного гуманитарного знания: традиции, новации, преемственность (II чтения памяти профессора И.П. Попова)» вошли тезисы докладов авторов по актуальным вопросам современной исторической науки: место исторической науки в системе гуманитарного знания, развитие общественного сознания, вопросы повседневной жизни, различные аспекты региональной истории.

история, развитие общества, общественное сознание, повседневная жизнь, региональная история, реформы, модернизация.

ISBN 978-5-88006-951-4

© Коллектив авторов, 2016
© Под ред. Поповой А.Д., Поповой О.Д., 2016
© ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАНИЯ	6
Чекурин Л.В. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ПАВЛОВИЧЕ ПОПОВЕ (ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ИСТФИЛ В 1950-Е ГОДЫ»)	6
Попова А.Д. ИСТОРИК И ВРЕМЯ (О ФУНКЦИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ)	23
Минаев А.И. К ПРОБЛЕМЕ УЧАСТИЯ ИСТОРИКОВ В ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	27
Попова О.Д. ДУМЫ О СУДЬБЕ РОССИИ И ДУХОВЕНСТВА... (МЕМОАРЫ СЕМИНАРИСТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ)	30
Рюмин С.Г. ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	33
Лачаева М.Ю. АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЕНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	36
Марченкова Н.П. ОПЫТ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ П.А. СОРОКИНА	38
Чеснокова О.И. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН	45
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ	48
Тернопол Т.В. ПРОЕКТ ИДЕАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОМАНЕ Ж.-Ж. РУССО «ЮЛИЯ, ИЛИ НОВАЯ ЭЛОИЗА»	48
Овчинников В.М. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ КОРОНЫ В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА	50

Акимов Ю.Г. ОТНОШЕНИЕ К ХРИСТИАНИЗАЦИИ АБОРИГЕНОВ В РУССКОЙ СИБИРИ И АНГЛИЙСКОЙ АМЕРИКЕ XVII ВЕКА: СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ ИЛИ ГЛУБИННОЕ СХОДСТВО?	53
Гришакова Л.В., Мокринских А.С. ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА	57
Горнов В.А. А.И. КОШЕЛЕВ О ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕ В ЭПОХУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ	62
Эрлихсон И.М. РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР КОНЦА XIX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	69
Галкина О.И. РЕФОРМАТОРИИ И БОРЬБА С ЖЕНСКИМ ПЬЯНСТВОМ В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ	72
Базин О.А. ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ОККУПАЦИИ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ЯПОНИИ	75
Короткова М.В. ПРОТИВ DOMINIUM IN MARI BALTICO: ПОПЫТКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИДЕИ БАЛТОСКАНДИИ В 1990-Е – НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ	78
Косован Е.А. СССР И УКРАИНСКАЯ ДИАСПОРА В ГЕРМАНИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1920–1980-Е ГОДЫ)	81
Куренков Г.А. НА СТЫКЕ ИСТОРИИ, ПРАВА И ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ (ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ)	84
Вашкау Н.Э. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКИХ ЖЕНЩИН В ТРУДАРМИИ НА ОСВОЕНИИ СЕВЕРА	88
Васильева С.А. ОБРАЗ «ГОРНИЛА СТРАДАНИЙ» КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА МЕНТАЛЬНОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ США В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	93
Крючков Н.Н., Бунина Ю.С. ОБРАЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНО	96
Крючков Н.Н., Астраханцева А.Г. ОБРАЗ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В КИНЕМАТОГРАФЕ	100

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	104
Ким Ю.В. ИСЧЕЗНУВШАЯ ЗЕМЛЯ И УШЕДШАЯ ИСТОРИЯ: МОЛОГСКИЙ КРАЙ И МУСИНЫ-ПУШКИНЫ	104
Пылькин В.А. БОРЬБА С «НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ» В ЗАРАЙСКОМ УЕЗДЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	107
Шевелева О.В. СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)	110
Любина Г.И. КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ Г. САПОЖКА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ. ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА С МОСКОВСКИМ ПАЛЕОНТОЛОГОМ, АКАДЕМИКОМ М.В. ПАВЛОВОЙ (1926–1935)	114
Заозерский Д.С. АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ ФАБРИКАНТОВ И ЗАВОДЧИКОВ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ С ИХ РАБОЧИМИ И СЛУЖАЩИМИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	117
Соза Л.Н. ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ СТРАН ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В 1916–1917 ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	119
Лузгина М.И. ХАРАКТЕРИСТИКА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	122
Тарасов О.А. К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ В РЯЗАНИ АРЕСТАНТСКИХ РОТ ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА	125
НАШИ АВТОРЫ	129

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАНИЯ

Л.В. Чекурин

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ПАВЛОВИЧЕ ПОПОВЕ (ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ИСТФИЛ В 1950-Е ГОДЫ»)

В мемуарном очерке автор вспоминает профессора И.П. Попова, рассказывает о его отношении к студентам, научной работе, увлечении книгами. Также очерк содержит много подробностей из повседневной жизни студентов 60-х годов XX века.

истфил, И.П. Попов, студенческая повседневная жизнь, преподавательская деятельность, изучение либерализма, изучение истории Рязанского края.

Счастлив тот, кто в юности встретил бывалого, знающего, творческого, волевого и доброжелательного наставника. Таким был для нас, первокурсников, Иван Павлович Попов. Он открывался своим ученикам не сразу. Огромная начитанность и знание жизни соединялись в нем с немногословием, граничащим с молчаливостью. Воспоминания его о войне были очень редки, и касались каких-то важных сторон лично для него. Например, получение открытки от историка Евгения Викторовича Тарле на блокадном фронте под Ленинградом. И.П. Попов был настоящим русским книжником, очень глубоким и знающим. На фронте он каким-то образом отыскал книгу историка, уже побывавшего под следствием по делу академиков и в ссылке, и написал ученому. Историк ответил ему, рядовому солдату, и это было важным для Ивана Павловича. И.П. Попов был свободен от многих тенет своего времени. Не многие могли прочесть на его бесстрастном лице ироничную, вполне вольтеровскую улыбку, за которой мог последовать значительный монолог. Но то время было для авторских монологов мало подходящим. Мысли Ивана Павловича, ироничные и серьезные, оставались в его обширном внутреннем духовном и интеллектуальном мире. Он жил по правилам, нравственным нормам и ценностям, установленным им самим, его семьей и временем. В его мире были идеи десятков статей, книг, учебных пособий, иллюстраций и тексты новых учебников. И.П. Попов выиграл конкурс учебников истории для школ СССР. На премию смог купить в то несытное время четыре мешка картошки. Массовым тиражом выпустили учебник другого автора. Он никогда об этом не рассказывал, но и не простил, молча переживая несправедливость.

Своими планами Иван Павлович редко с кем делился, может только с теми, кому доверял. Последние его книги были по масштабу сродни замыслу петербургских историков «Хроника трех столетий: Петербурга, Петрограда, Ленинграда». Я знаю об этом потому, что Иван Павлович предполагал мое присоединение к изданию «Три века Рязанской истории» главой или главами о Рязанском XVII веке. Я интересовался этим мятежным временем, но не был готов все отставить и срочно дописывать главы. Этот век в истории России и Рязани особый, его исследователи обычно больше ничем не занимаются. Обилие сохранившихся источников,

исполненных скорописью, требует от историка всей жизни. Результат моего интереса не остался втуне. Сохранилась папка с рукописными набросками «Рязанский уезд XVII в.», десяток страниц из нее составили небольшую часть в сборнике «История родного края. Для учащихся школ Рязанской области», использованы в очерке «Рязань» в книге «Города и районы Рязанской области» (1990), самый значительный след моего интереса к этому веку – статья «Рязанский край в Летописи о многих мятежах» в сборнике, посвященном 400-летию ополчения П.П. Ляпунова (2001). Иван Павлович страдал от «недовыполнения» замысла, но меня понимал и не упрекал. Рязанский семнадцатый век исследован очень слабо. Проект был вынужденно реализован в другом «формате» под названием «Два века Рязанской истории». Эта книга – результат многолетней работы, которая продолжилась в монографии «Культура Рязанского края». На склоне лет появление новых книг И.П. Попова стало внезапным озарением для рязанского книжного мира. Неучастие мое в издании простилось, Иван Павлович подарил мне один экземпляр с надписью «Дорогому Леониду Васильевичу в память об РГПИ. 21. IV – 92 И. Попов». Исполнилось 12 лет, как судьба разъединила нас. У меня с 1986 года была своя кафедра. Переговоры о возвращении на кафедру в РГУ велись, но безрезультатно.

Завещанием молодым ученым стало учебное пособие для спецкурса «Основы научного исторического исследования».

И.П. Попов, как и многие из его поколения, предпочитал отрывкам и отдельным статьям, на что так падки молодые историки, цельные законченные исследования. Обычно, вслед за публикацией главной книги, появлялись под его редакцией сборники, развивающие основную тему и привлекавшие к исследованию широкий круг ученых Москвы, Тулы, Рязани, Воронежа, Смоленска, Волгограда, Семипалатинска, Коломны. Так, вслед за докторской диссертацией и учебным пособием «Из истории общественного движения в России в годы революционной ситуации конца 50-х–начала 60-х годов XIX века» (1981) вышла серия научных сборников «Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX–начале XX вв.» (1981–1988).

Я работал уже в институте культуры, но оставался в составе редакции и в авторском коллективе этих во многом уникальных и содержательных сборников, потому что давно был в теме, был не только свидетелем, но и участником того, как создавалась школа профессора И.П. Попова. Не случайно я был читателем докторской диссертации в первых вариантах, выправлял реферат докторской диссертации. Приехав из Москвы, Иван Павлович позвонил и сказал, то ли в шутку, то ли всерьез, но с искренним удивлением: «После твоего (или вашего) чтения в Институте истории АН СССР в реферат не внесли ни одной поправки, ни литературной, ни политической». Я был очень рад, я ведь заканчивал уникальный истфил, имел редакторский навык, а И.П. Попов был моим педагогом и первым научным наставником.

О первых исследователях русского либерализма Вере Наумовне Розенталь и Иване Павловиче Попове после долгого перерыва вспомнили во время конференции «Наше либеральное наследие», организованной РОО «Открытая Россия»

(региональные общественные организации). Главы одноименной с конференцией книги о А.И. Кошелеве принадлежали В.А. Горнову, П.В. Акульшину, В.М. Зайцеву, авторам школы И.П. Попова. Глава о А.В. Головнине написана мною и Антоновой. Продолжением трудов наших учителей стало издание «Рязанские либералы» тех же авторов.

Мы приблизили мечту Веры Наумовны и Ивана Павловича написать достойную книгу о либералах. В Рязани прошла Международная конференция «А.И. Кошелев и его время» (2007). Мы были в имении Кошелева в деревне Песочня Путятинского района. Пруды засохли, имение разорено, в перестройку был закрыт Песочинский сельскохозяйственный техникум, находившийся на территории и в сохранившихся постройках бывшего имения. Но имя А.И. Кошелева сохранено на мемориальной доске на здании школы в д. Песочня. Конференции и названные работы актуальны, их уникальные материалы имеют значение для возрождения в общественном сознании идей крупных русских либералов.

Иван Павлович обладал замечательным чувством юмора и ценил это качество в других. Он собирал коллекцию самых разных жизненных «чудничек» и каверзных случаев. Хранил вырезку со знаменитым в Рязани акростихом, в первых буквах строк которого читалась фамилия гонителя рязанских поэтов и его подлинное призвание – «Дубина». Рязанцы старшего поколения не забыли фамилию заведующего отделом областной газеты, от которого зависела публикация многих лирических стихотворений, я же этой фамилии сознательно не упоминаю. Из этой коллекции мне досталось «Обращение профессорско-преподавательского коллектива Рязанского педагогического института и интеллигенции Рязанской области», написанное Н.С. Хрущёву во время его пребывания в Рязани. Там же сообщение о Пленуме Обкома КПСС 4 марта 1959 года и мероприятии по особым мерам, принимаемым в области по увеличению производства мяса и других продуктов животноводства. В числе других отмечены заслуги школьников, вырастивших тысячи кроликов. Документ был запечатан в прозрачную пленку не случайно – надо сохранить в назидание потомкам. Преподаватели института знали о мясной авантюре больше, чем писали в газетах. На глазах студентов был изгнан из института преподаватель русского языка Бояров за то, что в письмах, написанных как будто разными почерками, сигнализировал в Москву о неблагополучии в Рязанской области. Студенты сохранили к честному педагогу свое уважение. Он вел у историков современный русский язык. Сегодня названный документ не может читаться без горького чувства сожаления за потраченный впустую энтузиазм и действительный подъем в области во всех отраслях хозяйства и культуры. Новое здание библиотеки, областного театра, новые промышленные предприятия оборонки и станкостроения, вузы – из той ларионовской эпохи. Мир праху труженику земли Рязанской и прощение его грехам. Но они в памяти историков сохранились.

Коллекционировал Иван Павлович и собственные свидетельства о сильных мира сего. Я не раз слышал его рассказ о выступлении Н.С. Хрущёва еще до войны, когда И.П. Попов учительствовал, а Хрущёв был первым секретарем Московского обкома ВКП(б). На областном учительском совещании Хрущёв, грозя пальцем, обращаясь к учителям, сказал: «Знаю, как не хочется учиться, но надо!».

В Рязани Иван Павлович ходил на стадион «Спартак», где выступал Хрущёв, пел или декламировал не очень приличные, то есть обычные, рязанские частушки. Иван Павлович ценил юмор народный и хрущевский. Также хорошо относился к сатирическим миниатюрам – сценкам из жизни студентов и преподавателей, которые мы писали и ставили на институтской сцене. Это тоже нас сближало. К сожалению, наши миниатюры не всегда были безобидными, над ними не только смеялись, по ним ректором П.П. Кирьяновым иногда принимались и кадровые решения. Иван Павлович спрашивал нас, артистов, о недослышанных репликах или монологах.

Колхоз в студенческой жизни. И.П. Попов и будущие ученые.

Учеба в каждом вузе, независимо от продолжительности жизни и внезапности смерти вождей и их смены в результате верхушечного переворота, началась в 1950-е годы с колхоза. Если бы его не было, то этот месяц в колхозе нужно было придумать. Я не только о пользе для страны. После экзаменов в школе и вступительных – в вуз, что может быть лучше, чем встать пораньше и отправиться пешком с девушками на картофельное поле. Они все по утреннему холодку – в лыжных костюмах, телогрейках и пестрых платочках, румяные и веселые. Молодость.

Чистый воздух, простая пища – вареная в мундире, жареная на большой общей сковороде, печеная в костре картошка, банка парного молока, хозяйские щи с колхозным мясом. Может это и был коммунизм. Только его не заметили. Мне очень хочется вернуться в то время. В тот 1954 год мы работали в селе Гулынки Сторожиловского района. Тогда мы об историческом прошлом села ничего не знали.

Ребят поселили в небольшом, красного кирпича, крестьянском домике, постройки, видимо, какой-то благополучной эпохи в жизни села. С нами поселился наш преподаватель, Иван Павлович Попов. Он первый год работал в институте, занятия еще у нас не вел и не навязывал нам своего общества. О том, что он воевал под Ленинградом, на Невском пятачке, мы тогда не знали. Его батарея охраняла от налетов немецкой авиации ладожскую дорогу жизни. Он был зенитчиком. От тех лет остались у него заметные нарушения слуха. Это он нам объяснил. Был неприхотлив в быту, очень умеренно ел, а мы, студенты, ели неумеренно и молоко пили парное в количестве, сколько было не жалко хозяйке. А картошки ели, сколько в нас вмещалось. Хозяйка жила одна, мы помогали ей по дому и в огороде, а она заботилась о нас. Преподавателю уступила единственную кровать. А нам выделила половики. Мы спали впятером на полу: будущий профессор и крупный ученый Лев Любимов, будущий ученый секретарь Института философии АН СССР Виктор Колосков, любимец девчат и ребят, хохмач, известный в городе динамовец, футболист Олег Комаров. Впоследствии – преподаватель истории и политэкономии в системе профтехобразования. Четвертым был пишущий эти строки, пятым Женя Артемов. После танкового училища он застал последние месяцы войны. В боях за освобождение Румынии был ранен.

Служил далее в оккупационных войсках, его часть стояла в Бухаресте. Кое-что познав о тамошней заграничной жизни, был сильно заносчив. Потом он будет работать учителем в школе, преподавать в вузе, защитит диссертацию, издаст интересные альбомы и книги о героях Гражданской войны В.И. Чапаеве и Кутякове. Чтобы написать это, Е.Н. Артемов в каникулярное время пройдет всеми дорогами, которыми в Первую мировую и Гражданскую прошли его герои. Все фиксировал на фотопленку. Сделал много архивных открытий. Нашел свидетельскую неопубликованную повесть о личной жизни – трех влюбленностях В.И. Чапаева. Вопреки киношному герою в исполнении талантливого актера Бабочкина, утверждавшему: «Мы академиев не кончали», напишет и о полугодовой учебе в Военной академии. Слова киношного Чапаева – факт придуманный, не исторический. К нам, поступившим в вуз после школы, он относился свысока, как человек, повидавший жизнь. Потом мы с ним подружились и работали в одном институте. А на первом курсе был настоящий конфликт поколений. Он был многоопытен, воевал, а мы лучше учились, были отличниками. Фронтовик на нашем курсе был не один. Среди студентов находились участник войны Николай Сафрошкин и моряк с военным прошлым Неболсин. У Сафрошкина было трое детей. Иногда его очень симпатичная жена приезжала в Рязань. Ночевала в комнате, где, кроме Коли Сафрошкина, проживало еще 17 студентов. Никого это не смущало. Пишу об этом потому, что педагог не существует без своих учеников, а мы были очень разные, и повлиять на нас преподавателю было непросто.

В историческом селе Гулынки спокойно спали мы на полу, на хозяйских половиках. Привезенные из дома наволочки набили сеном, а укрывались своими не очень чистыми ватными телогрейками. Рядом похрапывали участники войны. Великая Отечественная война и колхозная жизнь соединилась естественным образом как в учебнике, так и в яви в наши первые послешкольные месяцы. Иван Павлович, которому было что сказать нам, воспоминаниями не делился, а Артемов просто доставал нас рассказами о жизни в Румынии, отнюдь не военной.

Тогда, осенью 1954 года, в Гулынках нам до смерти хотелось обогнать на картофельной борозде девчат. Поле картошки, обработанное сохой на лошадке, мы выбирали вручную. Сколько ни старались, девчата оказывались впереди. Делали они свою работу сноровисто и молча. Надоело нам плестись в хвосте. Шел мелкий дождик. В колхозе под дождем, как известно, никто никогда не работал. А мы со Львом Любимовым пошли на поле, дождь почти прекратился. На этот раз поле готовили для уборки с помощью отремонтированной копалки. Она охватывала две грядки сразу. Подумали и решили, что если мы сегодня в дождливый вечер зайдем с дальнего конца поля и чуть-чуть выберем, хотя бы метров пятьдесят двойной грядки картошки, можем, наконец, опередить девчонку. Операцию по досрочной ночной уборке не только задумали, но и сделали. Рассчитали, на какой мы будем грядке, и постарались конец ее на другом краю поля убрать, картофелины собрать кучками, очистить от ботвы... Мы думали, что облегчили себе конец рабочего дня.

Но утром мы грядки перепутали, стали не на ту борозду и облегчили работу не себе, а своим соперницам. Они опять оказались впереди метров на семьдесят,

а то и сто. Им помогла наша подготовительная операция. Нам же для поддержки в помощь безнадежно отстающим выделили перворазрядницу по гимнастике Леру Дубровину. Для отдыха она, к нашей зависти, делала классическую стойку на руках. С ней мы не отставали.

Иван Павлович к нашим производственным экспериментам относился спокойно. Соревнований не устраивал, берег молодые силы, но добросовестную работу уважал и поддерживал добрым словом.

Всякое случилось в колхозе. Студентки дружественного физмата жили не на квартирах, а в большом клубе. Туда привезли матрасы, одеяла. Все хорошо, только вот сушиться после дождя негде. Студенты народ изобретательный.

Приходит их проведать «Мартынич», доцент с кафедры алгебры Александр Мартынович Кауфман, авторитетный и дисциплинированный во всех смыслах педагог. От рождения он чуть заикался. А тут в клуб вошел и обмер, слова выговорить не может. На сцене клуба стояли огромные головы Маркса и Энгельса и еще наши вожди по бокам. Или наоборот, вожди на сцене, а классики по бокам. Так вот на плечах, у кого и на лысине, и обязательно на ушах сушились студенческие шерстяные носки. Есть от чего начать заикаться человеку и со здоровой речью. Время было нешуточное – шла середина пятидесятых...

У нас таких случаев быть не могло. Фронтовик И.П. Попов все предусматривал и заботился о быте студентов. Хозяйка и печку вовремя протопит для сушки обуви и даст во что переодеться, согреться, пожертвует свой старый тулупчик.

С Иваном Павловичем в колхозе мы как-то незаметно сблизились. В дождливый вечер вместе могли в осенней кромешной темноте отправиться в гости на другой конец деревни, где жили наши сокурсницы интеллектуалки – Наташа Николаенко, будущая кандидат философских наук, Марина Покровская, известная впоследствии журналистка, Галя Рачковская, будущий ученый секретарь Института современного русского языка АН СССР. Курс наш был необычным, за всю историю института из него вышло наибольшее число научных работников и передовых учителей.

Иван Павлович, как и все настоящие фронтовики, возвращаться к воспоминаниям о войне и Невском пяточке не любил. После завтрака и утреннего распределения работ он куда-то исчезал и приходил только к обеду. Порядок на картофельных грядках у нас был полный. Девчата у себя дома эту работу хорошо освоили. Сами следили за качеством уборки. Обед хозяйка готовила к нашему приходу. Мы час отдыхали, страшно хотелось спать. Но возвращался Иван Павлович, никаких слов не говорил, наскоро поев, поднимался и шел на картофельное поле, и мы за ним. На поле он находился с нами до конца дня. Возвращались вместе. Секрет Ивана Павловича раскрылся позже. Он искал захоронения членов семьи владельцев имения Головниных, на землях которого располагались наши картофельные поля. Среди Головниных – знаменитый путешественник, адмирал и писатель Василий Михайлович Головнин и его сын Александр Васильевич – министр – реформатор народного просвещения в правительстве Александра II. Сейчас есть символический памятник В.М. Головнину на дороге, у родника. А тогда Иван Павлович и нас подключил к своим поискам, никаких знаков пребывания

Головниных в Гулынках не было. Естественно, мы были в поиске в свободное от работы воскресное или дождливое время. Это был наш и мой первый практический шаг к краеведению. Сколько же интересного оказалось вокруг нас. Без знаний о той среде, где находишься, человеку скучно. Уклад колхозного рабочего дня и быта, нэповские постройки, остатки бывшего имения помещика в Гулынках – все было у нас перед глазами. Невольное изучение среды обитания и работы делало нас из слепых зрячими.

К сожалению, мы ничего о Головниных тогда не нашли. В России от первой мысли до ее реализации проходит лет пятьдесят. Много раз в своей жизни убеждался в этом. Сегодня в Сторожилове возведен памятник адмиралу Головнину. От первых наших поисков прошло 50 лет. О семье Головниных мы узнали на первом курсе института от фронтовика Иван Павловича Попова.

Впоследствии мы обратились к этим материалам. Вышли статьи в Трудах Рязанского исторического общества (2008.Т. V), и главы о министре народного просвещения А.В. Головнине в монографиях «Наше либеральное наследие» (2004) и «Рязанские либералы» (2005). Я много раз бывал в школе открытой А.В. Головиным в небольшом мемориальном музей, созданном учителями. Рядом – построенная Головниными больница и дом для врачей. Два каменных храма разрушены. В настоящее время на месте одного возведена небольшая деревянная церковь. В 2016 году пройдет научная конференция, посвященная путешественнику В.М. Головнину и министру А.В. Головнину. В программе конференции поездка в Гулынки. Для меня это не только встреча с историческими памятниками и реликвиями, но и с нашей колхозной юностью. Счастлив тот, кто на своем пути еще в юности встретил бывалого, знающего и доброго человека. Таким был для нас Иван Павлович Попов. Это случилось в Гулынках.

Мне приходилось ездить на уборку урожая уже преподавателем со студентами. В 1967 году мы жили в Заборове, в поселении, что осталось от имения Скобелевых. Я, как и мой учитель И.П. Попов, исчезал после завтрака и исследовал окрестности. В школе, построенной легендарным генералом, учились дети. Мы сушили зерно в скобелевском храме. Дом Скобелевых сгорел, сад почти уничтожен, пруды засохли. Кому это все помешало? По возвращению я отправился в Рязанский обком, сказать, что разрушаются беломраморные саркофаги на могилах Михаила Дмитриевича Скобелева, его отца и матери Ольги Николаевны. Меня не услышали. Вынашивался план: перезахоронить национального героя на Волгоградке, что проходит неподалеку. Посетить его могилу каждый год пытались гости из Болгарии, но дороги, которой по черноземью можно проехать в Заборово, не было. Слава Богу, план переноса могил не удался. Через пятьдесят лет я вновь был в Заборове. Храм восстановлен и действует, над могилами возведен церковный придел, мраморные саркофаги больше не подвергаются разрушению. Открыт замечательный музей, растет село, к нему ведет асфальтированное шоссе. В России надо проявить терпение, и тогда Правда и Справедливость обязательно восторжествует. Вера в победу справедливости – одна из особенностей национального характера.

Если бы не было студенческих колхозов, их нужно было выдумать. Мне искренне жаль современных студентов. Мне жаль их еще и потому, что с ними

не было рядом фронтовика Ивана Павловича Попова, терпеливого и всепонимающего, который умел, не повышая голоса, добиваться сознательной дисциплины, воспитать ответственность, чтобы мы стали настоящими работниками, свободными в нашем студенческом общении, людьми, умеющими о многом размышлять и многим интересоваться. Он готовил нас, в полном смысле этого слова, быть гражданами России в любой ее части, в том числе и на картофельных полях. Лишних слов при этом не тратил.

Курс Древнего Востока и Античности. Первая курсовая. Эрмитаж

Колхоз пошел нам на пользу. По окончании работ нам разрешили взять картошки, сколько можем унести в сетках-авоськах. Общежитские девчата этим пользовались, а мы, городские дураки, постеснялись. Взяли по несколько картошин в свои рюкзаки. Напрасно, картошка на сторожиловских полях уродилась очень вкусная.

На занятиях мы встретились с Иваном Павловичем как хорошие знакомые. Мы с ним успели поговорить о многом. Взгляды наши совпадали. Он знал нас в деле, как добросовестных студентов, даже поддерживал в столкновениях с «переростком»-фронтовиком Женей Артемовым. Тот был просто заносчив, а учился тогда не очень хорошо.

Иван Павлович Попов на лекциях посвящал нас в тайны Древнего Востока. Курс читал обстоятельно, не торопясь излагал он страну за страной, фараона за фараоном. Несколько имен из Древнего Востока я помню и сейчас, например, почему-то хеттского царя Шупилулеума. Учебник Авдиева очень хороший, удостоенный Сталинской премии.

Иван Павлович читал нам и Античность – историю Древней Греции и Рима. К каждому экзамену полагался, как мы тогда говорили, свой кирпич. Наши толстенные учебники ассоциировались с камнем на шею студента, чтобы легче было топить его на экзамене. Учебник В.И. Авдиева состоял из 750 страниц. У Машкова «Древний мир Рима» – столько же. Книга «Древняя Греция» такого же веса и размера. Это были интереснейшие учебники, но только до тех пор, когда тебя не начинают спрашивать чуть ли не постранично. Но студенты все равно что-нибудь придумают.

Первый экзамен у нас был по Древнему Востоку. Около 750 страниц самого совершенного учебника, отмеченного высочайшей премией. У студентов, как у доброго вора, к каждому экзамену должны быть свои хитрости – отмычки. Нам об особенностях каждого экзамена обычно говорили старшекурсники. Но Иван Павлович читал этот курс студентам впервые. Кое-что мы изобрели и сами. Готовя Восток мы поняли, что многое в государствах древних веков выглядит в учебнике вполне сопоставимо, может, даже одинаково.

Не сразу пришли к таким заключениям. Мы сначала пытались запомнить особенности многочисленных государств Востока, но по мере продвижения в учебном материале выявили их похожесть. В каждом государстве – похожая природа и ир-

ригационные сооружения, а в обществе рабство и тирания. И воюют они друг с другом. Мы поняли, что можно выучить как следует и подробно одно или два государства, например, Вавилон или Египет с Сирией и Финикией. А дальше, что бы вам не досталось в билете, можно рассказать о социальной структуре общества – о том же рабстве, характеризуя хозяйство, – об ирригационных системах. С кем кто воевал запоминать не надо. Посмотри на карту – воюют чаще всего с соседями. Говори уверенно, показывая на карте. Что-то общее мы нашли в верованиях. Все – язычники. Нужно знать только в каждом государстве несколько имен. Это не так просто. Всего в учебнике было имен восемьсот. Государств насчитывалось 16 или 18, как считать. В истории некоторых из них, например, нужно было различать периоды Древнейшее египетское государство, отдельно Египет древнего периода, Египет среднего царства, Египет нового времени, а еще нужно было знать Египет в позднее время. Отдельно выделялись вопросы культуры: Вавилонская культура, культура Древнего Египта. Что поделаешь, количественные издержки специальности: сам выбирал...

Экзамен Иван Павлович принимал спокойно, помогал студентам справиться и с волнениями первого экзамена и трудностями огромного фактического материала. Преподаватель к мелочам не придирался, любил правильную речь и логику. Сдал я этот экзамен на пять, открыв для себя элементы типологии еще на первом курсе. Правда, термина «типология» мы тогда не знали, но уловили, как нам казалось, суть. Всегда есть природа страны и техника хозяйства, общество и сам человек. В эпохе не очень они различаются.

Современные «тестовые» студенты термин знают, но они не понимают сути типологии. Мы эту суть вывели вполне прагматически, самостоятельно на материалах тысячелетней истории Древнего Востока. Европейской цивилизации тогда еще не было. Возможно, и здесь проявлялось ненавязчивое влияние Иван Павловича, но как он сумел это сделать, я воспроизвести не могу. Может, мы сами ее попутно изобрели, серьезно готовясь к экзамену по Древнему Востоку.

Особенно интересны в Древнем мире в изложении Ивана Павловича были вопросы культуры. Раскопки Шлимана, загадки глиняных табличек, блеск античности в греческих храмах, скульптуре, философии, мужество римских центурионов, строй фаланг и мудрость римской юстиции. Впечатляли громадные империи, для каждой из которых находился свой Аттила. Все империи погибли... Есть о чем подумать. Правда, мы не империя, а Советский Союз... Но все же...

По истории Греции и Рима – по каждой отдельный «кирпич» – учебники страниц по семьсот. Интересный, но попробуй удержать все в памяти. Хорошо, что Лев Любимов, староста группы, распределял учебники. Учебники были у нас персональные, без этого в вузе нельзя. Добывали мы их в институте и в разных библиотеках. Обязательно у каждого имелась программа, чтобы видеть весь курс. Обзавелись и секретом. У Льва был дореволюционный Новый энциклопедический словарь Брокгауза, а в моей семейной библиотеке – 50-ти томная Большая советская энциклопедия. Билеты мы доставали у девчонок старшекурсниц. Они все добросовестно записывали и хранили. В билетах – конкретные вопросы. В энциклопедиях ответы конкретней, чем в учебнике. Статьи Брокгауза

лучше запоминались. Авторами в немецкой энциклопедии были лучшие специалисты России по данной проблеме. Если там материала не было, читали по Советской энциклопедии. В этом была нужда, особенно в персоналиях. Примерно то же делают современные студенты, не читая учебников, они скачивают в интернете текст соответствующий экзаменационному вопросу, и зазубривают его или достают «скаченные» тексты прямо на экзамене. Только вот на дополнительные вопросы отвечают с трудом. Сказывается нехватка освоенного исторического процесса, который последовательно дается в учебнике. Отрывочные тексты, «выловленные» в интернете, не заменяют логики хорошего учебника. Сегодня в МГУ, борясь с современной техникой, не дают времени на подготовку – предлагают, вытащив билет, отвечать сразу без подготовки. А что делать? Против современной техники преподаватель противостоять не в силах. Через несколько минут «подготовки» к ответу у студента в его телефоне больше материала, чем в голове преподавателя. И все же я отличаю интернетовское информационное безграничье и действительные знания. У первого всего три команды: скачать, копировать, вставить. Читать материал, полученный таким образом, не обязательно. У знания же три качества: соображать, изобретать, творить. Они вполне совместимы. Но без знаний с одним информационным безграничьем личность не состоится.

В период сессии днем и ночью учебник рядом. Чем ближе к экзамену, тем – ближе к тебе должен быть учебник. И ночью с ним не расставались. Подремлем, проснемся и продолжаем читать. Обычно учебник делился закладками на части по количеству дней, данных деканатом для подготовки к экзамену. Днем учили вдвоем, дома у Льва Любимова, пытаюсь постичь мудрость древних и античных веков. Вечером еще раз штудировали материал перед сном – каждый у себя дома. Кое-что записывали. Так лучше запоминалось, участвовала «механическая» и зрительная память. Мог и случай представиться на экзамене. Иван Павлович был педагогом требовательным и к студентам и их знаниям внимательным. Пройти через его экзамен так просто было невозможно. В сессию мы учили денно и ночью.

Меня с Иваном Павловичем связала еще и курсовая работа, полагавшаяся в конце первого курса. Я выбрал Древний Восток. Педагог, давая тему, обычно видит ее перспективу. Мне Иван Павлович посоветовал вавилонские мифы сравнить с текстами Библии. Не очень обычный для того времени совет, да и Библии тогда в свободном доступе не было. Их владельцы эту собственность не афишировали. Иван Павлович договорился с владельцем уникального издания Библии старшекурсником Прошляковым, и он мне отдал почти на полгода роскошное издание в картонном футляре. Иван Павлович знал все редкие книги и их владельцев. Интересных изданий по теме в институтской библиотеке не было.

На помощь пришла моя семья. В семейном бюджете нашлись деньги на поездку в Ленинград, вдобавок отец вручил мне письмо к директору Эрмитажа Б.Б. Пиотровскому. Откуда мог знать доктор медицины о том, что по Востоку главным специалистом был именно он, я до сих пор понять не могу. Мы знали Б.Б. Пиотровского по лекциям как исследователя государства Урарту, не больше.

Нам тогда знать о родителях и их времени не полагалось. О многом они не имели права рассказывать даже детям. Запретными были: Первая мировая война, Учредительное собрание, жизнь в дореволюционной России и т.д. Они были не свидетелями – участниками. Все, что я знаю о прошлом отца, я отыскивал в зрелые годы в Военно-историческом архиве. Отвоевав Первую мировую войну с первых дней и до самодемобилизации в 1918 году, отец, ставший профессиональным военным, в 32 года начал жизнь с чистого листа: закончил медицинский факультет, стал доктором наук и профессором в области медицины. На фронте он был награжден Георгиевским крестом, а в чине младшего офицера пулеметной команды заслужил орден Святой Анны IV степени и надпись на холодном оружии «За храбрость». Он знал Петербург, Петроград, Ленинград не по книгам. Весь 1915 год после ранения лечился в госпитале, который находился недалеко от Зимнего дворца, на Бородинской улице. В 1930-е годы семья находилась в Петергофе и в Ленинграде. На Васильевском острове в нашем доме жили пушкиновед Г.А. Гуковский, крупный ученый в области химии В.Н. Верховский, писатель, собиратель фольклора В.Н. Нечаев. Книгами его дочери Н.Г. Долининой о Пушкине и Лермонтове зачитываются и сегодня.

Отец работал и защитил докторскую диссертацию в 1-м Ленинградском медицинском институте им. И.П. Павлова на Петроградской стороне. У студентов его поколения был уникальный вузовский опыт. Почти все профессора, которые учили первых советских студентов в дальнейшем не преподавали по известным причинам. В университете работали крупные специалисты в области гуманитарных наук. В Саратове деканом факультета был философ С.Л. Франк, в Перьми читали лекции А.А. Любищев, Г.В. Вернадский. Здесь начинал работать будущий академик Б.Д. Греков. Причиной перехода отца из одного университета в другой была мобилизация на Колчаковский фронт.

Опыт семьи – часть нашего исторического познания. С годами к семейной памяти добавился личный опыт – впечатления от событий чему был свидетель. Это обязательная и надежная частица нашего представления об историческом процессе. Мы много узнали и прочувствовали в биографии И.П. Попова, стоя у двухэтажного дома его ближайших родственников в славном городе Елатье на берегу Оки. Он об этом месте иногда упоминал. Есть замысел устройства в доме музея купеческого быта.

Отец, как и И.П. Попов, был лично свободен. Он благословил меня на историческую стезю. Я Ивана Павловича понимал лучше других, ибо знал своего немногословного отца, тоже фронтовика, с его военной педагогикой, заключавшейся всего в одном правиле: «Делай как я».

Итак, благодаря двум фронтовикам, действительно понимавшим ценности жизни, каждый день зимних студенческих каникул 1955 года я приходил в Эрмитаж к открытию и уходил, когда хранители прикрывали особо ценные экспонаты специальными холстинами. В непарадных полуподвальных помещениях были выставлены невероятно богатые коллекции древности, в том числе, – свидетельства, артефакты высокой культуры Вавилона. Удалось приобрести описания этих коллекций. Конечно, я был и в Малахитовом зале, зале героев 1812 года и во многих других залах Эрмитажа...

В библиотеках я открыл изумительные книги Б.В. Тураева, В.В. Струве, в институтской – оказались многие тома об Античности Теодора Моммзена. Подковавшись музейными и книжными впечатлениями, я приступил к написанию самой работы. Не забывал и Библию, рекомендованную для сравнения И.П. Поповым. Один из моих выводов не очень подходил для атеистического времени моего студенчества: тексты Библии отражают реальность природной истории Двуречья. Спасибо Ивану Павловичу: он это не только принял, но представил курсовую на вузовский конкурс студенческих работ. Ее отметили, перепечатали на машинке в 4-х экземплярах. Это моя первая тиражированная работа. Она сохранилась в недрах нашей замечательной институтской библиотеки. Совсем недавно главный библиограф Рязанского университета Марина Тимофеева хотела мне ее показать. В ту неделю у меня не хватило времени, а дальше не стало нашей Марины. Мы с ней соавторы небольших работ о Л.С. Фрид и П.А. Орлове. Она составитель многих библиографий ученых РГПИ. Мы благодарны милым и знающим библиотекарям родного вуза. Их стараниями мы, еще студентами, становились участниками к уникальным изданиям. Бескорыстные и эрудированные, они поддерживали наш интерес к чтению, по-человечески относились к студентам. С ними всегда дружил и И.П. Попов.

К благодатному влиянию И.П. Попова на историческое образование я еще вернусь. Сейчас же скажу, что уже первый курс расставил для меня важные вехи, которые вели в разные сферы исторической науки.

На кафедре истории СССР

Моя вузовская преподавательская и научная стезя началась на кафедре истории СССР. Ближе всех, как заведующий кафедрой, был Иван Павлович Попов. Он умел посмотреть на молодого преподавателя как на равного и это очень помогало становлению. Педагогика у него была вполне командирская, хотя он был на войне рядовым. Делай как я: я пишу книгу, и ты пиши, я докторской занимаюсь, и ты занимайся. Он был крупным ученым, родоначальником нового направления, изучающего русский либерализм, организатором многих коллективных работ. Лишних слов не произносил.

Моя работа на кафедре, как и у Ивана Павловича, началась со знакомых картофельных полей. В сентябре, хоть аспирантский срок кончился 1 октября, я поехал со студентами факультета истории в Новодеревенский район. Руководил сразу четырьмя курсами студентов, которые работали в разных колхозах и совхозах. Пригодился опыт целины и навыки работы в Железнодорожном РК ВЛКСМ. Определил лидеров студентов, они стали бригадирами, пытался наладить быт и питание. Я переезжал на попутках из села в село, стараясь появляться в течение суток в каждом пункте работы студентов, заставляя их на поле или на ночлеге. В Александро-Невском, куда привозили картофель из всех колхозов и совхозов района, меня подсаживали в нужную машину. О диссертации забыл, физически устал, получил травму спины, помогая девчонкам на погрузке, но месяц такой круговерти выдержал.

В 1967/68 учебном году в нагрузку первого семестра я получил лекции и семинары по истории с древнейших времен до XVII века включительно, а во втором семестре – курс историографии до первой четверти XIX века включительно. Два года я провел за письменным столом в напряженном режиме: отчитав лекцию, садился готовить следующую. Не считая лекций Н.П. Милонова на первом курсе в 1954 году о феодализме, а историографию нам не преподавали, я был самоучкой. Очень помог А.Г. Кузьмин, чьи курсы я принял, который познакомил меня с методикой проведения семинарских занятий в МГУ.

Я был свободен в тематике и форме лекций. Эпоха, когда каждую лекцию нужно было утверждать на кафедре, меня миновала. На первых порах к каждому занятию я готовил 50–60 карточек. С ними я свободно передвигался по аудитории или перебирал их, стоя за кафедрой.

Диссертацию ради лекционных курсов пришлось отодвинуть, что пошло ей на пользу. Наука историография и учебный предмет еще только входили в учебные планы пединститутов. Меня спас курс лекций Л.В. Черепнина «Русская историография до XIX века». Достать ее было нельзя, она вышла еще в мои студенческие годы минимальным тиражом. Подарил ее для меня, конечно, Иван Павлович. Качество наставника – вовремя дать нужную книжку – бесценно.

Историография – наука не простая, ее введение в вузы означало конец единомыслию в истории. У каждого крупного русского историка были свои особенности в объяснении общественного развития. Нужно было не просто констатировать различия, но самому понять, почему это произошло, и объяснить студентам, особо не интересовавшимся такими сложностями. Подходит ко мне после лекции очень добросовестная студентка и говорит: «Леонид Васильевич, ничего у вас не понимаю», хотя она все скрупулезно записывала. Я посмотрел на нее с сочувствием и сказал: «Если бы только ты. Я тоже не все понимаю. Это философия истории. Надо не просто уловить различия между разными школами, главное – понять, почему стала преобладать та или иная точка зрения, победила та или иная идея. Не так просты русские историки, не просты изгибы человеческой мысли. Давай продолжим учебу, постараемся понять эту науку вместе». Не скрою, я побаивался зачета по историографии за студентов и за себя. Иван Павлович об этом знал или догадывался и шутил: «Успокойтесь, Леонид Васильевич, все равно студенты разбираются в историографии, как евнухи в прелестях любви». Он прав, книг многих историков, которых мы называли в лекциях, студенты не читали, в библиотеках их не было. На зачете я не придирался, старался помочь учащимся разобраться в этой сложнейшей науке, ценил общую культуру, хорошую речь и логику ответа, повторял своего учителя. Историографию в Рязанском пединституте ввели В.Н. Розенталь и А.Г. Кузьмин, а затем курсы перешли к Ивану Павловичу и ко мне. Учебников не было.

И.П. Попов объединял рязанских историков, но особенно повезло мне. Мы разговаривали по телефону почти ежедневно. Поводом могла быть статья в специальном журнале, новая книга, очередной номер «Книжного обозрения». Иван Павлович был великим книжником. Ему я обязан подписке на издание П.А. Заончковского «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» и другим книжным редкостям.

Иван Павлович обязательно уделял внимание своей физической форме. Этим тоже был близок ослабленным юношам военного времени. Я разделял его увлечения. Зимой мы ходили в бассейн. В открытых водоемах начинали купаться сразу после разлива. В утреннее летнее время мы перед рабочим днем встречались на Ореховом озере, и там нам было что обсудить. После купанья учитель спешил домой, ему нужно было купить хлеба или еще что-то по хозяйству. Мы с сожалением расставались, мне к девяти нужно было быть на работе.

В любой вечер мог раздасться звонок Иван Павловича: «Мы едем на конференцию». Дальше назывался город. Это мог быть Смоленск, Калининград, Тула, города Украины, чаще – соседний Воронеж. Особенно важными для нас были первые в стране историографические конференции. Благодаря участию в них, рязанская историография была на переднем крае науки. Вместе с И.П. Поповым мы были на Всесоюзной конференции преподавателей историографии в Смоленске (1973), которую вел, а также делал главный доклад «О преподавании историографии в высшей школе» А.Л. Нарочницкий. Первый раз я видел М.В. Нечкину. В ее вступительном слове, прочитанном смолянином Г.Т. Рябковым, определилась цель конференции: «Главное действующее лицо конференции – преподаватель историографии в вузах Советского Союза». Это было обращение к нам. Некоторое время Нечкина сидела в президиуме в большом бархатном берете. Видно было, что ей нездоровилось. Когда она спускалась со сцены, ее поддерживали с обеих сторон под руки.

Новый учебник «Историография истории СССР» представлял В.Е. Иллерецкий, до его издания оставалось несколько лет. Рязанцы не выступали, но с конференции мы возвращались с новыми идеями и предложениями.

На калининградской конференции «Актуальные вопросы изучения и преподавания историографии в высшей школе» И.П. Попов выступил с методическим докладом о самостоятельной работе и студенческих рефератах по историографии. У меня, по настоянию И.П. Попова, было выступление сверх программы о региональной историографии – об Обществе исследователей Рязанского края (1979). Здесь присутствовала супруга В.А. Дунаевского – профессор Е.В. Чистякова. По ее рекомендации я получил предложение написать статью по своей теме для историографического ежегодника «История и историки». В те времена было очень сложно с публикациями, и моя состоялась благодаря авторитету И.П. Попова. Он умел держаться с самыми именитыми историками на равных. С мнением нашего преподавателя считалось ученое сообщество, и потому тепло принимало и его учеников. С заместителем Нечкиной по Совету истории исторической науки В.А. Дунаевским И.П. Попов был очень дружен. Оба фронтовики, у обоих фантастическая военная биография. Они хорошо понимали друг друга. Ученик Нарочницкого Дунаевский стал организатором зональных центров и конференций по историографии. Мы оказалась в зоне Воронежского университета и были там почти ежегодно.

Особенно представительными в Воронеже были «Историографические чтения» в честь 80-летия академика М.В. Нечкиной. Выступали Городецкий, Дунаевский, Рудницкая, Лейбенгруб, Волобуев, Цамутали, Фукс, Троицкий,

Сарбей, Антонов, Киреева, Корецкий, Чесноков – вся советская историография в лицах. И.П. Попов делал обстоятельный доклад «Проблемы либерального движения в России середины XIX века в изданиях и трудах Группы по изучению революционной ситуации 1858–1861 годов Института истории СССР АН СССР». У меня было сообщение «Использование историко-литературных памятников в курсе историографии истории СССР». Мне казалось, что не только документы, но и идеи писателей, выраженные в романах и поэмах, тоже являются объектом историографии. Секция конференции меня не поддержала. И.П. Попов, крупный исследователь русской культуры, напротив, отнесся к предложению сочувственно. Поддержал появление в лекционном курсе историографии тему «Пушкин – историк». Я продолжаю заниматься проблемой органической взаимосвязи истории и литературы. Вышла книжка «Полонский: личность и творчество в русской культуре» с главой «Поэт Я.П. Полонский и история». На Всероссийской конференции «История и литература» в Петербургском университете в год литературы (2015) идея получила большее понимание. Впервые эту мысль, страшно волнуясь, я излагал в присутствии Д.С. Лихачева и В.Т. Пашуто на конференции в Туле по случаю 600-летия Куликовской битвы. Сообщение «Московско-рязанские отношения периода Куликовской битвы» основывалось на анализе летописных известий и литературных произведений. Мое выступление поддержали в кулуарах участники конференции И.П. Попов, А.Г. Кузьмин и Э.М. Щагин. Конференцию о юбилее Куликовской битвы мы провели в РГПИ. Главным был доклад И.П. Попова «Историческое значение Куликовской битвы». Материалы Тульской и Рязанской конференции не были опубликованы. Текст выступления И.П. Попова сохранился. Сохранилась звукозапись еще одного доклада И.П. Попова на конференции в институте культуры, посвященная 900-летию Рязани.

С И.П. Поповым мы были на Первой Всесоюзной конференции по историческому краеведению в Полтаве. Доклад «Патриотическое воспитание студентов Рязанского пединститута при помощи краеведческой работы» И.П. Попова и мое сообщение «О принципах построения учебного пособия по истории родного края» опубликованы в материалах конференции. Это было началом для создания целой линейки учебных пособий по региональной истории.

И.П. Попов был нетерпим к фактическим ошибкам, неточностям, всякого рода безграмотности. В этом случае мог быть и язвительным. Только вышла моя статья, – звонок. Голос Ивана Павловича, откликаюсь, говорю о вышедшей статье. «А зачем вы назвали о книжку С.Т. Славутинского «Генерал Измайлов...», я продолжаю: «и его дворня». «Я знаю, что так написано у автора. Но у вас-то же написано “Генерал Измайлов и его родня”». Красною. Оплошка. Книжку Славутинского знаю хорошо. Что делать? Громко смеюсь ...над собой.

«Читать и писать надо внимательней», – говорит Попов, смягчаясь. Оправданий быть не может; казалось бы, несколько раз читал статью, а вот такая невероятная ошибка. Наверное, буду помещен в коллекцию «чудничек».

Невероятная скрупулезность ученого, глубокое проникновение в тему предопределило участие И.П. Попова в факсимильном издании «Голоса из России». Он составил комментарий к VIII книге вместе с И.Б. Володаским и Г.А. Кайновой, и IX – вместе с Е.Л. Рудницкой. На мой взгляд, это центральные, во всяком

случае, очень важные тома издания, посвященные исключительно крестьянскому вопросу. Предисловия к «Голосам...» написаны Н.П. Огаревым и А.И. Герценом, которые «не собирались входить в разбор помещенных статей». Это проекты освобождения крестьян и «Политическое завещание Ростовцева». В IX томе помещены соображения Унковского по докладам редакционных комиссий. Комментарии И.П. Попова – пятьдесят страниц интереснейшего и содержательного текста. Назван автор первого опубликованного проекта освобождения крестьян – Н.А. Серно-Соловьевич и устанавливается авторство статьи из Твери, в котором Герцен и Огарев сомневались. По обоснованному мнению И.П. Попова – это Унковский. Начало издания на год опередило «Колокол». Без данного историко-литературного памятника невозможно исследование Великих реформ. Тома I–VII уникального издания, одно название чего стоит «Голоса из России», собираемые Герценом и Огаревым, комментировали И.Н. Емельянов, Порох, В.Н. Розенталь, Н.Я. Эйдельман. У нас, историков, комментарии ценятся особо, здесь же они приобретали характер самостоятельного исследования. Сложный по составу Памятник практически не изучался. М.В. Нечкина упоминает только работу своего дипломника на истфаке МГУ Я. Пинуса, но она была утеряна, а автор погиб в последний год войны. Так или иначе наше поколение рязанских историков были знакомы с названными исследователями, со многими лично. На моих полках книг с автографами особую ценность представляет издание «Голоса из России» с дарственной надписью Ивана Павловича.

И.П. Попов, Ю.В. Фулин, К.А. Малофеев помогли стать на ноги Рязанскому филиалу Московского института культуры, открытому в 1980 году. Материальная составляющая значения не имела – всего-то 1 р. 20 коп за час. Откликнулись молодые преподаватели института, из моего первого выпуска в РГПИ Вячеслав и Сергей Костиловы, Юрий Лосев. Большую помощь оказали литераторы профессора Р.А. Фридман, М.М. Верховская, доценты И.Н. Гаврилов и А.М. Каргова. Во время длительной болезни мои лекционные курсы по истории читал любимый ученик Ивана Павловича – Е.Г. Тарабрин. Студенты института культуры хорошо принимали приглашенных преподавателей. Роль РГПИ и его педагогов в развитии вузов Рязани нигде не обозначена и ждет своего исследователя.

Историографический старт, данный на кафедре истории в РГПИ, я очень ценю и продолжаю заниматься этой наукой. Самая крупная моя монография об историке Иловайском, несколько книг и научных конференций посвящены консервативному и либеральному направлениям в русской историографии. Консерваторы дальше всех продвинулись в изучении монархической России, а другого строя Россия до 1917 года не знала.

Редактор Ленинградского отделения издательства «Наука» профессор Ю.В. Кривошеев предложил написать предисловие к изданию Д.И. Иловайского. Моя вступительная статья, фактически мини-монография «Русский историк Д.И. Иловайский» (4 п. л.) – послужила предисловием книги с докторской диссертацией «Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой» и историко-биографическими очерками Е.Р. Дашкова, Я. Сиверс. Книга вышла в серии «Русская библиотека». В какой-то степени это факт признания историографических заслуг Рязани. Мое увлечение историками начиналось в историографической школе В.Н. Розенталь и И.П. Попова.

В последние тяжелые дни болезни Ивана Павловича меня в Рязани не было. В день приезда на пути с вокзала я встретил Е.Г. Тарабрина. Он шел с поминок. Я не был на похоронах поэтому в моей памяти Иван Павлович остался, каким я его знал в течение сорока лет.

В нашей памяти незабвенен образ профессора И.П. Попова, скромного, интеллигентного человека, с глубокими познаниями. Педагога всечеловечного, разделявшего с нами тревоги нашей жизни, непростую действительность.

Мы любили, любим и помним наших преподавателей: каждый из них вложил в нас частицу себя. Нам было у кого учиться. Они подвели нас к двери, войти предстояло самим. Мы выбор сделали – продолжили дело наставников. При жизни историка обобщающие работы о нем, как правило, не создаются. Накапливаются источники, рецензии, отзывы, переписка, фото и записи речи. Настоящая статья – из этого жанра. Главным источником исследования творчества историка – его труды. Нам необходимо опубликовать диссертацию «Либеральное движение в России». Это богатый материал для истории России и губерний Центра.

Я не видел Ивана Павловича в церкви. Но в дни Пасхи, одевшись в праздничные костюмы, он вместе с Анной Федоровной обязательно гулял по набережной, разделяя праздничное настроение со всеми рязанцами. Христианские праздники, как заповеди у нас в душе. Иван Павлович – замечательный семьянин, нежно любящий своих дочерей, помогавший во всем жене Анне Федоровне. Я бывал в их доме с краткими деловыми визитами, приносил то новую рукопись, то отредактированную статью очередного сборника. Переступить порог их квартиры означало погрузиться в благословенную тишину. Я понимал тишину профессорских квартир, признак того, что здесь много и серьезно работают. В доме Поповых удивительная чистота и уют. Иван Павлович принимал меня в гостиной, где стояли книжные шкафы и полки – предмет особой заботы. Иван Павлович привез их из Ленинграда. Он единственный из нас устраивал, догадываюсь, что под влиянием Анны Федоровны, в конце учебного года чистку своих архивов, просматривал и удалял лишние газеты, журналы, а то и книги.

Издания в обрамлении полированного дерева, за прозрачными, как хрусталь, стеклами выглядели особенно красиво, были притягательны. Вспоминалось предостережение то ли сатирика, то ли книголюба: «Не шарь по полкам жадным взглядом...» Но оторваться трудно. Здесь много редкостей, привезенных, например, с последнего Всесоюзного съезда книголюбов или подаренных великими или не очень современными историками. Книги из библиотеки выдавались неохотно, и строго контролировался их возврат. Я помню из этой библиотеки взятый в студенческие годы для доклада по историографии и возвращенный том из собрания, не рекомендованного тогда, историка М.Н. Покровского. В зрелые годы я получил крайне нужную для работы монографию Р.А. Кареевой о Бестужева-Рюмине с автографом. Мне некоторые книги достались в подарок. Помню книгу Ключевского 1918 года издания, некоторые художественные книги, с которыми по неведомым мне причинам решал расстаться мой старший друг и наставник. После деловой части визита, если дома была Зоя Ивановна с мужем мы делились рязанскими новостями, планами на лето.

Они собирались в Папушево, что около Пры, а мы готовились к сплаву на байдарках по той же речке от Клепиков до Брыкина Бора или устья. К нашим беседам присоединялась и Анна Федоровна.

Мы с женой Светланой Владимировной и супругами Ореховыми были приглашены на ужин в честь защиты докторской диссертации в Институте истории АН СССР. За столом с кипельно белой скатертью и звенящими хрустальными рюмками гостеприимная хозяйка угощала невероятно вкусными блюдами. Гречневые блины, пирог, запеченный отдельно, а затем наполненный свежей клубникой. Почему-то его называли немецким. Была и дичь, может, разговоры о ней. Иван Павлович – страстный поклонник утиной охоты. На берегу озера он с какой-то тоской провожал взглядом гусиные и утиные стаи.

Но главное – это гостеприимство и внимание настоящей русской семьи, да и предмет торжества особенный. С супругами Ореховыми мы были дружны. Виктор Петрович – фронтовик-сталинградец, его жена педагог – историк, учительствовала вместе со Светланой Владимировной в 1-й школе г. Рязани, не только по номеру. Пригласить гостей, чтобы всем было интересно – особое искусство. Все приглашенные любят природу. Иван Павлович – охотник, Виктор Петрович – заядлый рыбак, женщины понимают толк в грибных походах. Мы радуемся до сих пор встречам с его дочерью Зоей Ивановной. Она работает в РГУ на факультете естествознания, много делает для сохранения рязанской экологии. Иногда предаемся воспоминаниям, а бывает, по старой привычке, делимся сложностями современной жизни. Недавно вместе были в Елатье, в родном для семьи Поповых городе, и на выставке, посвященной Ивану Павловичу, в музее университета на дне его памяти. Там присутствовали коллеги и студенты. В Елатье в доме Поповых планируют открыть краеведческий музей. Завещанием ученого молодым исследователям, стали его книги учебное пособие для спецкурса «Основы научного исторического исследования».

А.Д. Попова

ИСТОРИК И ВРЕМЯ (О ФУНКЦИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ)

Автор выделяет общественное значение исторической науки, показывает, что на современном этапе развития общества долг ученого-историка помочь найти духовные ориентиры и сформировать систему ценностей, объединяющую людей.

историческая наука, воспитательные функции, идеология, патриотическое воспитание.

История как наука сложилась еще в древние времена. В борьбе за выживание нашлось место такому, на первый взгляд, бесполезному делу, как интерес к собственному прошлому, что само по себе не облегчает, казалось бы, процесса выживания. И в этом плане актуальным является вопрос: а зачем человечеству

нужна такая наука, как история. Кто такой историк? Чем он занимается? В обывательском мнении историк часто выступает в образе «архивной крысы», то есть человека, сидящего в архиве и читающего старые и пыльные бумаги, никому, кроме как историку, не интересные.

Зачем историк читает эти документы? Нужно ли это только ему или общество тоже нуждается в работе историка? К сожалению, в современном обществе представление о функции исторической науки несколько ограниченное. Когда я спрашиваю своих студентов и курсантов, которым читаю курс истории государства и права, что такое история и зачем она нужна, то получаю ответ, что история – это наука о прошлом, а прошлое надо изучать, чтобы не повторять ошибок прошлого. Однако не все так просто. Получается, что это наука, предназначенная для руководителей. Профессор МГУ Л.И. Семеникова дает свое определение: «История – это колоссальный массив духовно-нравственного, культурного и социального опыта человечества, накопленный многими поколениями. Историческая наука делает доступной эту копилку человеческого опыта всем»¹. Профессор добавляет, что история – это наука об истоках современности. Соответственно, история как наука помогает понять каждому человеку и всему обществу в целом откуда он вышел, к каким целям идет, на какую систему ценностей можно опираться. То есть история позволяет почувствовать себя не просто человеком, а Гражданином с большой буквы. Без осознания этого не может быть ни страны, ни нации. Именно история в первую очередь в союзе с другими сферами духовной жизни – философией, литературой, искусством – формирует мировоззрение общества.

В этом контексте история превращается из элитарной сферы знаний в массовую. Она нужна каждому как опора его деятельности. Как моральная и духовная опора. Соответственно это определяет и роль историка в обществе. Кто как не ученый-историк может донести этот колоссальный опыт до народа. Ученый Н.М. Карамзин сделал великое дело своей стране: он открыл обществу его историю. Его труд «История государства Российского», написанный на огромном массиве источников, отличался еще легким и интересным языком. Историю читали практически все умеющие читать, включая салонных барышень. Три тысячи экземпляров разошлись за месяц. Эту тенденцию продолжили и вузовские ученые-историки. В России вузы были не просто механизмом подготовки профессиональных кадров. Они становились очагами просвещения и носителями духовности. Лекции В.О. Ключевского проходили при переполненных залах, куда приходили не только студенты-историки.

Советская власть первоначально сделала попытку отказаться от исторического прошлого, но быстро поняла тупиковость этого пути. Особенно история оказалась востребованной в годы сильных испытаний. В годы Великой Отечественной войны, когда наша страна становится одной из главных сил, способной уничтожить коричневую чуму, становится очевидно, что у общества, которое решает мировую задачу просто не может не быть прошлого. На плакатах, обращенных к бойцам Красной Армии и труженикам тыла появляются исторические

¹ Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1999. С. 5.

образы: Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Ушаков, Суворов и др. Не случайно учебные заведения для мальчиков военного профиля получают наименования суворовских и нахимовских. На фронт для поднятия боевого духа солдат едут не только артисты, но и ученые-историки.

Современным историкам есть о чем подумать. Наше общество переживает трудный и переломный момент. Смена политического и экономического строя не могла не повлечь и трансформацию духовных ценностей. Коммунистическая идеология сменилась свободой слова, плюрализмом. С одной стороны, это радует, с другой – нельзя не признать, что общество оказалось в некоторой растерянности в плане поиска духовных ориентиров. Плюрализм и свобода совести позволили проявиться и вещам малопонятным и малопринятым в обществе, вплоть до фашизма и экстремизма. В этой ситуации общество очень медленно нащупывает возможные духовные ориентиры. И именно родная история становится одним из таких маяков. Бесспорно, значимое место в сознании современных россиян занимает Победа в Великой Отечественной войне. Сакральный характер ее для россиян был подтвержден массовостью акции «Парад победителей». В этом году предприняли попытку оживить гордость россиян и еще за одну страницу отечественной истории: полет первого человека в космос. Потребность в подпитке национального сознания исторической памятью видна и в современном кинематографе и телевидении. Наряду с бесконечными криминальными сериалами, стали сниматься фильмы, где главными героями становятся люди советской эпохи – Чкалов, Фурцева, Любовь Орлова, Ободзинский. Даже можно отметить такой интересный момент: в общепите стало модно делать интерьер под советский быт, то есть использовать в оформлении зала вещи советских времен – от старого будильника или люстры до томика Маркса, возрождать советские названия, например, «Вареничная № 9» или «Вареничная “Победа”». И если выбор самого владельца заведения еще можно объяснить желанием избавиться от старых вещей, то сами посетители таким интерьером восхищаются, видя в советских вещах особую изюминку.

Однако нельзя не отметить, что обращение к истории в массовом сознании происходит на довольно поверхностном уровне. В сознании большинства современных выпускников школ история представлена обрывочными фактами или очень размытыми образами. Даже участвуя в патриотических акциях молодые люди порой имеют очень слабое представление о событиях, которые стали поводом для этого. Праздник День народного единства 4 ноября празднуется уже не первый год. Этот день в календаре определили как альтернативу коммунистическому 7 ноября. Не могу сказать, что выбор сделан неудачно: день освобождения Москвы от польско-шведских захватчиков вполне может претендовать на дату, способную консолидировать общество, будить патриотические чувства. Вопрос первокурсникам о том, что мы праздновали, на первый взгляд, не поставил их в тупик. Последовал дружный хором ответ: «День народного единства». Однако на этом познания закончились. Вопросы о событиях далекой истории, о героях Минине и Пожарском вызвали затруднение абсолютно у всех студентов группы. Также нередко вызывают затруднения вопросы о событиях Великой Отечественной войны, о выдающихся деятелях культуры и искусства. История должна ложиться в массовое сознание не лозунгами и обрывочными сведениями, а стройной

и развернутой системой научных знаний, только тогда она способна по-настоящему стать инструментом формирования гражданского сознания. При этом необходимо использовать весь спектр исторических знаний. У нас начал складываться стереотип: патриотическое воспитание – это значит обращение к военной истории. Конечно, изучение боевого прошлого нашей страны как никогда способствует формированию патриотических взглядов. Однако мы можем и должны гордиться не только военными подвигами, но и другими страницами нашей истории: достижениями наших ученых, рекордами спортсменов, деятелями культуры.

На современную историческую науку ложится важная мировоззренческая функция. При подготовке учителей истории необходимо внушать будущим педагогам, что их главная обязанность – формирование гражданского сознания. Однако воспитывать и просвещать надо не только детей и студентов. Исторические знания должны стать элементом массовой культуры в самом лучшем смысле этого слова. Мы, профессиональные историки, частенько сетуем, что история в популярном варианте преподносится в не совсем качественном виде. Изыскания Фоменко, некоторые телевизионные программы, как и фильмы на исторические темы вызывают критику. Однако есть смысл задуматься, чем заполняется пустая ниша, этому популизму ничего не противопоставляется. Историческая наука должна не только критиковать. Она обязана просвещать и пропагандировать. То есть в популярных изданиях, журналах, на телевидении и радию должен звучать голос профессионального историка.

К сожалению, реалии сегодняшнего дня таковы, что ждать массового прихода историков в народ не приходится. Публикация в популярном журнале ничего не даст преподавателю-историку. Публикация в известном журнале «Наука и жизнь» не будет оценена как публикация в заграничном и недоступном для российского читателя журнале, входящем в базу Scopus. Более того, современный вуз оценивается по критериям эффективности, очень далеким от просветительской миссии вуза. По современным нормам ученый должен зарабатывать деньги, а не просвещать. Хотя именно осуществление основной функции науки и должно определять ее эффективность. У каждой сферы деятельности она своя. Наверное, было бы странно, если, приходя на балетное представление в театр, где танцуют выпускники балетного училища, мы оценивали эффективность работы этого училища, имея в виду заработанные деньги и число скопукских публикаций у преподавателей этого училища. Эффективность данного учебного заведения мы оцениваем по своим впечатлениям от спектакля.

Так и эффективность исторической науки должна определяться ее способностью воздействовать на массовое сознание, участием в процессе формирования мировоззрения общества, гражданского сознания, поиском ценностных установок, способных сплотить общество, придать смысл его существованию. В этом и есть главная функция исторической науки.

Список использованной литературы

1. Семеникова, Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций [Текст]. – Брянск, 1999.

А.И. Минаев

К ПРОБЛЕМЕ УЧАСТИЯ ИСТОРИКОВ В ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье обосновывается тезис о том, что в международных отношениях триада прошлое – настоящее – будущее прослеживается весьма отчетливо. Автор обоснованно показывает, что для комплексного, верифицированного анализа современной ситуации в мире, научно обоснованного прогнозирования ее развития необходимы исследования историков.

история, историческое сознание, международные отношения, система, прошлое, настоящее, будущее.

Историческое сознание в целом и историческая наука в частности направлены сегодня, прежде всего, в прошлое. Так было далеко не всегда. «Становление европейского исторического сознания Нового времени выражается в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее, с одной стороны, рассматриваются и воспринимаются как отдельные самостоятельные модусы, а с другой стороны, оказываются неразрывно связанными движением человеческого общества от прошлого через настоящее к будущему, определяемому на основе экстраполяции существовавших или существующих тенденций»¹. Историк Нового времени являлся и «летописцем» прошлого, и «толкователем» настоящего, и, в немалой степени, «предсказателем» будущего. В силу меньшей дифференциации гуманитарного знания история тогда компенсировала отсутствие многих научных социальных дисциплин.

В Новейшее время последние десятилетия прошлого, настоящее и будущее становятся, как правило, объектами изучения для других гуманитарных научных дисциплин – экономики, социологии, политологии. Член-корреспондент РАН Л.П. Репина отмечает: «В целом для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. Это установление разрыва между настоящим и будущим часто описывается как “презентизм”, исчезновение измерения будущего как такового, которое, будучи отделено от настоящего, перестает быть реальным. ...Историки отказались от идеи предсказания будущего и практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется, и даже если знания о том, как были устроены общества прошлого, помогает понять современное общество, оно все же не дает нам никакого точного знания о том, что грядет»².

Международные отношения, по нашему мнению, представляют собой такой сегмент социальной практики, в котором прошлое, настоящее и будущее переплетаются самым причудливым образом и почти всегда находятся в тесной причинно-следственной связи.

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 495.

² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. ... С. 499.

Обоснуем выдвинутый тезис. В середине XVII века после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) международные отношения приобрели системный характер, обусловленный тем, что их важнейшим актором стало национальное государство, реализующее свои интересы посредством и внешнеполитической деятельности. Политологи в большинстве своем полагают, что с тех пор развивается, трансформируясь, приобретая новые количественные и качественные характеристики, все та же вестфальская система с ее приматом государства в международных делах.

Историки подходят к проблеме несколько иначе. Для них развитие международных отношений – последовательность сменяющих друг друга систем, характеризующихся уникальным распределением силы между главными акторами. Эти системы жестко взаимосвязаны, поскольку прекращение предшествующей обуславливает возникновение новой.

Независимо от особенностей исторического и политологического восприятия международных отношений, представления о преемственности и взаимосвязи в них прошлого, настоящего и будущего проступают весьма отчетливо.

Последние двадцать пять лет стали периодом неоднократных существенных изменений системы международных отношений. В эти годы мы застаем закат биполярности, наблюдаем несостоявшуюся монополярность, под которой мы понимаем американский гегемонизм, констатируем многополярность. Интенсивность процессов на международной арене позволяет сделать два, как нам представляется, бесспорных вывода. Во-первых, в современном мире отсутствует устойчивая система отношений между государствами и другими акторами. Во-вторых, пришедшая на смену биполярности нестабильность подтверждает наши представления о чрезвычайной подвижности триады прошлое – настоящее – будущее в международных отношениях.

В большой степени сложность процессов на международной арене объясняется не только наличием нескольких центров влияния, но и их многоуровневым характером. Таких уровней насчитывается, по крайней мере, пять:

- 1) межгосударственное или военно-дипломатическое измерение мировой политики;
- 2) экономическое измерение;
- 3) поле тектонических глобальных демографических сдвигов;
- 4) специфическое пространство, представляющее собой домен символов, идеалов, поле культурных кодов;
- 5) геополитический и геоэкономический уровень ³.

На каждом из указанных уровней складывается собственная конфигурация концентрации и распределения влияния. В силу ярко выраженной асимметрии современной многополярности в пользу США, они могут быть одним из лидеров или вызывать серьезные сдвиги на всех «полях». Мы полагаем, что позиции Российской Федерации сопоставимы с американскими на первом и пятом. Поскольку межгосударственное или военно-дипломатическое измерение мировой

³ См.: Соловьев Э.Д. Российско-американские отношения и окончание эпохи однополярности // Современный мир и геополитика. М., 2015. С. 299.

политики, а также геополитический и геоэкономический уровень остаются, на наш взгляд, приоритетными «полями» именно с точки зрения формирования международной архитектуры будущего, пару США – Россия следует рассматривать по-прежнему как определяющую во многом мировой порядок. Что касается Китая, то, как нам представляется, пока он сам позиционирует себя как мощная, но все-таки региональная, держава.

Констатируя усиление позиций Российской Федерации на международной арене, мы вместе с тем отмечаем отставание нашей страны на втором и четвертом уровнях, выражающееся в экономических проблемах и незрелости в демонстрации своей «мягкой силы». Последнее объясняется тем, что советские символы, идеалы, культурные коды ушли в прошлое, а российские, для того чтобы быть интересными остальному миру, пока формируются.

Почему мы призываем историков международных отношений активно участвовать в обсуждении возможных моделей их дальнейшего развития?

Во-первых, переживаемая системой международных отношений модернизация чрезвычайно сложна, противоречива и, в немалой степени, труднопрогнозируема. Разумеется, прямых аналогий в прошлом найти невозможно в силу того, что изменения происходят на фоне многочисленных явлений и процессов, порожденных глобализацией и движением к постиндустриальной стадии в развитии цивилизации. Вместе с тем, понимание закономерностей международных отношений, даже в краткосрочной перспективе, требует коллективных интеллектуальных усилий представителей различных научных дисциплин, в том числе и истории. Ясно одно, что адекватное восприятие будет носить междисциплинарный характер, и историкам никак нельзя остаться в стороне.

Во-вторых, в триаде прошлое – настоящее – будущее именно «прошлое» имеет базовый, фундаментальный характер. К его изучению выработаны надежные методологические подходы и необходимый исследовательский инструментарий. Научность в изучении прошлого придаст анализу настоящего и моделированию будущего в сфере международных отношений большую верификацию.

В-третьих, настораживает то обстоятельство, что анализ современных международных отношений приобретает зачастую милитаристский вектор и риторику, склонную определять ситуацию в мире, как предвоенную. Пройдя через две мировые войны, человечество заслужило то, чтобы быть гарантированно защищенным от третьей. Историки международных отношений могут и должны внести свой вклад в интеллектуальное противодействие военной эскалации в глобальном масштабе.

В-четвертых, протекающие в современном мире процессы чрезвычайно насыщены событийно. В одной из своих публичных лекций ведущий российский политолог С.А. Караганов отмечает: «Неожиданно для всех мир вернулся в XVII–XVIII века, в эпоху формирования национальных государств и борьбы всех против всех. Это означает, что на современную международную арену возвратилась история, поскольку за последние четверть века после окончания холодной войны мировое сообщество несколько расслабилось»⁴.

⁴ Караганов С., Мозжухин А. Мир вернулся в эпоху борьбы всех против всех. Политолог Сергей Караганов о внешнеполитических итогах 2015 года. URL : <https://www.globalaffairs.ru/pubcol/Mir-vernulsya-v-epokhu-borby-vsekh-protiv-vsekh-17913> (дата обращения: 27.02.2016).

Таким образом, анализ современного состояния международных отношений, определение перспектив их развития настойчиво требуют участия и научных изысканий профессионального историка.

Список использованной литературы и электронных источников

1. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика [Текст]. – М., 2011.
2. Соловьев, Э.Д. Российско-американские отношения и окончание эпохи однополярности [Текст] // Современный мир и геополитика. – М., 2015.
3. Караганов, С. Мир вернулся в эпоху борьбы всех против всех. Политолог Сергей Караганов о внешнеполитических итогах 2015 года [Электронный ресурс] / С. Караганов, А. Мозжухин. – Режим доступа : <https://www.globalaffairs.ru/pubcol/Mir-vernulsya-v-epokhu-borby-vsekh-protiv-vsekh-17913> (дата обращения: 27.02.2016).

О.Д. Попова

ДУМЫ О СУДЬБЕ РОССИИ И ДУХОВЕНСТВА... (МЕМУАРЫ СЕМИНАРИСТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ)¹

В статье показано место мемуаров семинаристов в обсуждении проблем реформы духовной школы. Анализ показал, что многие авторы воспоминаний критиковали существующие порядки в духовных семинариях. Значимым для анализа документов является учет социокультурной ситуации в обществе. Именно различное отношение к проблеме семинарской реформы обусловило разнообразие мнений авторов о своем образовании.

история духовного сословия, мемуары, социальные трансформации, модернизация, реформа духовной школы.

В общественной мысли России проблемы судьбы страны и реформ занимали центральное мест. Поэтому отечественную историческую науку всегда интересовало развитие общественной мысли. Эта проблематика всегда была одной из ведущих в нашей исторической науке. Большое значение имеет отбор и введение в исторический оборот соответствующих источников. Безусловно, классическими источниками по этому вопросу являются документы общественной мысли: выступления на страницах печати, проекты преобразований. В 70-е годы XX века в рамках работы группы М.В. Нечкиной по изучению первой революционной ситуации в России И.П. Поповым были изучены и введены в исторический оборот проекты либерального дворянства по отмене крепостного права в стране.

Однако с вхождением государства в XX век в процесс обсуждения проблем России включилось все больше и больше социальных слоев, а также значительно расширились и средства представления этой общественной мысли. В XX веке в дискуссии о дальнейших путях развития России включились не только предста-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ – № 16-01-00468

вители наиболее образованного дворянства, но и представители духовенства, девушки, мечтающие о высшем образовании и о политических правах. Следовательно, встает и проблема ввода в исторический оборот новых исторических источников.

При изучении истории духовного сословия немалую роль могут сыграть мемуары бывших воспитанников духовных семинарий. Долгое время к мемуарам из-за их субъективности относились лишь как к источнику фактического материала. Например, в середине 1970-х годов П.А. Зайончковский писал: «Ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»².

Однако представляется, что мемуары учащихся являются не только источником, которые проливают свет на многие специфические особенности повседневной жизни того или иного учебного заведения, но также раскрывают душевные переживания автора, а его личное восприятие происходящего позволяет осознать ментальный настрой всего общества. Особенно ярко это утверждение относится к мемуарам семинаристов рубежа XIX–XX веков. Важнейшее значение для анализа любых мемуаров является проблема, ЧТО и ЗАЧЕМ хотели сказать авторы читателям. Значимым для анализа произведений имеет социокультурная ситуация в обществе, значение религиозных, политических, культурных факторов.

Специфика мемуаров семинаристов начала XX века состоит в том, что они были адресованы своим современникам. К публикациям мемуаров подключились многие «Епархиальные ведомости». На страницах воронежских, тамбовских, тверских, костромских «Епархиальных ведомостей» стали появляться мемуары выпускников соответствующих семинарий. Формальным поводом для многих таких текстов были юбилейные даты учебных заведений. Для большинства из них характерно указание на место и время происшедших событий. Также одновременно появляется достаточно большой пласт анонимных мемуаров, авторы которых зашифровали и себя, и место действия.

Представляется, что важнейшим посылом, заставившим многих выпускников духовной школы взяться за перо, было желание высказаться на тему реформ духовного образования и особенно семинарского устава 1884 года в соответствии, с которым была отменена возможность семинаристов поступить после обучения в первых четырех классах в университет. Сюжетная линия в большинстве случаев типичная: учебный курс, преподаватели, подробности повседневной жизни, дисциплина, свободное время. Однако одновременно многие авторы пытались ответить на вопрос: насколько плоха или хороша была семинария до эпохи Великих реформ, во время преобразований Александра II и в эпоху контрреформ.

Поэтому одна из тем, которая в том или ином виде присутствует у многих авторов, – это обсуждение семинарских уставов 1867 и 1884 годов, и главная проблема: какая цель семинарии, кого она должна готовить: пастырей для духовного служения или быть учебным заведением для детей духовенства, открывающим широкие жизненные перспективы? Ситуация сословной замкнутости, необходимость с юности соблюдать определенный образ жизни переживалась

² Цит. по: И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская [и др.] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие. М., 1998. С. 470.

авторами по-разному. Причем эта разница позиций наблюдается у авторов, даже учившихся в одних и тех же учебных заведениях.

В частности, выпускник Воронежской семинарии, подписавшийся как С-кий, рассуждая о своем образовании в 1859–1865 годах, свое приготовление к пастырской службе воспринимает совершенно спокойно. Он даже со спокойствием пишет о существующей среди семинаристов дедовщины³. А вот взгляд его товарища П.В. Цезаревского более критичный. Он дает высокую оценку работе педагогов, хорошо отзывается о начальстве епархии. Однако сам учебный курс оценивает как «бессистемный», много критики у него вызывает изучение медицины, сельского хозяйства семинаристами. Рассуждая о семинарской реформе 1867 года, он подробно изложил позиции епархиального начальства, а также посетовал, что все реформы сводились к усилению контроля, отстраненности руководства Священного Синода от дел конкретных учебных заведений. В этом он видел причину развития «духа политиканства» среди молодежи⁴.

А Ю.А. Галабутский, описывая свою учебу в Одесской духовной семинарии, новый семинарский устав 1884 года называет «циркуляром, закрепостившим семинаристов», одновременно указывает и на то, что большинство к религии относилось или равнодушно, или отрицательно⁵.

Ряд авторов о семинарской системе образования писали вообще очень критично, критикуя и саму систему, и конкретный стиль учебного и воспитательного строя отдельного учебного заведения. Такие мемуары порой наполнены весьма колоритными сценами семинарской жизни и яркими эпитетами. В частности, Н. Смоленский в своих воспоминаниях сравнивает духовную школу с голубем, она «как символ духа, задыхающегося и трепещущегося в грубых руках монаха»⁶. Особо ярко во многих мемуарах подчеркивалось, что воспитанники учебных заведений, основная цель которых готовить пастырей, всячески уклонялись от христианских обязанностей. Тот же Смоленский указывал, что излишнее религиозное рвение отдельных учащихся порой останавливали сами педагоги и другие ученики: «Ванька, не части, а то в желтый!» [имеется в виду «желтый дом» или психиатрическая лечебница – *О.П.*]⁷. Особо резко критиковалась воспитательная система духовных семинарий, которая во многом была построена на тотальном контроле, постоянном подозрении по отношению к учащимся: «Недоверием насыщена вся семинария. Ученик чувствует себя всегда заподозренным, всюду встречает острый высматривающий глаз неумолимого начальства, преследующего его по пятам. И находясь в положении травленного зверя, семинарист изощряется только в умении уйти от преследования, постоянного и неусыпного. Обе стороны в этом отношении часто поднимались до творчества»⁸.

³ С-кий. Из воспоминаний воронежского семинариста 1859–1865 годов // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 19. Часть неофиц. С. 771.

⁴ Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии // Звонарь. 1907. № 9. сент. С. 276.

⁵ Галабутский Ю.А. Из воспоминаний о духовной школе. Киев, 1902. С. 31.

⁶ Смоленский Н. Очерки современной бурсы. Картины, типы и типики. М., 1906. С. 20.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Там же. С. 24.

Таким образом, семинаристы через призму своих воспоминаний пытались осознать проблемы системы духовно-учебных заведений, встать на ту или иную позицию. Рассказывая о своих повседневных буднях, они хотели выявить наиболее желательные формы развития семинарской реформы.

Список использованной литературы

1. Галабутский, Ю.А. Из воспоминаний о духовной школе [Текст]. – Киев, 1902.
2. Данилевский, И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории [Текст] : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская [и др.]. – М., 1998.
3. С-кий. Из воспоминаний воронежского семинариста 1859–1865 годов [Текст] // Воронежские епархиальные ведомости. – 1899. – № 19. – Часть неофиц.
4. Смоленский, Н. Очерки современной бursы. Картины, типы и типики [Текст]. – М., 1906.
5. Цезаревский, П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии [Текст] // Звонарь. – 1907. – № 9, сент.

С.Г. Рюмин

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье автор дает определение понятию «либерализм», рассматривает либерализм в историческом аспекте. Особое внимание уделяется развитию либерализма в России. Итогом исследования является оценка дальнейшего развития либерализма в нашей стране.

либерализм, общественная мысль, особенности либерализма в России, К.Д. Кавелин, И.А. Ильин.

Либерализму в России фатально не везет. Зачастую термин «либерализм» употребляют в негативном контексте. Иногда уничижительно: «либерасты». Дескать, чуждо это россиянам. Однако на самом деле либерализм имеет достаточно славную историю.

Либерализм (лат. *liberalis* – свободный) провозглашает высшей ценностью права и свободы каждого человека. Еще Марк Аврелий рассуждал о государстве с законом, равным для всех. Идеи либерализма развивали мыслители английского и французского Просвещения. «Отцом» либерализма называют Дж. Локка, писавшего о верховенстве закона, о естественных правах и свободах человека. При этом Локк свободу совести не распространял на атеистов и католиков. И уж вовсе невозможно представить, чтобы Локк призывал к защите прав секс-меньшинств, с чем ныне зачастую ассоциируют либерализм.

История либерализма в России своеобразна. Зачастую либеральную инициативу проявляли власть и интеллигенция, заимствуя опыт Запада, не всегда адаптированный к российским реалиям. Первыми «либералами» оказывались цари, их окружение, осознавшие необходимость общественных реформ, связанных

с отменой крепостного права, демократизацией власти, обеспечением прав и свобод. Великий реформатор Петр I «прорубил окно в Европу». Стали появляться переводы Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка и других философов и юристов. Вольнодумство расцвело в «век золотой» Екатерины II, однако ее шокировали события Великой французской революции, и она подвергла опале просветителей А.Н. Радищева, Н.И. Новикова. Александр I после вступления на престол поручил разработать план реформ М. Сперанскому, но либеральные чаяния не реализовались. Идеи либерализма в России получили дальнейшее развитие в ходе полемики между славянофилами и западниками. Эпоха Великих реформ Александра II укоренила либерализм в российской почве благодаря Судебным реформам, развитию земства. При этом российские либералы имели свои особенности, они акцентировали внимание на особой роли государства и православия, на социальной проблематике, связанной с вопросами правопритязания.

Русский либерализм развивался в трудах К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского, С.И. Гессена, Н.И. Кареева, П.Н. Милюкова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, И.А. Ильина и др. Они пытались разрешить противоречия общественной жизни путем не революции, а эволюции, реформ сверху. Вместо разрушения и насилия предлагалось создание гражданского общества и правового государства. Русские либералы зачастую хотели реализовать свои программы в союзе с государством, опираясь на поддержку власти.

Либеральный мыслитель К.Д. Кавелин противопоставил либерализм анархизму, полагая, что необходима поддержка государства для обеспечения гражданских прав и свобод личности. Правовед и философ Б.Н. Чичерин призывал к поэтапному законодательному введению прав и свобод и указывал, что свобода воли немыслима без нравственного закона. П.Б. Струве считал, что нация и государственность основаны на народном единстве. В сборнике «Вехи» он указал, что интеллигенция должна заниматься не только агитацией, но и воспитанием ответственных избирателей среди электората. В этом же сборнике Н.А. Бердяев критиковал русскую интеллигенцию за увлечение идеями социализма, а Б.А. Кистяковский – за пренебрежение правом.

Русский мыслитель И.А. Ильин занимал особое место в истории либерализма. Он принципиально не принадлежал ни к одной из партий. Его взгляды можно охарактеризовать как синтез либерализма и консерватизма, своеобразный «консервативный либерализм», или «либеральный консерватизм». Будучи последователем Гегеля, философ понимал, что свобода личности ограничивается правом, что и отличает ее от произвола. Право мыслитель рассматривал как духовный феномен. Особое место в его творчестве занимает правосознание, исследованию которого посвящен труд «О сущности правосознания». И.А. Ильин называл правосознание правовым чувством человека и отмечал, что правосознание не сводится к знанию норм права, а охватывает «и чувство, и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного духовного опыта»¹.

¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М. : Русская книга, 1993. С.21.

И.А. Ильин характеризовал правосознание как естественное чувство права и правоты, как «духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям». Правосознание – это творческий источник права, живой орган правопорядка и политической жизни, «инстинктивное правочувствие». Отсюда следуют аксиомы правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к самоуправлению, взаимоуважение и доверие людей друг к другу. По мнению философа, они учат человека «самостоянию, свободе, совместности, взаимности и солидарности, духовной воле»².

Особое значение правосознанию И.А. Ильин придавал в объяснении особенностей развития общества и исторического процесса. Философ указывал, что действующее право не может существовать вне живого правосознания, иначе оно не защитит ни семью, ни порядок, ни государство. И.А. Ильин подчеркивал, что народ, лишенный государственного правосознания, способен имитировать лишь видимость государства. Философ полагал, что каждый человек имеет правосознание, но у одних оно нормальное, здоровое, а у других изуродовано. Больное правосознание приводит к тому, что правопорядок загнивает на корню, государство оказывается на грани распада. В итоге это грозит гибелью всей мировой культуры. Отсюда следует вывод о важности борьбы за укрепление правосознания. Историческую задачу русской интеллигенции философ связывал с осознанием изъянов как своего, так и национального правосознания³.

Миссия правоведения состоит в том, чтобы помочь интеллигенции и всему народу в осуществлении данной задачи. Для этого необходимо, как полагал И.А. Ильин, понять, что право и государство, хоть и регулируют внешние деяния человека, но живут именно внутренними, душевно-духовными его состояниями. Правовое строительство, как считал мыслитель, означает не изобретение новых законов и подавление беспорядков, но воспитание верного и крепнущего правосознания⁴.

Именно осуществление этой нелегкой, но необходимой задачи позволит в конечном итоге развивать в России подлинный либерализм.

Список использованной литературы

1. Ильин, И.А. Основные задачи правоведения в России [Текст] // Ильин И.А. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 9–10. – С. 201–230.
2. Ильин, И.А. О сущности правосознания [Текст] // Ильин И.А. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 4. – С. 149–414.
3. Ильин, И. А. Путь духовного обновления [Текст] // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 3. – М. : Русская книга, 1993. – С. 39–284.
4. Рюмин, С.Г. Значение единства морали и права для правового государства и гражданского общества в философии И.А. Ильина [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2012. – № 36. – С. 49–60.

² Ильин И.А. О сущности правосознания. М. : Русская книга, 1993. С.21.

³ Ильин И. А. Путь духовного обновления. М. : Русская книга, 1993. С.21.

⁴ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в Росси. М. : Русская книга, 1993. С.221.

М.Ю. Лачаева

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЕНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье автор анализирует методологические подходы к изучению истории. Дает характеристику экономического развития России. Показывает зависимость экономического пути развития страны от этических и психологических подходов.

общественная мысль, Россия и Запад, великорусский тип хозяйства, история хозяйства.

Выбор Россией своего пути становится центральной темой в философской мысли и научных размышлениях на рубеже веков. Так было сто лет назад на рубеже XIX–XX веков. На рубеже XX–XXI веков интерес к методологическим подходам изучения прошлого вновь актуализировался и уже привнес свои результаты. Из всего спектра междисциплинарных подходов в центре внимания в данном выступлении будет «философия хозяйства» и историческая психология.

Прочтение работ мыслителей, представлявших отечественную мыслительную традицию и оригинальную национальную школу, писавших в конце XIX–начале XX века в 1990–2000-х годах, показало, что приоритет отдавался вопросам теории познания исторического процесса. В состоянии ожидания их решения оказалась теория исторического процесса.

Историки и экономисты обратились к рассмотрению глубинных процессов национальной исторической жизни, анализу коренного русла экономического развития страны. И историки, и экономисты в поисках смыслов обращались к психологии великорусского хозяйственного деятеля и его хозяйственной этике. Знаменитый историк В.О. Ключевский (1841–1911) и в «Курсе русской истории», и в специальных курсах по методологии, источниковедению и историографии предвосхитил многие направления в изучении прошлого, в частности, исторического сознания и исторической памяти как феномена.

Для Ключевского «историческая память» – это «руководящая историческая идея» народа, которая с настойчивой регулярностью реализовалась в русской истории, когда шла речь о феномене восстановления государственности. Что помнит народ? Прежде всего, времена единства, позднее утраченного, о которых он сожалеет. Времена большого общего исторического движения, о которых вспоминает с ностальгией. А еще большие бедствия, связанные с внешними нашествиями. С одной стороны, все это определяло структуру народной памяти, а с другой – особенности ее функционирования.

Разбирая широкий спектр проблем национального сознания и места России в европейской истории, понимая историю России как неотъемлемую часть истории всемирной, Ключевский рассматривал отношения России и Западной

Европы в контексте самодостаточности нашей страны. Такая позиция была для историка принципиальной. Он был убежден, что межгосударственные отношения могут выстраиваться только с величиной самоценной и самодостаточной.

Великорусский тип хозяйства и особенности хозяйственного поведения великоросса изучали как историки (в концентрированном виде Ключевский высказал свои соображения в знаменитой 17-й лекции «Курса русской истории»), так и экономисты.

Экономист, ученый и практик, общественный деятель, публицист и педагог В.П. Безобразов (1828–1889) выделил «фактор древности» в качестве важнейшего концепта, необходимого для экономического анализа современного состояния отдельных регионов России. В многотомном исследовании «Народное хозяйство России. Московская центральная промышленная область» Безобразов пришел к выводу, что пределы выделенных им на основании собранных экономических данных и выделенных параметров наиболее развитых экономических, прежде всего промышленных областей России (к последней трети XIX века), почти совпадали с границами Русского государства, сложившимися к концу XVI века.

Удел князя Андрея Боголюбского, который, по Безобразову, в будущем составил ядро Московской государственности, поскольку заложил основу единоначалия в Ростово-Суздальской земле, совпадал с территорией активно развивавшейся в 1870–1880-х годах отечественной промышленности, прежде всего текстильной (Владимирская губерния, восточная часть Московской губернии, южная часть Рязанской губернии). Здесь, как считал Безобразов, «самое яркое выражение племенного народного типа» – «великорусского типа с великорусским говором».

Ставя успехи развития страны в прямую связь с уровнем народного благосостояния, русские экономисты, проанализировав социальные, исторические и историко-географические параметры хозяйствования, находили выход в кооперации. Они не игнорировали связи между материальной и духовной культурой русской нации, для них это было недопустимо в принципе. Нам это представляется сегодня особенно важным еще и потому, что мы стали современниками тенденции переоценки самобытности России в материальной жизни (понимаемой как синоним неразвитости страны) и недооценки ее духовной и культурной жизни.

Духовный кризис общества рассматривался русскими мыслителями как прямая причина катастрофического состояния природы. Они ставили экологическую проблему и считали, то в ее решении должны объединиться государство и общество, город и провинция. История обретала смысл с позиции реализации личностью высоких смыслов «гармонизации». По выражению М.И. Туган-Барановского, народного хозяйства. Экономическая отечественная школа была исторической и этико-психологической. Представители ее школ: И.К. Бабст – А.И. Чупров – С.Н. Булгаков; М.И. Туган-Барановский – Н.Д. Кондратьев, и др. понимали, что корни экономического поведения лежат в сфере сознания и культуры. Разрушительным центробежным силам нашлись идеи консолидации. Прозвучав сто лет назад, они не были реализованы как вектор национального развития. Спустя сто лет, они вновь заслуживают внимания.

Н.П. Марченкова

ОПЫТ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ П.А. СОРОКИНА

В статье автор обращается к накопленному методологическому опыту исследователей в исторической науке. Особо отмечена актуальность исследований Питирима Сорокина. Проводится анализ некоторых работ П.А. Сорокина, подчеркивается значимость его исследований в современной науке.

интегративный подход, П.А. Сорокин, русская революция, гражданская война, факторный анализ, причины революции.

В современных условиях усложняющегося социума в гуманитарных исследованиях необходима разработка адекватного нашему времени концептуального аппарата, методологических стратегий и методов исследования. Потребность в разработке и освоении научного инструментария особенно важна сегодня, когда, по мнению большинства специалистов, «теоретический и методологический плюрализм начинают воспринимать как нормальное для современной науки состояние, более того, как необходимое условие ее развития»¹. В этих условиях обращение к методологическому опыту выдающихся исследователей прошлого столетия оказывается весьма полезным для освоения новаторских научных школ, направлений и методик, учитывающих достижения и взаимосвязь истории, социологии, психологии, политологии и других социогуманитарных наук. Это в полной мере относится к методологическим подходам известного русско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина.

Идейное наследие выдающегося нашего соотечественника, ученого с мировым именем Питирима Сорокина стало возвращаться к нам сравнительно недавно, лишь в постперестроечный период. Оно более всего изучается сегодня социологами, и менее всего проявляли интерес к его наследию историки. Между тем в творческой лаборатории П. Сорокина, которую еще предстоит осваивать нашим современникам, мы находим уникальное сочетание исторического и социологического анализа и синтеза сущности и характера русской революции. С этой точки зрения русская революция с присущими ей деталями и подробностями – объект историка, а революция как тип – объект социолога. В опубликованном в России впервые только в 2005 году фундаментальном исследовании «Социология революции» Сорокин первый и, пожалуй, на сегодня единственный, кто дерзнул дать масштабное полотно русской революции в сравнительно-историческом контексте со всеми мировыми революциями. По сути, в этом уникальном труде представлена нагляднейшим образом на солидном документальном материале вся анатомия и физиология русской революции начала XX века, все основные виды и формы социокультурных деформаций в революционном

¹ См.: Медведев В.А. Теоретико-методологические тенденции развития социально-гуманитарного познания // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 7.

процессе. Особенно убедительно, с пронизывающей остротой и доказательностью представлены в ней нравственные деформации.

Несомненной заслугой П. Сорокина как историка и социолога является глубокое осмысление социокультурных основ русской революции, которые он затрагивал в книге «Современное состояние России» (1923), в статье «Россия после НЭПа» (1923), фундаментальном исследовании «Голод как фактор» (1922) и, наконец, в работе «Социология революции» (1925). Сам термин «социология революции» именно П. Сорокин ввел в научный оборот. Масштабное исследование русской революции 1917–1923 годов и всех основных революций в других странах позволило ученому выделить закономерности и специфические особенности мирового революционного процесса и сопровождающих его деформаций.

П.А. Сорокин применял интегративный подход в изучении общества и общественных явлений, который опирался на структурно-функциональный анализ системы. Системный анализ строился на положении о том, что социальная жизнь есть функционирование социальной структуры. П. Сорокин придавал сущностное значение понятию структурно-функционального анализа. В общественной жизни он выделял социальное, под которым понимаются формы человеческой деятельности (роль, статус, группа, институт); культурное – результаты и условия человеческой деятельности (мир ценностей) и личность как субъект и объект деятельности. В его интегративном подходе в центре внимания всегда была взаимосвязь триады общество – культура – личность, их структура и динамика².

Ценным в научном синтезе П.А. Сорокина является теоретико-методологическое сближение исторической и социологической теории: широкое внедрение количественных процедур в историческое исследование, использование добытых социологией типологических понятий, существенно пополняющих исторический концептуальный аппарат. Крупнейшие социальные потрясения XX века – войны, революции, кризисы и мощные национальные движения – заставляли ученых искать в истории «значение», «смысл», общее и особенное, повторяющееся. В освещении событий революции и Гражданской войны в России П. Сорокин применял интегративный факторный подход, который во многом отличался от всех предшествующих концепций. В его основу был положен набор социальных факторов, определяющих не только исторический процесс, его ход, закономерности, но и особенности жизни отдельного индивида, групп людей.

Факторный анализ П.А. Сорокина приобрел значение после того, как стало ясно, что социокультурный и социально-психологический факторы, наряду с географическим и биологическим в совокупности, объясняют причинную зависимость общественных явлений и закономерности их протекания. Теория факторов в научных исследованиях П.А. Сорокина складывалась в значительной степени под влиянием его учителя М.М. Ковалевского, которому он посвятил несколько трудов. Наиболее ценной в теоретико-методологическом плане являлась его статья «Теория факторов М.М. Ковалевского». В ней он последовательно проводил мысль о принципиальном плюрализме Ковалевского во взглядах на роль социальных факторов

² Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии. М. : ИНИОН РАН, 2012. С. 18.

в развитии общества³. Рассматривая огромную сложность и взаимодействие большого числа социальных факторов, П.А. Сорокин, в согласии со своим учителем, призывал при анализе общества учитывать всю полноту связей и факторов: социальных (хозяйственных, правовых, государственных, религиозных), космических, биологических и др., не разделяя на главные и второстепенные. П.А. Сорокин всегда уделял внимание анализу комплекса социальных факторов общественного развития, подчеркивая значение всего множества факторов в историческом процессе развития общества. Между тем тогда, да и в современных условиях, в общегуманитарных исследованиях чаще всего прослеживаются тенденции к одностороннему выделению какого-либо из факторов.

П.А. Сорокин на протяжении всей своей научной деятельности верил в эффективность такого методологического подхода, который был чужд монизму и занимал плюралистическую позицию в методологическом конструировании фактора. В этой связи ученый критически относился к марксистскому пониманию истории о базисе и надстройке как единого универсального причинного ряда, считая, что «нельзя сводить историю той или иной эпохи к решению уравнения с одной неизвестной»⁴.

Одним из ключевых факторов, определившим в конечном итоге ход отечественной истории XX века, ее перелом П.А. Сорокин считал голод и войну. Именно эти факторы характеризуют и раскрывают социальную составляющую революции и Гражданской войны в России. В своих работах П. Сорокин исследует роль данных факторов и их влияние на состояние общества, поведение людей, социальную организацию. Проводя анализ довоенного и послевоенного состояния страны, ученый отмечал катастрофические последствия Гражданской войны и прежде всего влияние голода, вызвавшего массовое вымирание людей. В фундаментальном труде «Голод как фактор» П.А. Сорокин детально рассматривал голод как один из значительных признаков социальной катастрофы. Физиологическая, психологическая, социально-экономическая природа этого явления становится убедительным объяснением многих сторон жизни российского общества в годы революции и гражданской войны. П.А. Сорокин писал о влиянии фактора голода на идеологию, общественную организацию, происхождение социальных волнений, восстаний и революций. Им подчеркивалось значение данного фактора в анализе причин возникновения кризисных социальных явлений в разных странах, и особенно в России. Он писал: «Наконец, фактор голода лежал и в основе революции 1917 г.»⁵.

Война и голод являлись по Сорокину ключевыми условиями возникновения революционного кризиса и его последствий. Они становились факторами, определяющими все стороны жизни общества в период революции и Гражданской войны в России.

Например, при объяснении причин войны и революции в качестве методологического обоснования он применял теорию факторов: они не могут быть

³ Сорокин П.А. Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин : сб. ст. Пг., 1917. С. 190–195.

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Сорокин П.А. Голод как фактор. М. : Академия, 2003. С. 394.

сведены к какому-либо одному фактору, например экономическому или политическому, а представляют результат взаимодействия многих факторов, каждый из которых нуждается в самостоятельном изучении.

В статье «На распутье трех дорог. Война и отношение к ней русской общественной мысли» П. Сорокин выделил три основных направления, которые сложились к 1915 году : 1) «оборона страны без коренных внутренних реформ»; 2) «поражение в пользу внутренних реформ»; 3) «успешная оборонительная война на основе внутренних реформ». По его мнению, единственно правильным с точки зрения интересов справедливости, демократии и социализма, заповедей права и морали, достоинства народа и личности, является третий путь, гласящий: «внутренняя реформа для успешной обороны или успешная оборона вместе с внутренним обновлением и на его основе»⁶. Вывод П. Сорокина состоял в следующем: все силы русского общества должны быть использованы для победы над врагом, но чтобы могли быть использованы все эти силы, нужно одновременно и внутреннее обновление⁷.

Первая мировая война и революция 1917 года вызвали у П. Сорокина глубокий кризис философских, социологических, психологических взглядов на войну и окружающий мир. Он писал: «Первая мировая война пробила первые бреши в позитивистском, “сциентистском” и гуманистическом мироощущении, которое я имел до войны. Революция 1917 г. разбила вдребезги мои взгляды на мир вместе с характерной для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепций исторического процесса как прогрессивных изменений, эволюции к более лучшему обществу»⁸.

Происходит изменение его мировоззрения. Пожар первой мировой войны, революция 1917 года и Гражданская война в России (1918–1920) не могли не повлиять на его научные взгляды. Эти события дали ему богатый эмпирический материал, предоставили возможность проверить правильность своих интуитивных, рациональных, эмпирических представлений о войне как сложном социальном процессе.

В 1920-е годы на первый план П.А. Сорокина выходят исследования реальных последствий результатов Первой мировой и Гражданской войны. Разрушительные процессы дают о себе знать и после войны. В центре внимания ученого – социальная роль войны: 1) изучение влияния войны на состав населения (количество и качество); 2) особенности морально-правового поведения людей в условиях войны; 3) характер изменения общественных отношений; 4) закономерности изменений социальной структуры общества; 5) милитаризация народного хозяйства, находящегося в состоянии ведения войны.

В своей работе «Современное состояние России» он рассматривает значение и действие демографического, социально-психологического, морально-правового, политического, идеологического, экономического, национального факторов, факторов религии и образования. «Война и революция с их неизбежными спутниками:

⁶ Сорокин П.А. На распутье трех дорог: Война и отношение к ней русской общественной мысли //Ежемесячный журнал. Пг., 1915. № 9–10. С. 489–491.

⁷ Там же. С. 502.

⁸ Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. - М., 1992. С. 150.

голодом и эпидемиями – “славно поработали”»⁹. Война, по его образному выражению, похожа на огородника, который выпалывает с гряд лучшие овощи и оставляет сорную траву.

П.А. Сорокин исследует влияние голода и войны прежде всего на изменение в численном и качественном составе российского населения. В ходе данного исследования он приходит к выводу о том, что революционные события не только уменьшили численность населения, но и губительным образом сказались на его качественном составе, что, по его мнению, выразилось в увеличении процента «дефективного» (в умственном, моральном и физическом плане) населения.

Наиболее законченное глубокое и системное осмысление П. Сорокиным воздействия войны и революции на состояние общества содержится в более поздних его работах, в частности, в недавно изданной у нас книге «Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь», которая была опубликована в годы Второй мировой войны (1942). Книга представляет большой интерес для наших соотечественников, так как во многом обобщает почти 25-летнее исследование и размышления автора о социальных катастрофах («четырёх монстрах», по образному выражению П.А. Сорокина), современником и очевидцем которых ему довелось быть. Эти «четыре монстра» суть войны, революции, голод и эпидемии¹⁰.

Социологический анализ войн, революций, голода и эпидемий позволил Сорокину высказать о них немало новых и оригинальных суждений. Правда, в начале XXI века ответы Сорокина вряд ли кого могут удивить. Но в первой половине прошлого века было немало людей, веривших в революцию, идеализирующих войну, работавших на войну, делающих революцию (в России было даже целое сословие «профессиональных революционеров»). Сорокин выявляет тесную связь войны и революции, как сообщающихся сосудов. «Фактор войны – важное дополнительное условие революции, а революция, в свою очередь, – фактор войны»¹¹. В ходе их анализа ученый обнаруживает две закономерности, которые можно было бы назвать «законами Питирима Сорокина». Логика рассуждений Сорокина сводится к следующему: все революции, все войны, все преступления, все насилия, вся несправедливость – все это происходит потому, что люди сами хотят всего этого. К сожалению, как отмечает Сорокин, «пока люди таковы, каковы они есть, катастрофы являются великими воспитателями человечества», поэтому войны и революции «не являются исключительным злом: наряду с разрушительными и пагубными функциями, они играют и конструктивную положительную роль в истории культуры и творческой деятельности людей»¹².

В результате аргументации ученого прослеживается первая закономерность: закон поляризации в обществе в период войн и революций. С фактами в руках

⁹ См.: Сорокин П.А. Социология революции. Приложение 1: Современное состояние России. М. : РОС-СПЭН : Территория будущего, 2005. С. 448.

¹⁰ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь : пер. с англ. СПб., 2012. С. 17.

¹¹ Там же. С. 225.

¹² Там же. С. 14

П. Сорокин доказывает, что в любом социальном обществе люди разделяются на «святых» и «грешников», на тех, кто бескорыстно и самоотверженно приносит себя в жертву, и тех, кто на этом бедствии наживается, одни «ведут себя как настоящие герои, а другие как преступники и негодяи»¹³.

В изучении состояния российского общества в эпоху войны и революции П.А. Сорокин опирался на солидную источниковую базу и применял целый ряд статистических методов (выборочный, корреляционный, факторный анализ и др.), широко используемых в социологической науке. Сбор и анализ статистических данных о положении дел в стране П. Сорокин осуществлял как на основе официальной статистической информации (данных переписи 1920 года, советских статистических изданий и др.), так и на основе данных, собранных им самим и его помощниками в 1920–1921 годах¹⁴. Анализ этих статистических данных являлся для ученого важным инструментом для изучения социальных явлений в обществе в период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Данные методы в исследовании революционных событий помогли ему раскрыть содержание предложенного им комплекса социальных факторов, связанных с состоянием жизни общества и его развитием в экстремальных условиях. Война и голод у Сорокина неразрывно связанные явления, которые обнаруживают эту связь во всех сферах общества в период революции (социально-политического, экономического и социокультурного характера).

Исследования ученого в области социологии войны и революции были необходимы прежде всего для формирования верных представлений о путях достижения и сохранения мира. Война и мир являются, по его мнению, двумя сторонними одного социального процесса, имеющие симметричные по структуре механизмы, которые отличаются друг от друга противоположными знаками направленности. По мере выполнения войной своей исторической миссии объединения человечества во всемирном масштабе война все более, по его мнению, будет приближаться к своему концу.

Война и кризисы были для П. Сорокина не только предметом аналитического внимания, но и своего рода «мотором» мировоззренческой эволюции. Именно осознание их горьких уроков пробудило в нем потребность в исследовании и популяризации общественной роли неэгоистических (альтруистических) начал в человеке. Поэтому в конце своего творческого научного пути в поисках выхода человечества из войн и конфликтов П. Сорокин разрабатывает идею распространения и культивирования в общественных отношениях «творческого созидательного альтруизма»¹⁵. Альтруизация общественных отношений сама по себе не возникает. Ученый считал, что необходима научная разработка этой проблемы, изучение различных методик самосовершенствования и облагораживания поведения людей, возрождение социальных институтов и культуры на принципах альтруизма. С этой целью сразу после Второй мировой войны в 1946 году он возглавил в Гарвардском университете научный центр по изучению альтруизма. Под руководством

¹³ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны ... С. 146, 177.

¹⁴ Сорокин П.А. Социология революции. М. : РОССПЭН : Территория будущего, 2005. С. 414–416.

¹⁵ Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии. С. 194.

П.А. Сорокина исследовательский центр занимался изучением факторов, методик и техник морального воспитания и перевоспитания человека¹⁶.

Проблема неэгоистической, альтруистической любви отрицается большей частью современной науки как идеалистическая и нереализуемая. Можно обнаружить сколько угодно сочинений о ненависти, преступлениях, насилии, войнах, агрессии, международных конфликтах, считаемых совершенно законными объектами научного анализа, но недостает научных исследований о любви, дружбе, героизме и творчестве. Между тем, теория творческой неэгоистической любви в разработке П. Сорокина при всей ее идеалистичности, на первый взгляд, имеет огромное значение как постановка мировой, общечеловеческой проблемы гуманизации общественных отношений, забота о формировании альтруистической культуры. Данная теория при всей своей идеалистичности четко высвечивает скрытые резервы и возможности интегральной концепции социального регулирования кризисных ситуаций в международных отношениях. В условиях современного противостояния интересов на почве все большего возрастания политического и экономического эгоизма, военных угроз XXI века, когда чисто политические меры различных международных демократических институтов не дают желаемых результатов для мировой общественной гармонии, есть смысл обратиться к идейному наследию П.А. Сорокина, в частности о роли и значении альтруизма как нравственного императива.

Исторические исследования проблем войны и революции в России в первой четверти XX века могут быть существенно продвинуты с использованием и учетом интегративного социологического анализа, многофакторной методологии данной в трудах нашего гениального соотечественника, возвращенного к нам из дальнего русского зарубежья.

Список использованной литературы

1. Медведев, В.А. Теоретико-методологические тенденции развития социально-гуманитарного познания [Текст] // Социологические исследования. – 2014. – № 9.
2. Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии [Текст]. – М. : ИНИОН РАН, 2012.
3. Сорокин, П.А. Голод как фактор [Текст]. – М. : Академия, 2003.
4. Сорокин, П.А. Дальняя дорога: автобиография [Текст]. – М., 1992.
5. Сорокин, П.А. Долгий путь: автобиографический роман [Текст] : пер.с англ. – Сыктывкар, 1991.
6. Сорокин, П.А. На распутье трех дорог: Война и отношение к ней русской общественной мысли [Текст] //Ежемесячный журнал. – Пг., 1915. – № 9–10. – С. 489–491.
7. Сорокин, П.А. Социология революции. Приложение 1: Современное состояние России [Текст]. – М. : РОССПЭН : Территория будущего, 2005.
8. Сорокин, П.А. Теория факторов М.М. Ковалевского [Текст] // М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин : сб. ст. – Пг., 1917.
9. Сорокин, П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь [Текст] : пер. с англ. – СПб., 2012.

¹⁶ См. Сорокин П.А. Долгий путь: автобиографический роман : пер.с англ. Сыктывкар, 1991. С. 215–216.

О.И. Чеснокова

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Основная идея автора заключается в том, что в настоящее время для решения глобальных проблем человечества необходимо переосмысление некоторых мировоззренческих ориентиров и духовных ценностей. Отмечается, что история должна сыграть важную роль в этом процессе. В статье приводятся данные социологических исследований, на основании которых делаются некоторые выводы о существующих в обществе проблемах.

гендерный подход, социальная роль, ценностные ориентации, модернизация, отношения полов, Советская эпоха, молодежь.

В XX веке в развитии техногенной цивилизации обнаружились фундаментальные проблемы и противоречия. Глобальные кризисы (экологический, антропологический, социокультурный и др.) заставили философов, историков, политологов критически отнестись к прежним идеалам прогресса и классическим ценностям. В начале третьего тысячелетия еще более актуализируется потребность в переосмыслении фундаментальных духовных начал человеческого бытия, обоснования новых мировоззренческих ориентиров и ценностей. Этот поиск осуществляется в различных областях человеческой культуры – в науке, искусстве, религии. Существенную роль в этом процессе призваны сыграть такие фундаментальные дисциплины, как история и философия. Данные науки исследуют диахронные и синхронные процессы, идущие в сфере глубинных оснований человеческого существования, прогнозируют появление новых идеалов и ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания человечества и дальнейшего его самосовершенствования¹. Перед новым поколением стоят вопросы: как в условиях выполнения многообразных социальных ролей и ломки традиционной системы ценностных приоритетов сохранить целостность человеческой личности, особенно личности молодого человека? Как сдерживать агрессивные устремления человека и сформировать потребность в единстве, открытости, диалоге в глобализирующемся и трансформирующемся мире? Современное общество как западное, так и постсоветское (белорусское не исключение) переживает кризис духовных ценностей. Эти противоречия отражаются на формировании ценностного сознания современной молодежи вообще и гендерного сознания в частности.

Ценности выступают как желательное, предпочтительное состояние социальных связей, как критерий оценки реальных явлений; смысл целенаправленной деятельности; регулятор социального взаимодействия; внутренний побудитель к деятельности. Экономические, нравственные, правовые, политические, религиозные, эстетические, гендерные, семейные ценности формируются в целостные системы. Основаниями систем являются нравственные ценности, в которых представлены желательные, предпочтительные варианты взаимоотношений людей (мужчин и женщин), их связей друг с другом, с обществом в такой форме, как благо, добро, долг, ответственность, честь, счастье, любовь². Немалыми различиями могут характеризоваться системы ценностей различных социальных слоев, существуют аксиологические различия и между поколениями.

¹ Семенов В.С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 26.

² Зинкевич-Евстигнеева Т.А. Семь дорог женственности / Т.А. Зинкевич-Евстигнеева. СПб: Речь, 2012. С.138.

Современная цивилизация взорвала такие традиционные структуры, как передача вечных ценностей от дедов и отцов к потомкам (ценность труда, контроль общества за нравственным поведением человека, мужские и женские роли и т.п.). Человек включен сегодня во многие системы социальных отношений. Данные противоречия отражаются на формировании гендерного ценностного сознания современной белорусской молодежи³.

Белорусские студенты, родившиеся в конце XX века в условиях информационного бума, социально-экономических трансформаций, отличаются от своих предшественников, от своих родителей. В результате проведенных нами социологических исследований по теме «Ценностные ориентации студентов УО «ВГТУ» можно констатировать появление у современной молодежи следующих жизненных ориентиров: потребительство, инфантилизм и одновременно целеустремленность и практичность. Молодые предпочитают заниматься несколькими делами одновременно, многие из них сочетают учебу и работу и не испытывают трепета перед авторитетами. Они часто выбирают социальную, академическую и профессиональную мобильность и уверенно ведут себя в условиях неопределенности. При ответе на вопрос: «какие ценности определяют Ваши цели и поведение?» респонденты в 2015 году отметили три основные ценности – более 70 % назвали в качестве определяющей ценности благополучную семью, более 60 % – здоровье и около 50 % – материальное благополучие. В УО «ВГТУ» с 2005 года работает студенческий научный кружок «Проблемы гендерного воспитания и образования студенческой молодежи». На его заседаниях обсуждаются проблемы существования гендерных стереотипов и пути их преодоления; проблемы семейного насилия и торговли людьми; барьеры гендерной коммуникации; традиционные и современные семейные ценности с учетом белорусских культурных традиций и др. Так, одно из занятий было посвящено рассмотрению взаимоотношений между полами в исторической ретроспективе. Студенты в форме эссе отвечали на два взаимосвязанных вопроса: оцените известные вам факты истории 70-х годов XX века, когда ваши родители были молодыми, и сравните с современным временем; как вы считаете, какими были отношения между мужчинами и женщинами в то время и изменились ли они сегодня? Так, студентка 2 курса художественно-технологического факультета Аня Ш. неоднозначно оценила такое благо современной цивилизации, как электронная связь: «В наше время существует мобильная связь, интернет... Я думаю, что в советское время тяжело было с кем-то связаться, но, с другой стороны, когда ты пишешь письмо, идешь на почту, отправляешь его, ты с трепетом ждешь, пока оно дойдет до человека, и он напишет тебе ответ. Люди с интересом переживали это время». Отвечая на второй вопрос, она очень романтично и даже наивно оценила отношения между полами в эпоху молодости своих родителей: «Можно с точностью сказать, что в советские времена отношения между мужчиной и женщиной были чистыми. Мужчина никогда не мог позволить первым зайти в транспорт, сидеть в нем, когда женщины стоят. Сейчас же наши мужчины позволяют себе абсолютно все». Может быть это потому, что абсолютно все позволяют себе и некоторые современные женщины, и дело даже не в возрасте, а скорее в атмосфере вседозволенности.

³ Смотрицкая Г.Е. Гендерная социализация учащихся в условиях современной белорусской школы // Адукацыя і выхаванне. 2004. № 8. С.35.

Андрей С. обращает внимание на законопослушность и ответственность граждан советской эпохи: «Еще 15 лет назад в автобусах были компостеры, правда, я не знаю, для чего они, но все равно эту процедуру выполняли все граждане... Сегодня людям дали свободу, демократию, но очень многие путают демократию с анархией. В наши дни женщина уравнила права с мужчиной. Мужчины стали женщин, мягко говоря, не уважать и смотреть на них “как хорек на курицу”, желая удовлетворить свои гедонистические потребности».

Конечно, из уст студентов было много критики советского тоталитаризма, очередей, дефицита и др. Но было и много ностальгии по тому времени, которого они почти не знали, по времени, когда их родители были юными. Это была ностальгия по умению не торопиться и ждать, о терпении, о чистоте отношений между полами, взаимном уважении, заботе, дружбе, о нежности и трепетности, о чистой, искренней любви.

Оценка нашего времени также была неоднозначна, но обратим внимание на критические слова молодых, это была критика и в свой адрес. Белорусские студенты говорят о распространенном неуважительном, потребительском отношении между полами («нет тайны, нет восхищения, все напоказ, наружу, один расчет»). Их видение современных отношений: «увеличилось количество разводов, ссор, отношения между людьми изменились в худшую сторону», «в настоящее время женщина имеет больше прав, чем раньше, а мужчины стали слабее и беспомощнее. Думаю, что через 30–40 лет будет полный матриархат», «сегодняшнюю молодежь, в частности мужчин, портят всякие “грязные” каналы телевидения и сайты интернета», «большинство женщин рожают детей для себя и живут в свое удовольствие», «у нас много свободы и для плохого, и для хорошего».

Следует констатировать, что мировоззрение современной белорусской молодежи регионального вуза противоречиво, порой «размыто», мифологизировано в контексте исторических перемен, в нем сочетается ностальгия по традиционным ценностям с мирознанием и мироощущением ломки и нивелирования этих традиций. Думается, что разрешение противоречий гендерного сознания современной молодежи возможно в процессе формирования ценностного отношения к представителям обоих полов, преодоления гендерных стереотипов; ценностного отношения к любви, браку, материнству и отцовству.

Список использованной литературы

1. Семенов, В.С. О перспективах человека в XXI столетии [Текст] / Вопросы философии. – 2005. – № 9.
2. Зинкевич-Евстигнеева, Т.А. Семь дорог женственности [Текст]. – СПб. : Речь, 2012.
3. Смотрицкая, Г.Е. Гендерная социализация учащихся в условиях современной белорусской школы [Текст] // Адукацiя i выхаванне. – 2004. – № 8.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

Т.В. Тернопол

ПРОЕКТ ИДЕАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОМАНЕ Ж.-Ж. РУССО «ЮЛИЯ, ИЛИ НОВАЯ ЭЛОИЗА»

В статье автор анализирует произведение Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Ставится задача показать, какое место занимает художественная литература в изучении истории. Особое внимание автор уделяет вопросу идеальной повседневности в истории.

эпоха Просвещения, общественная мысль, повседневность, Ж.Ж. Руссо, утопизм, домашний быт.

Эпоха Просвещения в Западной Европе – это время появления нового типа личности – человека, для которого частная жизнь и самореализация в ней выходят на первый план. Идея изменить окружающую действительность в соответствии с идеалом захватывает французских просветителей: основные художественные тексты Ж.-Ж. Руссо представляют собой ни что иное, как попытки облечь в художественную форму практические советы по организации повседневной жизни. При этом если роман «Эмиль, или О воспитании» сразу был воспринят как утопический проект воспитания человека нового типа, и именно из него были выведены основные постулаты педагогики Ж.-Ж. Руссо, то в «Юлии, или Новой Элоизе» хорошо продуманный сюжет и запоминающиеся герои отвлекли внимание как первых читателей, так и последующих исследователей от темы проектирования идеальной повседневности. В этой статье сделана попытка исправить данное упущение.

Проект идеальной повседневности подается в романе как уже реализованный в семейной жизни главной героини Юлии и ее мужа господина де Вольмара. О повседневном укладе жизни в их поместье Кларан мы узнаем из писем первого возлюбленного Юлии – Сен-Пре, приехавшего погостить к ним в дом после нескольких лет странствий. Практически все письма героя из четвертой и пятой частей романа, обращенные к милорду Эдуарду, посвящены именно этой теме. Что же в организации домашнего быта кажется Сен-Пре (и его создателю) самым главным?

Прежде всего, как бы это не казалось странным, работа слуг и отношения между хозяевами и прислугой (этому посвящено Письмо X из Четвертой части). Очевидно, что в основе его лежит личный опыт Ж.-Ж. Руссо, в юности служившего лакеем, домашним учителем и секретарем в разных богатых семьях. Любопытно, что именно повседневной жизни слуг (их труду, отдыху, получаемому жалованию, нравственности) автор уделяет едва ли не больше внимания, чем жизни семейства господина де Вольмара. Подробно описывается система оплаты труда (ежегодное увеличение жалования домашней прислуги на одну двадцатую, еженедельная премия в двадцать батцев лучшему батраку, выдаваемая Юлией), организация найма слуг (предпочитают брать молодых здоровых юношей и девушек из сельской местности и приучать ко всем работам), досуг слуг (спортивные игры,

танцы, небольшие вечеринки, организуемые и контролируемые хозяевами), забота хозяев об их нравственности и хорошем поведении. Отношение работодателей к прислуге характеризуется патернализмом, и Ж.-Ж. Руссо прямо пишет: «Разве я не прав, милорд, когда сравниваю столь любезных хозяев с отцами, а слуг с их детьми?»¹ Заботу Вольмара и его жены о своих слугах Сен-Пре объясняет не только гуманизмом, но и экономическими причинами: чем больше слуга предан хозяевам и держится за свое место, тем лучше он работает.

С точки зрения Ж.-Ж. Руссо, труд необходим для каждого человека, и в идеально организованном быте Кларана у каждого обитателя дома находится свое дело, причем труд объединяет людей разного социального положения. Письмо VII Пятой части рассказывает о сборе винограда в поместье, в котором участвуют все: «Обедают господа вместе с крестьянами в обычный для них час, так же, как и работают вместе с ними»². Ж.-Ж. Руссо устами своего героя говорит о том, что именно сельскохозяйственные работы наиболее естественны для человека, поскольку обеспечивают его всем необходимым для жизни. Общение человека с природой – еще одна необходимая составляющая идеальной повседневности.

Из Письма XI Четвертой части мы узнаем о парке, который был создан по указанию Юлии и назван ею Элизиумом. Это письмо можно назвать манифестом иррегулярного (или ландшафтного) парка, вошедшего в моду во многом благодаря Ж.-Ж. Руссо. Сен-Пре подробно описывает небольшие хитрости, к которым прибегает Юлия, чтобы привлечь в свой сад птиц, как она и ее супруг сами, без помощи садовника, ухаживают за растениями и как планируют привлекать к этой работе детей, когда те немного подрастут. Таким образом, природа в идеальном мире, в котором живут супруги Вольмар, становится источником не только эстетического наслаждения для человека, но и объектом приложения трудовых умений и навыков, а также помощником в воспитании этих умений и навыков у детей.

Идея жизни в согласии с природой организует и питание в поместье Вольмаров. Как видим, и эта сторона жизни не ускользает от внимания Сен-Пре. Он пишет: «Юлия любит полакомиться и во всевозможных заботах о своем хозяйстве отнюдь не пренебрегает кухней. Дом у нее – полная чаша, о чем свидетельствует прекрасный стол, но это совсем не разорительное изобилие, – здесь царят здоровые вкусы без изощренного чревоугодия, все блюда – обыкновенные, но превосходные, готовят их просто; но очень вкусно»³. Гость рассуждает и о сервировке стола, и о мебели и обстановке в комнатах, для него, кажется, не существует мелочей, не достойных его внимания.

В письмах Сен-Пре о Кларане большую роль играют рассуждения о том, как ведение натурального хозяйства способствует экономическому процветанию, поскольку Вольмары производят все, что можно в собственном хозяйстве, и тратят только доходы с имения, не трогая основного капитала. Конечно, это требует от владельцев поместья уделять много внимания управлению им, но это их не обременяет, а, напротив, наполняет их жизнь смыслом: «Разве могут люди со здоровой

¹ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1967. С. 412

² Там же. С. 568

³ Там же. С. 504.

душой скучать, когда они выполняют самые любезные им и самые восхитительные из человеческих обязанностей, да еще делая обоюдными стараниями совместную свою жизнь счастливой? Каждый вечер Юлия, довольная истекшим днем, желает, чтоб и завтра день прошел точно так же, а по утрам просит у неба, чтоб оно ниспослало ей день, во всем подобный вчерашнему; дела ее всегда одни и те же и не могут наскучить ей, ибо она знает, что это хорошие дела, что ничего лучшего она не могла бы делать»⁴. Обратим внимание на эту мысль: правильно организованная повседневность, домашний быт трактуются как безусловная ценность, дающая человеку истинное счастье.

Таким образом, в романе «Юлия, или Новая Элоиза» мы находим проект идеальной, с точки зрения автора, организации домашнего быта в состоятельной семье Западной Европы середины XVIII века. Описываемый уклад жизни явно отличается от общепринятых практик, поскольку персонажи романа не стремятся к роскоши и светской жизни, необыкновенно демократичны по отношению к слугам и трудятся наравне с ними, а всем развлечениям предпочитают участие в сельскохозяйственных работах и прогулки в парке. Очевидно, что, описывая жизнь в поместье Кларан, Ж.-Ж. Руссо понимал, что повседневная жизнь его героев противоречит устоям, принятым в дворянской среде, но как истинный писатель эпохи Просвещения видел своей целью не только правдиво изобразить, как живут его современники, но и показать им, как в идеале следует организовать домашний быт.

Список использованной литературы

1. Руссо, Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза [Текст]. – М., 1967.

В.М. Овчинников

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ КОРОНЫ В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА

В статье автор дает оценку реформам французского правительства в начале XVIII столетия. В статье анализируются точки зрения авторов, которые занимались исследованием социального аспекта развития абсолютизма.

Новое время, Франция, здравоохранение, социальное обеспечение, абсолютизм.

Последний этап правления Короля-Солнце был сопряжен с непрекращающейся борьбой властей с последствиями многочисленных военных конфликтов предыдущих десятилетий, в этом контексте вполне логичным становится проявление государством интереса к широкому спектру социальных проблем, и, в том

⁴ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза ... С. 515.

числе, к проблеме здравоохранения, во многом именно по этой причине к 1700 году правительство берет под свой патронаж целую сеть госпиталей Парижа, делая их частью государственного механизма¹. Нельзя не упомянуть, что проблема появления в европейских государствах эпохи раннего Нового времени учреждений в социальной сфере во многом связана с завершением процесса централизации и окончательным оформлением абсолютизма как господствующей во всей Европе философской и политико-социальной доктрины².

Изданные еще в начале XX столетия работы таких исследователей, как Леон Лаллеман и Кристиан Полтр предлагали идею рассмотрения социальных реформ французского правительства в начале XVIII столетия как важный фактор развития новой системы политических и социальных связей, что, в свою очередь, можно считать важной предпосылкой в развитии современной европейской цивилизации³.

Вслед за вышеуказанными авторами многочисленные исследователи социального аспекта развития абсолютизма, такие, как Жан-Пьер Гуттон⁴, Кисси Фэрчилдс⁵, Колин Джонс⁶ и Кэтрин Норберг⁷ развивали идею постоянного воздействия государства на социум через систему социального обеспечения.

Несомненным остается тот факт, что уже в конце XVII века французская корона проводит полномасштабные реформы в области здравоохранения, что, вероятно, соответствовало популярной в тот период идее «государственного интереса», причем попытки создания центрального органа, занимающегося проблемой здравоохранения и социального обеспечения имели место еще в 60-е годы того же века, что весьма подробно описывает Жан-Пьер Гуттон, подчеркивая также, что фактором дестабилизации ситуации была активная борьба между высшими французскими чиновниками (государственными секретарями), что привело к фактическому разделению ответственности и, как результат, к полной остановке создания *hopitaux généraux*⁸, который был своего рода символом государственного влияния в социальной сфере.

Мы можем обнаружить, что более чем за столетие до этих событий корона берет в свои руки вопросы здравоохранения в рамках начинающейся секуляризации церкви, однако в полной мере вышеуказанный процесс завершится лишь к 1789 году⁹. Лишь Людовик XIV издает в 1662 году особый эдикт, требующий создания специальных медицинских учреждений в каждом городе королевства, давая при этом особые полномочия в этой области иезуитскому ордену, что можно

¹ Brièle L. Supplément à l'inventaire sommaire des archives antérieures à 1790. Paris, 1888. P. 253.

² См подробнее: Beik W. Absolutism and Society in Seventeenth-Century France. Cambridge : CUP, 1985 ; Kettering S. Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France. Oxford : OUP, 1986 ; Mettam R.C. Power and Faction in Louis XIV's France. Oxford : Blackwell, 1988 ; Collins J. The State in Early Modern France. Cambridge : CUP, 1995.

³ McHugh T. Hospital Politics in Seventeenth-Century France: The Crown, Urban Elites and the Poor. C., 2007. P.55–56.

⁴ Gutton J.P. Société et les pauvres: L'exemple de la généralité de Lyon, 1534–1789. Paris, 1970.

⁵ Fairchild C. Poverty and Charity in Aix-en-Provence, 1640-1789. Baltimore MD : Johns Hopkins University Press., 1976.

⁶ Jones C. 'Perspectives on Poor Relief, Health Care and the Counter-Reformation in France // Grell O., Cunningham A., Arrizabalaga J. Health Care and Poor Relief in Counter-Reformation Europe. London ; N. Y., 1999.

⁷ Norberg K. Rich and Poor in Grenoble, 1600–1814. Berkeley CA : University of California Press, 1985.

⁸ Gutton J.P Op. cit. P. 49–56 ; См. также: Lallemand L. Op. cit. P. 261–272.

⁹ Imbert J. Le droit hospitalier de l'ancien régime, Paris : PUF., 1993, P.17–94 ; McHugh T Op. cit. P. 39.

трактовать как первую в европейской истории попытку ведения целенаправленной социальной политики, что, конечно, вызвало недовольство и даже сопротивление в провинциях, где это посчитали стремлением центральной власти ущемить права органов местного самоуправления¹⁰. Подобная попытка унификации и централизации в области здравоохранения была несомненной инновацией государственного аппарата, который был готов финансово поддерживать ранее независимые от него учреждения здравоохранения¹¹, подтверждением чему может служить целый комплекс законодательных актов, связанных с деятельностью медицинских учреждений, создаваемых для представителей низших сословий.

До этого очень долгое время государство выступало в первую очередь в роли своеобразного арбитра в отношениях, следя за соблюдением законности и выполнением чиновниками различных уровней своих прямых обязанностей. Предпосылки складывания новой системы социального взаимодействия были связаны с рядом существенных изменений во французском обществе, происходивших на фоне пандемии чумы середины XIV столетия, которую можно рассматривать как один из факторов развития урбанизма в Европе в эпоху позднего Средневековья¹². Эпидемии вынудили французские власти действовать и постепенно ликвидировать монополию церкви в области благотворительности и здравоохранения, постепенно уничтожая тем самым сформировавшийся еще в раннее Средневековье ментальный стереотип, рассматривающий бедность как естественное состояние человека, что во многом вытекало из христианской морально-этической доктрины¹³.

Не менее важным фактором, определившим интерес французской короны к социальным аспектам развития общества в раннее Новое время, стала реализация новой геополитической доктрины, важнейшим аспектом которой было значительное увеличение затрат представителей династии Бурбонов на вооруженные силы в контексте такого процесса, как «военная революция в Европе», и система социального обеспечения частично интегрируется в военный механизм.

Причем парижский *Hôpital Général* и разветвленная сеть медицинских учреждений активно использовались французским правительством эпохи Старого порядка как инструмент социального нивелирования и борьбы с инакомыслием с целью создания устойчивых социальных связей в изменяющемся французском обществе, которое подвергалось постоянному воздействию и контролю через систему социального обеспечения со стороны государства, что позволяло ему осуществлять воздействие в сфере социального выбора через внедрение комплекса стереотипов, базировавшихся на популярном естественно-правовом принципе – принципе государственного интереса¹⁴. Таким образом, христианская идея благочестия и сострадания уходит на второй план, сменяясь более совершенным механизмом манипуляции общественным сознанием.

¹⁰ McHugh T. *Op. cit.* P. 40–54.

¹¹ См подробнее: Hickey D. *Local Hospitals in Ancien Régime France: Rationalization, Resistance, Renewal, 1530–1789*. Montréal-Kingston, 1997, P. 175–198. См. также: Fairchilds C. *Poverty and Charity in Aix-en-Provence, 1640–1789*. Baltimore, 1976 ; Norberg K. *Rich and Poor in Grenoble, 1600–1814*. Berkeley CA : University of California Press, 1985.

¹² McHugh T. *Op. cit.* P.39–56.

¹³ Code de l'Hôpital Général de Paris. Paris, 1786. P.436–438.

¹⁴ См подробнее: Lallemand L. *Histoire de la charité*. Paris, 1912. T. V. P. 67–156 ; Paultre C. *De la répression de la mendicité et du vagabondage en France sous l'ancien régime*. Paris, 1906. P. 137–311.

Список использованной литературы

1. Brièle, L. Supplément à l'inventaire sommaire des archives antérieures à 1790 [Text]. – Paris, 1888.
2. Beik, W. Absolutism and Society in Seventeenth-Century France [Text] – Cambridge : CUP, 1985/
3. Kettering, S. Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France [Text]. – Oxford : OUP, 1986.
4. Mettam, R.C. Power and Faction in Louis XIV's France [Text]. – Oxford : Blackwell, 1988.
5. Collins, J. The State in Early Modern France [Text]. – Cambridge : CUP, 1995.
6. McHugh, T. Hospital Politics in Seventeenth-Century France: The Crown, Urban Elites and the Poor [Text]. – C., 2007.
7. Gutton, J.P. Société et les pauvres: L'exemple de la généralité de Lyon, 1534–1789 [Text]. – Paris, 1970.
8. Fairchilds, C. Poverty and Charity in Aix-en-Provence, 1640–1789 [Text]. – Baltimore MD : Johns Hopkins University Press, 1976.
9. Jones, C. 'Perspectives on Poor Relief, Health Care and the Counter-Reformation in France [Text] // Grell O., Cunningham A., Arrizabalaga J. Health Care and Poor Relief in Counter-Reformation Europe. – London ; N.Y., 1999.
10. Norberg, K. Rich and Poor in Grenoble, 1600–1814 [Text]. – Berkeley CA : University of California Press, 1985.
11. Imbert, J. Le droit hospitalier de l'ancien régime [Text]. – Paris : PUF, 1993.
12. Fairchilds, C. Poverty and Charity in Aix-en-Provence, 1640–1789 [Text]. – Baltimore, 1976.
13. Norberg, K. Rich and Poor in Grenoble, 1600–1814 [Text]. – Berkeley CA : University of California Press, 1985.
14. Code de l'Hôpital Général de Paris [Text]. – Paris, 1786.
15. Paultre, C. De la répression de la mendicité et du vagabondage en France sous l'ancien régime [Text]. – Paris, 1906.

Ю.Г. Акимов

ОТНОШЕНИЕ К ХРИСТИАНИЗАЦИИ АБОРИГЕНОВ В РУССКОЙ СИБИРИ И АНГЛИЙСКОЙ АМЕРИКЕ XVII ВЕКА: СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ ИЛИ ГЛУБИННОЕ СХОДСТВО?

Статья посвящена изучению и анализу развития России и Англии в конце XVI–начале XVII века. Автор сравнивает подходы русских и англичан к вопросу христианизации аборигенов и рассматривает имеющееся между ними сходство. В статье приводятся примеры, анализируются конкретные исторические факты, делаются соответствующие выводы.

история христианства, религиозная политика, Сибирь, английские колонии, внутренняя политика.

В конце XVI века Россия и Англия почти одновременно вступили на путь масштабной территориальной/колониальной экспансии и за короткое время стали обладателями огромных империй. Основной зоной колонизаторской активности

англичан стал Североамериканский континент и острова Карибского моря (постепенно начали намечаться и другие направления); что касается русских, то они стремительно продвигались за Урал – в Сибирь и Дальний Восток.

На начальном этапе своей экспансии англичане и русские столкнулись со схожими вызовами, одним из которых было обоснование прав на осваиваемые территории и взаимодействие с коренным населением. Для этого и одни, и другие обращались к религиозной аргументации. В настоящей статье мы сравним подходы русских и англичан к вопросу христианизации аборигенов и рассмотрим имеющееся между ними сходство.

* * *

Присоединение Сибири часто рассматривалось русскими как выполнение «Божественной миссии» по привнесению туда «Света Евангелия» и «очищения» ее территории от «скверны». В ряде сибирских летописей Ермак и его соратники выступали в качестве орудия в руках Божественного провидения, а их противник Кучум представлялся в качестве слугителя темных сил, который понес заслуженное наказание. Так, в Есиповской летописи говорилось, что Ермака «посла Бог очистити место святы[н]и и победити бусорманского царя Кучюма и разорити боги мерския и их нечестивая капища»¹. Согласно С.У. Ремезову этому предшествовали многочисленные знамения в столице Сибирского ханства Кашлыке и его окрестностях².

В результате Сибирь «Божиим изволением взята бысть от православных христиан, [сииречь] от рускаго воинства, в наследие росийского скипетродержательств[а]»³. Соответственно это привело к ее качественной трансформации: «И от сих поставишася град и святыя Божия церкви воздвигошася. Аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя. Отпаде бесовская служба, и требища идолская сокрушишася, богоувидение всадися»⁴.

Однако при всем этом вплоть до начала XVIII века русские не считали необходимым распространять православие среди аборигенов Сибири. Последние считались подданными царя («ясачными иноземцами»), обязанными платить дань пушниной (ясак), приносить присягу (шерть) и давать заложников (аманатов). Русские полагали, что «ясачные иноземцы» являются либо носителями некой «неправильной» веры, либо вообще не имеют ее: «...иных много разноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве. Сии же люди, аща и подобни образом человеком, но нравом и житием подобны зверем, не имеют бо закона: овии бо кланяются камению, инии же медведю, инии же древию, инии птицам. Сотворише бо от дерева птицы и звери, и змеи и сим поклоняются...»⁵.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М., 1987. С. 50. (Далее – ПСРЛ.)

² Ремезовская летопись: История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод / Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Библиотеки Российской Академии наук [Санкт-Петербург]. Тобольск, 2006. С. 127.

³ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 42.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Летописи сибирские / сост. и общая ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 44–45.

В Коркуновском списке Есиповской летописи об остяках (то есть хантах, кетах и, возможно, селькупках) говорилось следующее: «А верхъ по Обе острог Нарымской на левой же стороне <...> А ясачные люди остяки, язык у остяков нарымской и кедцкой один, *веры и грамоты нет* [курсив мой. – Ю.А.]»⁶. Это считалось вполне естественным. Переход аборигенов в православие допускался (при этом «ясачный иноземец» автоматически менял свой статус и как бы превращался в «русского»), однако отнюдь не поощрялся. Власти постоянно подчеркивали, что обращение должно носить исключительно добровольный характер: «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру волею своею, и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцев крестить не велеть»⁷.

Известный американский историк-русист В. Кивельсон полагает, что в допетровской Сибири русские «придерживались программы *христианизации без обращения* [курсив авт.]»; они считали, что им «...предназначено нести знамя православия, и достаточно было их собственного продвижения по континенту, чтобы христианство шло за ними следом»⁸.

* * *

Главной целью создания английских колоний на Североамериканском континенте также провозглашалось распространение христианства. Об этом говорилось в правоустанавливающих документах колоний (хартиях, патентах), в многочисленных памфлетах, в исторических и географических сочинениях, проповедях и т.п. Так, первая Хартия Вирджинии (1606) гласила, что ее получатели проникнуты желанием распространять «христианскую религию тем народам, которые до сих пор живут во мраке и в плачевном незнании Божественной истины и Божественного слова». Во второй Хартии Вирджинии (1609) подчеркивалось, что «главный результат» создания этой колонии – «обращение людей в тех краях к почитанию истинного Бога и христианской религии». Та же самая фраза дословно повторялась в Патенте Совета Новой Англии (1620)⁹. В выпущенном в 1610 году памфлете с красноречивым названием «Истинное и искреннее объяснение назначения и целей поселения, основанного в Вирджинии», говорилось: «Основная и главная задача [этой колонии] состоит в том, чтобы наставить и крестить в христианскую религию и распространением Слова Божья вырвать из рук дьявола множество бедных и отверженных душ, обреченных на погибель в почти неодолимом невежестве»¹⁰.

Соответственно после того как первые поселения были основаны Английская Америка и, прежде всего, Новая Англия стали рассматриваться как то место, которое «милостью Христа» в короткое время «чудесным образом» из дикой страны превратилось в «новый Эдем», страну «новой церкви» и т.п.¹¹

⁶ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 76.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. № 1117. Т. II. С. 662.

⁸ Кивельсон В. Картографии царства: земля и ее значение в России XVII века : пер. с англ. М. : НЛО, 2012. С. 203.

⁹ См.: Colonial Charters, Grants and Related Documents // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. URL : http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/statech.asp

¹⁰ A True and Sincere Declaration of the Purpose and Ends of the Plantation begun in Virginia. London, 1610. P. 2–3.

¹¹ См.: Stout H.S. The New England Soul: Preaching and Religious Culture in Colonial New England. N. Y. ; L. : Oxford University Press, 2011. P. 50 ; см. также: Conforti J. A. Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2003.

Однако, несмотря на эти и подобные им заявления, на практике англичане уделяли очень мало внимания христианизации индейцев. Чаще всего и колониальные власти, и подавляющее большинство поселенцев просто игнорировали это. Деятельность нескольких подвижников-энтузиастов (прежде всего Дж. Элиота), спорадические акции администраций и инструкции Лондона не меняли общей картины¹². Этим Английская Америка разительно отличалась от соседней Новой Франции (Канады), среди индейцев которой весьма активно действовали католические миссионеры¹³.

По мнению известного отечественного американиста Д.Е. Фурмана, данное обстоятельство связано с различием в восприятии равенства в протестантизме и католицизме того времени. Для протестанта (то есть английского колониста) крещенный индеец становился равным, что для того было абсолютно неприемлемо; у католиков же существовала «иерархия» спасения – «Католик легко может признать человека человеком и христианином, не признавая его равенства с собой, для кальвиниста [протестанта] это невозможно»¹⁴.

Сравнивая ситуацию, имевшую место в Русской Сибири и Английской Америке, можно заметить, что в обоих случаях существовала описанная В. Кивельсон «христианизация без обращения». Однако представляется, что между ними имелись и существенные различия. В Сибири важную роль играли экономические соображения (нежелание государства сокращать число плательщиков ясака), а также катастрофическая нехватка священников и, наконец, отсутствие какого-либо опыта миссионерской деятельности. Английским колонистам наоборот было важно получить доступ к «свободной земле», которую требовалось очистить от индейцев.

Список использованной литературы и электронных источников

1. Акимов, Ю.Г. Очерки ранней истории Канады [Текст]. – СПб. : ВИРД, 1999.
2. Летописи сибирские [Текст] / сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. – Новосибирск, 1991.
3. Полное собрание русских летописей [Текст]. – Т. 36: Сибирские летописи. – Ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. – М., 1987.
4. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание [Текст]. – СПб., 1830. – Т. II. – № 1117.
5. Ремезовская летопись: История Сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод [Текст] / Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи библиотеки Российской Академии наук [Санкт-Петербург]. – Тобольск, 2006.
6. Кивельсон, В. Картографии царства: земля и ее значение в России XVII века [Текст] : пер. с англ. – М. : НЛЮ, 2012.
7. Фурман, Д.Е. Религия и социальные конфликты в США [Текст]. – М. : Наука.
8. A True and Sincere Declaration of the Purpose and Ends of the Plantation begun in Virginia [Text]. – London, 1610.
9. Colonial Charters, Grants and Related Documents [Electronic resource] // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. – Made of access : http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/statech.asp

¹² Debo A. A History of the Indians of the United States. Norman : University of Oklahoma Press, 1970. P. 41.

¹³ См.: Акимов Ю.Г. Очерки ранней истории Канады. СПб. : ВИРД, 1999. С. 101–106.

¹⁴ Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. С. 59.

10. Confori, J. A. *Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century* [Text]. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2003.
11. Debo, A. *A History of the Indians of the United States* [Text]. – Norman : University of Oklahoma Press, 1970.
12. Stout, H.S. *The New England Soul: Preaching and Religious Culture in Colonial New England* [Text]. – NY; L : Oxford University Press, 2011.

Л.В. Гришакова, А.С. Мокринских

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА

В статье анализируется период правления Наполеона Бонапарта, ставится вопрос о том, какое значение он сыграл в развитии итальянских государств. Авторами сделан вывод о том, что на итальянских землях в рассматриваемый период шла интенсивная капитализация, в первую очередь за счет бывшего феодально-церковного землевладения.

Северная Италия, Французская республика, Наполеон Бонапарт, политика реформ.

Социально-экономические преобразования на итальянских землях начались еще во время Французской революции, когда та выдвинула идею о формировании по периметру своих «естественных границ» так называемых дочерних республик.

Весной 1796 года французская армия под командованием Наполеона Бонапарта вступила в Северную Италию и нанесла поражение австро-пьемонтским вооруженным силам. 15 мая французские войска заняли Милан, Сардинский король Виктор вынужден был заключить мир с Францией¹.

Итальянские республиканцы, разделявшие идеи французской революции, были полны надежд, что их страна теперь станет независимой. Большие надежды были связаны с Наполеоном. Однако присутствие в стране французской армии создавало сложную и противоречивую обстановку. Осуществляя волю директории и свои личные замыслы, Наполеон вел в Италии двойственную политику. Будучи представителем революционной Франции, Наполеон не мог не вступить в столкновение с силами феодально-абсолютистского режима. И видя тонкую дипломатическую игру, он искусно заигрывал с представителями передовых национальных сил, сдержанно откликаясь на их конкретные требования и щедро расточая неопределенные обещания поддержать национальное освобождение Италии.

Так, в первом же приказе Наполеона, обращенном к миланцам, заверение защитить независимость ломбардцев сочеталось с категорическим приказом об уплате населением 20-миллионной контрибуции².

У Бонапарта было свое видение переустройства Италии. Согласно его представлениям именно эта территория должна была стать важнейшим объектом

¹ Документы истории Великой французской революции / отв. ред. А.В. Адо. М., 1955. Т. 1. С. 54.

² Всемирная история / под ред. Н.А. Смирнова. М., 1959. Т. 6. С. 66.

внешней политики революционной Франции. Поэтому он, вопреки желанию своего правительства, приступил к масштабному территориально-политическому переустройству – были ликвидированы Генуэзская и Венецианская республики. Была провозглашена Лигурийская республика, 20 марта 1789 года – Римская республика, создана Цизальпинская республика³.

В начале 1799 года вся Италия (за исключением Сардинии, Сицилии, Венецианской области и Пьемонта, присоединившихся к Франции) представляла собой совокупность республик. В них, под влиянием Франции, были проведены буржуазные реформы. Произошла отмена фидеикомиссов, майората, права «мертвой руки», национализация имущества церкви означала ликвидацию неотчуждаемости земельной собственности и облегчала буржуазии скупку земель. В аграрном секторе изменений не произошло⁴.

После прихода к власти Наполеон Бонапарт проявил наивысшую активность в переустройстве Италии. Постреволюционная Франция, во главе с Наполеоном Бонапартом, пыталась осуществить план создания единой Европы и «образовать единую нацию»⁵. Планы Наполеона по политической и экономической интеграции Европы были объективными порождениями Великой французской революции конца XVIII века.

Вскоре после государственного переворота 18 брюмера французская армия под командованием Бонапарта снова перешла Альпы и, разбив австрийцев при Маренго (июнь 1800 года), вынудила их очистить Пьемонт, Ломбардию и Лигурию. В последующие годы политическая карта Италии не раз перекраивалась Наполеоном. Восстановленная им Цизальпийская республика была в 1802 году переименована в Италийскую республику. Однако вскоре Пьемонт и Центрально-итальянские государства, а впоследствии и Венецианская область были присоединены к Франции. Став в 1804 году императором французов, Наполеон упразднил Италийскую республику и присоединил к своему званию императора королевский титул Ломбардии. Пасынок Наполеона Евгений Богарне был назначен вице-королем вновь созданного Итальянского королевства. В 1806 году французская армия заняла Неаполь. Брат Наполеона Жозеф был провозглашен королем неаполитанским; в 1808 году его заменил на троне Мюрат. В 1808 году Папская область была присоединена к Франции⁶.

Таким образом, к 1810 году вся Италия (за исключением Сардинии и Сицилии) была объединена под властью Франции.

Французское господство вызвало глубокие и противоречивые последствия в социально-экономической жизни Италии.

Во-первых, благодаря Наполеону территория Итальянского королевства постоянно расширялась за счет присоединения к ней владений других европейских монархов, захваченных в разные годы французами. Так, например, после заключения Пресбургского мира в состав Итальянского королевства вошла Венеция

³ История Италии : в 3 т. / под ред. К.Ф. Мизиано, И.В. Григорьевой, Н.П. Комоловой, З.М. Цыпкиной. М., 1970. Т. 2. С. 66.

⁴ Кинг Б. История объединения Италии : пер. с англ. М., 1992. (репр. изд. 1907 г.). С. 16.

⁵ Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. М. : Аспект Пресс, 2012. С. 72.

⁶ Великие династии мира: Бонапарты. М., 2011. С. 56.

с Истрией и Далмацией. Это дало выход стране к Адриатическому морю. Увеличилось и количество населения – с 3,8 до 5,3 млн человек ⁷.

Во-вторых, в Италии были уничтожены феодальные ограничения и повинности, проведена секуляризация церковных и монастырских земель, отменена помещичья и церковная юрисдикция. Выросло число земельных собственников.

Введение французских законодательных кодексов, рост судоходства, строительство дорог (в частности, в Альпах) – все это в совокупности стимулировало развитие экономики страны по капиталистическому пути. Это наблюдалось как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но более всего на активизацию торговли повлияло упразднение таможенных барьеров между многочисленными итальянскими государствами в условиях фактического объединения страны.

К примеру, в провинции Болонья Итальянского королевства буржуазное землевладение среди всех остальных частных владений выросло: с 24 % (1789) до 40 % (1804). В Северной Италии (Наполеоновское королевство Италия) в 1806 году было 499 шелковых мануфактур, по сравнению с 1789 годом их количество увеличилось вдвое ⁸. В Риме вдвое увеличилось число типографий за период 1789–1805 годов. Выросло почти в два раза число ручных ткацких станков на мануфактурах Милана: в 1790-е годы их насчитывалось 1790, а в 1805 году было уже более 3 тысяч ⁹.

Вместе с тем Франция не прекращала выкачивать из страны финансы. Хозяйственная и экономическая жизнь Италии должна была подстраиваться под французские интересы. Опираясь на торговый договор 1808 года, Франция господствовала ¹⁰. Италия была обязана ввозить своей шелк-сырец во Францию, вместо того, чтобы обрабатывать его в стране, а шелкопрядильни Ломбардии были лишены сырья, которое ранее поступало из Папской области. Теперь же шерсть экспортировалась напрямую во Францию.

Кроме того, Итальянское государство было вынуждено участвовать в «континентальной системе» Наполеона ¹¹. Это негативно сказывалось на ее экономике. В течение всего нескольких лет стоимость сахара, кофе, шоколада, индиго, табака, хлопка и других колониальных товаров, привозимых ранее в Европу на английских судах, возросла на его территории в несколько раз.

В Северной Италии была хорошо отлажена дорожная инфраструктура. Так, Наполеон Бонапарт приказал осуществить реконструкцию основных наземных путей, которые связывали Милан с Триестом и Генуей, в приальпийских областях при Наполеоне было начато строительство новых горных дорог, которые можно было использовать в течение всего года. Большое внимание было уделено развитию водного транспорта, особенно по реке По, которая связывала север Италии с Адриатическим морем ¹².

Развитие дорожно-транспортной системы в Северной Италии было залогом активного торгового сообщения между наполеоновской империей и Левантом.

⁷ Пресбургский мирный договор между Францией и Австрией (26 декабря 1805 г.) // Новая история в документах и материалах. М., 1934. С. 243–244.

⁸ Гарле Е.В. История Италии в новое время. СПб., 2011. С. 101. (репр. изд. 1901 г.).

⁹ История Италии. В 3 т. Т. 2...С. 74.

¹⁰ Там же.С. 76.

¹¹ Континентальная блокада. Берлинский декрет Наполеона (21 ноября 1806 г.); Миланский декрет (23 ноября–17 декабря 1807 г.) // Новая история: документы и материалы... С. 248.

¹² Вейдер Б. Человек, изменивший лицо Европы : пер. с фр. М., 2001. С. 96.

Необходимость этого обострилась в условиях непрекращающегося противостояния наполеоновской Франции с Великобританией. Ближневосточный регион не входил в зону морской блокады, которую установили англичане вокруг Европы, поэтому данный регион становился основным поставщиком сырья для французской промышленности (особенно текстильной). Италия становилась перевалочной базой для левантийского экспорта.

Экономическому развитию Итальянского королевства в период наполеоновского правления способствовала и такая статья, как хорошо отлаженная контрабанда британских товаров, проникавших туда как сухопутным путем (через Наварру, Швейцарию, Тоскану и Неаполитанское королевство), так и по морю (со стороны адриатического побережья)¹³.

Вице-король Италии Евгений Богарне пытался бороться с незаконным ввозом английской продукции: уничтожались склады с контрабандным товаром, преследовались торговые военные суда англичан в Адриатическом море и др. Однако эти меры не увенчались успехом. Великобритания была изворотлива и обладала достаточной силой и материальной базой, чтобы продолжать контрабандные действия¹⁴.

Таким образом, несмотря на указанные трудности, экономика Италии была стабильна. Собственные доходы Италии делали возможным спонсирование государством общественных работ, реализацию благотворительных, образовательных, культурных акций. Бюджет государства позволял содержать большую и хорошо укомплектованную армию.

Если в Северной Италии социально-экономическое положение можно было расценивать как стабильное, то в Неаполитанском королевстве события развивались гораздо менее удачно. Это королевство было одним из беднейших и наиболее отсталых на Аппенинском полуострове. Экономика почти полностью зависела от морской торговли. Последствия «континентальной блокады» были наиболее болезненны для нее.

На территории Неаполитанского королевства, так же, как и во всех государствах-сателлитах, были проведены буржуазные реформы: уничтожены феодальные привилегии, обязательства деревенского населения по отношению к помещикам, реформа суда, введение более передового гражданского законодательства, строительство новых дорог. Но в условиях падения экономики эти прогрессивные нововведения вызвали отторжение у малограмотных, консервативно настроенных крестьян Юга¹⁵.

Правитель Неаполитанского королевства Мюрат оказался заложником ситуации. На фоне сложной экономической ситуации постоянной была угроза со стороны британского флота. Государственная казна была практически пуста, но это не снимало обязательств по Байоннскому договору от 15 июля 1808 года строго соблюдать условия континентальной блокады, а также полностью финансировать пребывание французских войск на территории Неаполитанского государства.

¹³ Иванов А.Ю. Наполеон. М., 2014. С. 112.

¹⁴ Письма Наполеона I Евгению-Наполеону, вице-королю Италии о торговой политике Империи // Новая история в документах и материалах... С. 249.

¹⁵ Исдейл Ч. Дж. Наполеоновские войны. Ростов н/Д, 1997. С. 54.

Мюрату необходимо было выплачивать кредиты, которые были предоставлены государству Францией и Голландией еще в период правления Жозефа Бонапарта ¹⁶.

Южной Италии очень мешала политика Франции, Мюрат старался защитить национальную промышленность и принял ряд протекционистских мер. Это вызвало ярость у Наполеона. Во многом это объясняет то, что император отказался включить Неаполь в рамки введенной им в 1810 году системы лицензий на импорт британских товаров, которая была распространена на порты Франции и Италии ¹⁷.

В целом же наполеоновская эпоха оставила глубокий след в итальянской истории. По словам Е.В. Тарле, «Наполеон застал несколько маленьких и более крупных государств, почти друг о друге не знающих, живущих отдельно, изолированной жизнью, а оставил нацию, начинающую понемногу сознавать себя единою и смотреть на судьбы частей своих, как на нечто общее, также единое» ¹⁸.

Таким образом, преобразования, которые проводились в Италии в 1796–1815 годах, носили буржуазный характер. Вместе с этим, Италия оказалась в стесненных условиях подневольного положения, экономическим придатком империи Бонапарта. При этом видно, что даже в аграрной сфере шла интенсивная капитализация, в первую очередь за счет бывшего феодально-церковного землевладения. В совокупности развитие промышленности и капиталистического землевладения стало экономической основой для формирования буржуазной цивилизации в Италии. Италия сближается еще со времен Великой революции конца XVIII века с Францией, а со времен Бонапарта находится в тесном взаимодействии с его режимом. Происходят изменения и в политическом сознании: интеллигенция и буржуазия переходит на буржуазно-монархические позиции, которые неразрывно связаны с наполеоновским наследием. Италия явилась первой и составной частью наполеоновского плана построения единой Европы и ее экономической интеграции.

Список использованной литературы

1. Вейдер, Б. Человек, изменивший лицо Европы [Текст] : пер. с фр. – М., 2001.
2. Великие династии мира: Бонапарты. – М., 2011.
3. Всемирная история [Текст] / под. ред. Н.А. Смирнова. – М., 1959. – Т. 6.
4. Документы истории Великой французской революции [Текст] / отв. ред. А.В. Адо. – М., 1955. – Т. 1.
5. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн [Текст] / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. – М. : Аспект Пресс, 2012.
6. Иванов, А.Ю. Наполеон [Текст]. – М., 2014. – С. 112.
7. Исдейл, Ч. Дж. Наполеоновские войны [Текст]. – Ростов н/Д, 1997.
8. История Италии [Текст] : в 3 т. / под ред. К.Ф. Мизиано, И.В. Григорьевой, Н.П. Комоловой, З.М. Цыпкиной. – Т. 2. – М., 1970.
9. Кинг, Б. История объединения Италии [Текст] : пер. с англ. – М., 1992. (репр. изд. 1907 г.).
10. Континентальная блокада. Берлинский декрет Наполеона (21 ноября 1806 г.); Миланский декрет (23 ноября–17 декабря 1807 г.) [Текст] // Новая история: документы и материалы. – М., 1934.

¹⁶ Тюлер Ж. Указ. соч. С. 1114.

¹⁷ Иванов А.Ю. Указ. соч. С. 99.

¹⁸ Тарле Е.В. История Италии в новое время. СПб., 2011. С. 134. (репр. изд. 1901 г.).

11. Письма Наполеона I Евгению-Наполеону, вице-королю Италии о торговой политике Империи [Текст] // Новая история в документах и материалах. – М., 1934.
12. Пресбургский мирный договор между Францией и Австрией (26 декабря 1805 г.) [Текст] // Новая история в документах и материалах. – М., 1934.
13. Тарле, Е.В. История Италии в новое время [Текст]. – СПб., 2011. – С. 101. (репр. изд. 1901 г.).

В.А. Горнов

А.И. КОШЕЛЕВ О ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕ В ЭПОХУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В статье рассматриваются социально-политические и, отчасти, социально-экономические взгляды видного общественного деятеля второй половины XIX века славянофила А.И. Кошелева и, прежде всего, критика им системы государственного управления в пореформенной России. Фигура А.И. Кошелева, ранее находившаяся как бы «в тени» его более известных единомышленников, раскрывается более ярко как через творчество самого мыслителя, так и через малоизученные стороны социальной теории ранних славянофилов.

пореформенная Россия, модернизация, либеральная бюрократия, славянофильство, дворянский либерализм.

В письме И.С. Аксакову от 31 августа 1882 года Александр Иванович Кошелев, единственный из представителей раннего славянофильства, остававшийся к тому времени в живых, довольно четко обозначил свое политическое кредо и одновременно сформулировал напутствие более молодому поколению славянофилов: «За православие, за народность и за свободу»¹. Очевидно, что в известной уваровской формуле он заменял первый и главный ее элемент «самодержавие» на «свободу», явно противопоставляя одно другому.

Самодержавие на тот момент времени Кошелев считал наиболее подходящей для России формой правления, но предлагал расширить участие дворянства в законодательстве и местном управлении (эти идеи получили развитие в брошюре «Конституция, самодержавие и земская дума», изданной в Лейпциге еще в 1862 году). Русский царь представлялся ему своего рода демократической альтернативой западноевропейскому правителю, поскольку олицетворял собой волю всего народа, а не узкого слоя дворян или аристократии².

Не только в начале 1880-х годов, но и ранее, никто из славянофилов не был так активен в политическом плане, как Кошелев. И вряд ли кто-то из западников спорил со славянофилами больше, чем славянофил Кошелев. Именно это обстоятельство вызывало живой интерес у исследователей отечественной истории периода подготовки отмены крепостного права и пореформенной эпохи³. И здесь

¹ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 22

² См.: Кошелев А.И. Записки (1812–1883 годы). Berlin, 1884. С. 50.

³ Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986 ; Дудзинская Е.А. У истоков формирования антикрепостнических воззрений А.И. Кошелева // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX вв. Рязань, 1984. С. 5–19 ; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1987 ; и др.

нельзя не отметить существенный вклад профессора И.П. Попова, по сути, заново открывшего читающей публике историческую роль А.И. Кошелева и посвятившего его деятельности ряд своих научных работ⁴.

После опубликования выборочно [И.И. Подольская, 1990] и с сокращениями [Н.И. Цимбаев, 1991], а затем и полностью [Т.Ф. Пирожкова, 2002] берлинского 1884 года издания «Записок Александра Ивановича Кошелева»⁵, а также избранных трудов А.И. Кошелева [П.В. Акульшин, В.А. Горнов, 2010]⁶ у широкого круга исследователей появилась возможность по достоинству оценить не только творчество самого А.И. Кошелева, но широкий спектр противоречивых общественно-политических и мировоззренческих позиций славянофилов, обусловивших остроту их споров.

Самым серьезным противоречием было то, что для Кошелева славянофильство выступало естественной формой существования либеральной идеологии, тогда как большинство его товарищей по славянофильскому «лагерю» чужались либерализма. Кошелев идею народности прямо связывал с освобождением крестьянства, созданием законосовещательной земской думы и широким единением сословий на антибюрократической основе. Соборность для него – совместная (всех сословий) ответственность за судьбу России перед будущим, но ни в коем случае не надындивидуальное нивелирующее начало. Кошелев любил подчеркивать ключевую роль частной инициативы, священную для него свободу личности: «Общество не есть лицо, а лишь форма для свободного развития личностей. Соединяйте людей верою, наукой и прочим, но не касайтесь личной свободы, не налагайте на нее оков извне»⁷.

Будучи в душе англоманом, он был чужд идей национального изоляционизма, но предостерегал от бездумного заимствования западноевропейских политических институтов, считал «нигилизм» и атеизм плодами европейского просвещения, привитого на неподготовленную русскую почву. «Нам следует не перенимать у Запада, а изучать его; мы должны не бросаться на плоды его образованности, но вникать в самую его образованность с тем, чтобы отделять в ней все доброе от худого»⁸.

На практике он пытался соединить в одном лагере все общественные силы либерального направления, утверждая, что в этом случае обществу не стоит

⁴ См.: Попов И.П. Поддержка в Рязанской губернии накануне отмены крепостного права либеральной программы по крестьянскому вопросу // Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII–XIX веках. Рязань, 1974. С. 58–88; Попов И.П. Деятельность А.И. Кошелева в области народного образования // Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во 2-й половине XIX в. Рязань, 1988. С. 54–72; и др.

⁵ Мемуары А.И. Кошелева были изданы на следующий год после смерти автора его вдовой О.Ф. Кошелевой в берлинском издательстве В. Behr's Verlag (E. Block). Впоследствии они перепечатывались в 1891 году. В XX веке отдельные извлечения из «Записок...» были опубликованы И.И. Подольской в кн.: Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856). М., 1990; большая часть «Записок...» издана Н.И. Цимбаевым в кн.: Русское общество 40–50-х годов XIX века. Часть I. Записки А.И. Кошелева. М., 1991. Т.Ф. Пирожковой осуществлено полное издание мемуаров Кошелева с биографической статьей и комментариями: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семьёю приложениями. М., 2002.

⁶ Кошелев А.И. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. П.В. Акульшин, В.А. Горнов. М., 2010.

⁷ Коллюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 2. С. 51.

⁸ Кошелев А.И. Поездка русского земледельца на Всемирную выставку // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 242.

опасаться узкого слоя революционеров. Кошелев верил в способность крестьянской общины предотвратить «пролетаризацию» России, отводил общине ведущую роль в преобразовании крестьянского быта на началах личной свободы и круговой поруки, во введении общественного суда и самоуправления. Община, по мысли Кошелева, должна была стать и гарантом экономических интересов землевладельцев в процессе освобождения крестьян.

Прозападническая либеральная бюрократия периода Великих реформ стала объектом довольно жесткой критики со стороны Кошелева за непоследовательность и половинчатость преобразований, заигрывание с «нигилистами» и «либеральничанье невпопад».

Характерна оценка ситуации в стране, данная им в письме к С.П. Шевыреву в 1861 году: «В правительственном отношении у нас идет неурядица великолепная. Новый министр внутр. дел [П.А. Валуев. – *В.Г.*] едва ли справится с крестьянским вопросом, который требует окончательного и полного разрешения, а из Петербурга шлют только полумеры. Путятин недолго просидел на своем месте, но сделал много: из университетов разогнал студентов, хотел было приняться за гимназии, но, к счастью, сдан в Архив, и на место его поступил Головин, который был при В.К. Константине Николаевиче. В Москве много толков, но далее мало выходит из этого толка. Теперь должны быть выборы; до моего отъезда было много приуготовительных собраний, но все из пустого переключивали в порожнее»⁹.

В том же письме из Дрездена Кошелев дает неутешительный прогноз развития социальной структуры российского общества: «Дворянству недостает духа сказать, что оно отказывается от мнимых своих привилегий и желает с народом составлять одно целое. Нет, нашему привилегированному сословию видно суждено и скончаться как жило»¹⁰.

Критикуя правительство и высшее сословие, А.И. Кошелев считал своим долгом предостерегать власть от ошибочных действий даже тогда, когда сама она не желала его слышать.

Еще в 1854 году, в условиях жесточайшего финансового кризиса, вызванного Крымской войной, он составил записку «О финансовых средствах России к продолжению борьбы с Турцией и Европой» и в 1855 году подал ее императору Александру II. Он надеялся, что его знания и хозяйственный опыт будут востребованы, и с готовностью откликнулся на официальные предложения «потрудиться во славу Отечества». В 1859–1860 годах Кошелев был членом Комиссии по проекту нормативного устава поземельных банков и проекту ипотечного положения, а в 1860 году – председателем Винокуренной подкомиссии, разработавшей проект свободной виноторговли с установлением акцизного сбора в 4 коп. с градуса алкоголя.

В период Польского восстания 1863–1864 годов Кошелев одобрял действия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, считал невозможным существование самостоятельного польского государства: «А Муравьев хват: вешает да расстреливает! Дай бог ему здоровья». За такое, казалось бы, поляки должны были бы навсегда возненавидеть Кошелева, но...

⁹ ОР РНБ. Ф. 850: Шевырев С.П. Ед. хр. 321. Л. 30об-31.

¹⁰ Там же. Л. 31.

В 1864 году Кошелев принял предложение правительства и был назначен главным директором (министром) финансов в Царстве Польском. (Кроме того, он принял в управление горные заводы Домбровского угольного бассейна и разработал программу их технической модернизации.) На этом посту он выступил против русификаторской политики кн. В.А. Черкасского, делая ставку на привлечение в органы коронной администрации представителей польской интеллигенции. В период управления польскими финансами им были подготовлены проекты питейного устава и положения «О преобразовании прямых налогов в Царстве Польском», отменены устаревшие налоги, введен акциз на алкоголь. Кошелеву удалось стабилизировать финансовое положение в крае и сверстать бездефицитный бюджет на 1866 году – до этого экономика Польши зависела от финансовых «инъекций» российского правительства¹¹.

В 1866 году из-за конфликта с Н.А. Милютиным и М.Х. Рейтерном он вышел в отставку, оставив о себе добрые воспоминания среди поляков, интересы которых он защищал, тогда как русская администрация вообще их существенно ущемляла. Правительству он представил записку «О прекращении военного положения и введении общегосударственных учреждений в Царстве Польском». Дальнейшие события показали, что окончательного политического умиротворения в Царстве Польском так и не наступило, но его экономика и финансы после 1865 года не только стабилизировались, но стали устойчиво и интенсивно развиваться.

Как самый богатый из славянофилов, Кошелев финансировал многие славянофильские издания, часть из них сам редактировал. В 1852 году на его средства был издан 1-й том «Московского сборника» (под ред. И.С. Аксакова), в 1856 году – основан журнал «Русская беседа», в 1858 – газета «Сельское благоустройство», (до августа 1858 г. Кошелев сам редактировал оба издания). В 1861 году Кошелев издал Полное собрание сочинений И.В. Киреевского, в 1871–1872 годах – журнал «Беседа» (ред. С.А. Юрьев), в 1880–1882 – газету «Земство» (ред. В.Ю. Скалон).

Готовность А.И. Кошелева из собственных средств финансировать общественно-политические предприятия своих соратников не означала, что он не знал цену деньгам. Рязанский земский деятель А.Д. Повалишин отмечал, что «Кошелева можно назвать не только бережливым, но и скупым в расходовании земских денег»¹². Эту принципиальную позицию он сохранял в любых ситуациях. Даже когда в 1877 году, в связи с началом войны, рязанское земство решило вернуть правительству ссуду, выделенную под строительство нового здания уездной больницы, Кошелев высказался об этой верноподданнической акции крайне неодобрительно, назвав ее незаконной¹³.

В основном же в пореформенный период Кошелев занимался публицистикой, написал и опубликовал десятки статей в журнале «Русская мысль», газетах

¹¹ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 227. Л. 8–9 об.

¹² Материалы для истории Рязанского губернского земства / сост. А.Д. Повалишин. Рязань, 1903. С. 72.

¹³ Тарабрин Е.Г. Борьба либералов против реакционеров по вопросам здравоохранения в земстве Рязанской губернии // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX века. Рязань, 1984. С. 137.

«Голос», «Рязанские губернские ведомости», «Русь». Он обращал внимание читающей публики на непомерность государственных расходов, доказывал необходимость жесткой экономии в финансовой сфере; развивал идею единения дворянства с другими сословиями с целью постепенного преодоления всевластия бюрократии; критиковал земские учреждения за развитие в них «дворянско-крепостнического и адвокатско-либерального направления», отмечал слабое представительство крестьян в земствах.

Некоторые работы Кошелева, которые по цензурным соображениям нельзя было опубликовать в России («Какой исход для России из нынешнего ее положения?», «Наше положение», «Общая земская дума в России», «Об общинном землевладении в России» и «Что же теперь делать?»), печатались отдельными изданиями в Берлине и Лейпциге.

Издательские проекты Кошелева были неотъемлемой частью его политической деятельности. Еще в 1862 году он высказался за созыв совещательной земской думы¹⁴, развернув впоследствии эту идею в обстоятельный проект «увенчания здания» земского самоуправления учреждением, дающим «каждому гражданину право участия, хотя самого отдаленного, в устройстве и отправлении общих дел страны»¹⁵.

В середине 1870-х годов Кошелев представил свою программу переустройства государственных учреждений России читающей публике. «Общая земская дума» должна была дать россиянам свободу и самостоятельность в частных делах, а также обеспечить эффективность их участия в общественном самоуправлении, ограничить «произвол, невежество и даже сумасбродство» государственных чиновников, поставить заслон расхищению казенных средств, бесхозяйственности и экономической близорукости, покушениям на свободу слова и печати. В то же время, кошелевский проект не предполагал значительной ломки существующей системы высших органов государственного управления, сохранял и даже усиливал роль Государственного совета, предусматривал участие правительства в формировании депутатского корпуса «Общей земской думы». Кошелев прекрасно понимал, что деятельность такого рода представительного учреждения будет возможна только при условии гласности законодательного процесса и «прозрачности» бюджета страны; именно публичное обсуждение финансовых вопросов, исключая непроизводительные расходы, он считал главной задачей будущей думы.

Проект «Общей земской думы» не был направлен против самодержавия – наоборот, в нем подчеркивалось, что любой законопроект получает «обязательную силу» только после утверждения императором; для пущей убедительности Кошелев подчеркивал, что, являясь врагом конституции, он радеет лишь о том, чтобы, зная о «пользах и нуждах» страны через мнение представителей общества, государь имел возможность «повелевать с уверенностью в пользе, своевременности и удобоисполнимости» своих решений¹⁶.

¹⁴ См.: Кошелев А.И. Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862 ; его же. Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862.

¹⁵ Кошелев А.И. Что же теперь делать? Берлин, 1879. С. 66.

¹⁶ См.: Кошелев А.И. Общая земская дума в России. Берлин, 1875. С. 82–83.

В конце 1870-х годов у Кошелева наладились тесные личные контакты с М.Т. Лорис-Меликовым, возникло взаимопонимание и сотрудничество в разработке общеполитических вопросов. Воспользовавшись либерализацией правительственного курса и ослаблением цензуры, он с готовностью возобновил свою издательскую деятельность в России и с декабря 1880 года начал издавать газету «Земство», на страницах которой зазвучали голоса либеральных публицистов и земских деятелей прогрессивного направления. Кошелев всерьез рассчитывал на реализацию своего «думского» проекта и серьезно готовился к предстоящей депутатской работе. Подготовка велась в разных направлениях: Кошелев готовился расширить свою издательскую деятельность и закупал новые печатные станки; в перерывах заседаний Московской городской думы и Рязанского губернского земского собрания он зондировал почву на предмет избрания его председателем Думы с чрезвычайными полномочиями¹⁷.

Теракт 1 марта 1881 года перечеркнул надежды Кошелева на реализацию его политического идеала – общей земской думы. Его младший современник великий князь Александр Михайлович отразил в своих воспоминаниях настроение, охватившее тогда многих: «Идиллическая Россия с Царем-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. ...Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов – все это будет погребено вместе с убитым Императором в склепе Петропавловской крепости»¹⁸.

Понимая невозможность полномасштабной реализации своего проекта, Кошелев начал искать компромиссные варианты, предлагая правительству более умеренные преобразования. В июле 1881 года он выступил с инициативой учредить Особую комиссию из представителей губернских земских собраний для рассмотрения земских ходатайств, направленных в свое время в кабинет Лорис-Меликова¹⁹.

Не встретив понимания в вопросе общегосударственных преобразований, Кошелев «снижает планку» представительства: в 1882 году он разработал проект привлечения уездных выборных (по 2 человека от крестьян, дворян и горожан) в губернские комитеты по переустройству местного самоуправления; (причем по 2 человека от каждой губернии без различия сословий должны были войти в общегосударственный комитет по этому вопросу). Однако, надежды его оказались тщетны. Невостребованными остались и 12 печатных станков, завезенных незадолго до этого в Песочню (они потом еще долго простояли в заводской смазке).

Кошелев снова (в который уже раз!), вынужден был печататься за границей. В брошюре «Где мы? Куда и как идти?» (Берлин, 1881), он, отбросив присущую ему осторожность, требует свободы слова, печати, личной неприкосновенности, улучшения экономического положения крестьян, реорганизации местного самоуправления, уничтожения «бюрократического средостения между царем и наро-

¹⁷ Подробнее см.: Дудзинская Е.А. Общественно-политическая деятельность А.И. Кошелева в пореформенное время // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 214–215.

¹⁸ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова. М., 1991. С. 53.

¹⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1052. Л. 170–171.

дом», создания постоянного совещательного земского органа. Единственным путем, ведущим Россию вперед, он считает тот, по которому страна двигалась в 1856–1866 годах²⁰. При этом Кошелев не принадлежал к числу тех, кто «захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса»²¹, (хотя В.И. Ленин оценивал его позицию именно так, приводя в подтверждение своих слов весьма значительный отрывок из брошюры «Конституция, самодержавие и Земская дума»). Ни в 1862 году, ни тем более в 1881 году Кошелев не был похож на восторженного юношу, боготворящего Царя-Освободителя. Более того, для него лично период реформ заканчивался в 1866 году, и последующие полтора десятилетия он ставил на одну чашу весов с периодом правления Николая I, когда «всякая гражданская и общественная самостоятельность» была ограничена действиями «полиции явной и тайной, не уменьшающимся, а все более увеличивающимся стеснением мысли и слова»²².

С точки зрения современных исследователей земского либерального движения рубежа 1870–1880-х годов, программа общегосударственных преобразований А.И. Кошелева была реалистична и отвечала характеру эпохи; постепенное преобразование самодержавия в конституционную монархию должно было способствовать формированию и развитию в России основ правового государства и гражданского общества. Проект Кошелева был самым подготовленным, детально проработанным и лишенным утопических иллюзий о мирной перестройке основ общественного организма. В различных вариантах этот проект пропагандировался Кошелевым более 20 лет, что обеспечило ему относительно широкую известность и поддержку в обществе; неслучайно именно его брали за основу в правительственных кругах при разработке «конституции» Лорис-Меликова. Неудача кошелевского проекта была, по сути, неудачей всего курса либеральных реформ второй половины XIX века²³.

Список использованной литературы

1. Дудзинская, Е.А. Общественно-политическая деятельность А.И. Кошелева в пореформенное время [Текст] // Революционеры и либералы России. – М. : Наука, 1990. – С. 214–215.
2. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями [Текст]. – Berlin : V. Behr's Verlag (E. Block), 1884.
3. Колюпанов, Н.П. Биография А.И. Кошелева [Текст]. – М., 1889–1892. – Т. 1–2.
4. Кошелев, А.И. Избранные труды [Текст] / сост., авт. вступ. ст. и коммент. П.В. Акульшин, В.А. Горнов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
5. Материалы для истории Рязанского губернского земства [Текст] / сост. А.Д. Повалишин. – Рязань, 1903.
6. Петров, Ф.А. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений России в конце 70-х–начале 80-х годов XIX века [Текст] // Отечественная история. – 1993, № 4. – С. 42–45.

²⁰ См.: Кошелев А.И. Где мы? Куда и как идти? Берлин, 1881. С. 32–71.

²¹ См.: Ленин В.И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 31–32.

²² Кошелев А.И. Что же теперь делать? С. 36.

²³ См.: Петров Ф.А. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений России в конце 70-х–начале 80-х годов XIX века // Отечественная история. 1993. № 4. С. 42–45.

7. Попов, И.П. Деятельность А.И. Кошелева в области народного образования [Текст] // Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во 2-й половине XIX в. – Рязань : Изд-во РГПИ, 1988. – С. 54–72.

8. Попов, И.П. Поддержка в Рязанской губернии накануне отмены крепостного права либеральной программы по крестьянскому вопросу [Текст] // Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII–XIX веках. – Рязань : Изд-во РГПИ, 1974. – С. 58–88.

И.М. Эрлихсон

РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР КОНЦА XIX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Статья посвящена развитию провинциального театра в России. Автор показывает взаимосвязь развития общества с развитием его духовной жизни, в том числе и с развитием театра. Рассматриваются некоторые проблемы театральных постановок в различные исторические периоды.

русская провинция, повседневная жизнь, провинциальный театр, общественная мысль, театральное дело.

В любую эпоху театр такой, каким его хочет видеть эпоха, во многом совпадая с тенденциями развития социума и состоя в неотрывном единстве с его духовной культурой. Особенно это проявляется на сломе эпох, когда новое, нетрадиционное медленно, но верно вытесняет старое. Но, отражая социум, театр в то же время является его оппонентом, являясь «альтер-эго» общественного сознания, провокатором, задающим коварные вопросы. Последние два десятилетия XIX века – между А.Н. Островским и А.П. Чеховым, между старой и новой театральными системами – чрезвычайно важен для русской сцены. Новое формировалось постепенно и неуклонно, вырастая на почве как будто исчерпанной традиции или той театральной повседневности, что казалась бесплодной, порой таилось в изменившейся атмосфере времени. Для театра была характерна ситуация «на пороге»: ожидание перемен, стремление к ним, начало перехода к новому.

Между тем, фактически общепризнанным фактом в указанный период был упадок провинциального театрального дела, оплакиваемый всеми и повсюду на разные лады: в выступлениях общественных деятелей и драматургов, на страницах театральной пьесы. Но так ли это было на самом деле?

В последние десятилетия XIX века театр оставался центром культурной жизни провинции и излюбленной темой провинциальной печати, поэтому именно пресса является источником информации о многообразии мнений на его основные задачи и назначение в общественной жизни, и все, что касалось организационных моментов: репертуар, актерское искусство, театральные помещения. Сведения о последних представлены в изобилии, и большинство носили ярко выраженный негативный характер. Так на первом Всероссийском съезде сценических деятелей много говорили о том, что в провинции много плохих зданий,

похожих на курятники, что необходимо выработать стандарты нормальной планировки театра. Так, известный антрепренер и режиссер Н.Н. Синельников в статье «Причины упадка театрального дела в России» сравнивал театры с пороховой бочкой, куда зрителям предлагается войти с сигарой в зубах и отмечал, что их устройство не отвечало духу времени. Для наглядной иллюстрации он приводил в пример херсонский городской театр: «с виду обширное каменное здание, а внутри добрая половина отведена на какие-то темные коридоры, ходы и закоулки; отопление паровое, световых эффектов никаких, к суфлерской будке привешена веревочная трапеция, на которой бедному суфлеру приходится выделывать акробатические номера». Не лучше дело обстояло с театральными помещениями в других городах России: так в Курске, Кишиневе, Ставрополе были такие театры, в которые «человек, выдавший лучшие виды, не рискнул бы зайти, не составив предварительно завещания». Разумеется, были и исключения, как, например, одесский и киевский театры, но провинциальные газеты буквально пестрели сообщениями о запущенности театральных построек и отсутствии в них элементарных противопожарных устройств, что нередко приводило к печальным последствиям, как пожар в Екатеринославском театре в 1896 году.

Одной из самых животрепещущих была проблема организации театральной деятельности. Наиболее распространенной формой организации была антреприза, а самым непопулярным персонажем театральной жизни был антрепренер. Судя по критике, переполнявшей страницы театральной прессы, антрепренеры смотрели на театр как на коммерческое предприятие, а на актеров – как на приказчиков. Достойным представителем этого племени был рязанский антрепренер Воронин, арендовавший театр в 1872–1879 годы. Гиляровский так описывал его: Он был здоровенный, пузатый, усатый, с курчавыми волосами, с цветом лица мулата и солдафонскими приемами. Артист держал в руках благодаря самому зверскому контракту, который я когда-либо видел».

Театральное дело часто становилось жертвой аферы и меркантильной предприимчивости, а сам театр превратился в увеселительное заведение под знаменем искусства. Об этом косвенным образом свидетельствует состав репертуара. Непременной частью провинциального репертуара являлись классические произведения, такие, как «Гамлет», «Отелло», «Макбет» У. Шекспира, «Дон Карлос», «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера, «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Но списки пьес, разрешенных цензурой и опубликованных в журналах «Артист» и «Театрал», изобилуют легкими комедиями («Енотовый мопс» Н. Ежова, «Гриб съел» Д. Дмитриева, «Баловницы» М. Ярона), опереттами и мелодрамами, подлинный расцвет которых наступил в 1880-х годах. Последние метко охарактеризовал А. Н. Островский: «... вот мелодрама с невозможными событиями, нечеловеческими страстями, вот оперетка, где языческие боги и жрецы, короли, министры и народ с горя и с радости пляшут канкан, где в продолжение вечера зритель успеет побывать во всех частях света, кроме того на Луне и подземном царстве, и где во всех 24 картинах одни и те же обнаженные женщины». Хотя отношение к мелодраме было неоднозначным, и театральная пресса нередко приветствовала их наравне с высокой драмой и трагедией.

Журнал «Искусство» писал, что «если под мелодрамой разумеется произведение, где внимание автора обращено не на пошлую сторону обыденной жизни, а на борьбу сильных душевных страстей, где слышится голос сердца, то и мы – за мелодраму».

Вообще трудно переоценить то влияние, которое оказывала пресса на публику и театральные деятели. Часто артисты оказывались в зависимости от рецензентов. Так знаменитый актер Л.И. Соколов-Градов, получавший тысячное содержание, умер практически в полной нищете, так как львиную долю своего заработка тратил на рецензентов. Появился даже тип антрепренеров, которые бегали по редакциям, кланчили, просили, а потом скрывались, не заплатив ни копейки. Да и качество самой критики порой оставляло желать лучшего, хотя были и журналисты, такие как С.И. Сычевский, П.А. Пономарев, Л.А. Куперник, С.Т. Герцо-Виноградский, добросовестно относившиеся к делу и рассматривавшие театр как средство просвещения, зеркало общественной жизни, отображающее картины реальной жизни. Хотя тип продажного, бездарного рецензента был настолько распространен, что некоторые авторы переносили их в пьесы, а затем на сцену. Такой случай имел место в Одессе, когда премьера спектакля закончилась настоящим скандалом. Сначала уязвленный критик набросился на артиста, исполнявшего злополучную роль, а потом, когда невиновность артиста была доказана, тот в свою очередь набросился на критика. Этот эпизод способствовал популярности пьесы, которая сделала несколько полных сборов в течение сезона.

И, наконец, еще одним излюбленным объектом критики была театральная публика российской провинции. Ее непременным элементом была интеллигенция, без которой, как писал А.Н. Островский, «искусство опускается до уровня невежественной толпы». В последнюю можно включить мелких торговцев, хозяев ремесленных заведений, представителей купечества, которым театр помогал забыть «убогую действительность, давал возможность видеть княжеские хоромы, царские палаты, видеть хоть на сцене торжество правды». Провинциальная публика постепенно демократизировалась, благодаря созданию народных театров (с 1872 года в Москве): в 1888 году был организован первый деревенский театр в селе Петине Воронежского уезда, а в 1880–1890-х годах рабочие театры стали возникать в промышленных центрах, таких как Орехов-Зуево, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород на сормовских заводах. Тезис о необходимости дать крестьянству и рабочему классу хорошее развлечение все более укреплялся в сознании общества. Об этом писали такие известные театральные журналы, как «Артист», «Театрал», «Аполлон», в 1890-х годах в некоторых из них появилась специальная рубрика «Народные театры».

Подводя итоги, можно заключить, что картина развития театрального искусства, представленная на страницах периодической печати и воспоминаниях современников, в рассматриваемый период была сложной и противоречивой. С одной стороны, – тяжелое, порой унижительное положение актеров, самоуправство антрепренеров и председателей товариществ, продажность прессы, часто низкопробный репертуар. Но с другой стороны, конец XIX века – это важнейший период для русского театрального искусства, когда накопилась та критическая масса,

приведшая к его невиданному расцвету в последующие десятилетия. Именно тогда были созданы предпосылки для создания новых театральных систем, новаторских способов художественного выражения и, самое главное, активной зрительской среды, жизненно необходимой для развития театрального искусства.

О.И. Галкина

РЕФОРМАТОРИИ И БОРЬБА С ЖЕНСКИМ ПЬЯНСТВОМ В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ

В статье затронута проблема женского пьянства в Великобритании в XIX–XX веках. Автором проведен анализ реакции общества на данное явление, констатированы существующие в то время опасения общества за будущее страны. Большое внимание в статье уделяется созданным в тот период «реформаториям».

повседневная жизнь, женское пьянство, Великобритания, борьба с пьянством, социальный контроль.

Во все времена проблема женского пьянства и способы ее решения были в центре внимания общественности ведущих стран Запада. Актуальность этого вопроса в Великобритании обозначилась еще в XIX веке. Именно в этой стране были предприняты первые комплексные попытки решения проблемы женского пьянства.

Обеспокоенность общества проблемой женского пьянства была обусловлена рядом факторов: выявилась взаимосвязь между ростом количества потребляемого женщинами алкоголя и ростом числа преступлений, совершаемых слабым полом. В частности, 20 % преступлений, совершенных в Британии в 1870–1920 годах лицами в состоянии алкогольного опьянения, приходилось на женщин. Именно проблемой женского алкоголизма обуславливался рост детского пауперизма и распространение проституции. Представительница слабого пола, злоупотреблявшая алкоголем, не соответствовала культивируемому образу идеальной женщины викторианской эпохи – стыдливая невеста, счастливая мать, хранительница семейного очага. К концу XIX века здоровые женщины стали рассматриваться и как матери детей, которые в будущем образуют здоровую имперскую расу. Вышперечисленные факторы обусловили рост обеспокоенности викторианцев за будущее империи¹.

Как следствие, британское общество озаботилось решением этой проблемы, и мы можем отметить несколько попыток в этом направлении. Прежде всего, за «пьяный вид» суд приговаривал правонарушительниц к различным, как правило, коротким срокам тюремного заключения (2–5 дней). В 1898 году только в тюрьме Холлуэй (Holloway) содержалось 11 тысяч женщин, приговоренных к тюремному заключению за злоупотребление алкоголем², что показывало бесполезность такого рода наказания³.

¹ May T. Victorian and Edwardian Prisons. Shire Publications Ltd, 2006. P. 34–35.

² The Times. 1900. 26 November. P. 17.

³ Ibid. 1877. 30 October. P. 8.

По мнению многих общественных деятелей, в тюрьмах женщины «не исправлялись» и после освобождения не возвращались к нормальной жизни. Они утверждали, что почти в каждом случае женщина использовала тюрьму как санаторий. Мэри Гордон, первая женщина-инспектор английских тюрем, в своем отчете описывала мнение одной заключенной, которая указывала на «плюсы» тюремного заключения: «собственная комната», трехразовое питание, медицинская помощь. Гордон также отмечала, что многие женщины относились к приговору, предусматривающему заключение на несколько дней, как к возможности помыться и почистить зубы⁴.

По этой причине, по утверждению одного судьи, надзиравшего за заключенными женщинами, после выхода из тюрьмы они не отказывались от своей вредной привычки и «через 24 часа после освобождения снова к ней возвращались». Он предлагал своим коллегам, которые определяли наказание, приговаривать к тюремному заключению не менее, чем на семь дней, а в случае повторного преступления – к 14, 21, 28 дням»⁵.

Поэтому общественность искала другой способ решения проблемы женского алкоголизма, который совмещал бы и исправительные, и реабилитационные начала. В качестве возможного варианта рассматривалась инициатива создания специальных домов для женщин, страдающих хроническим алкоголизмом. В этих заведениях женщины могли бы получать медицинскую помощь, религиозное воспитание, «заниматься трудом в соответствии с их способностями и талантами».

С начала 1870-х годов врачи, а также активисты различных движений трезвости стали предлагать создание реформаториев – исправительных учреждений медико-педагогической направленности. Первая категория должна была предназначаться для тех, кто добровольно хотел избавиться от алкоголизма и у кого были средства для оплаты пребывания в таком заведении. Вторая категория – для малоимущих лиц, которые должны были излечиваться от алкоголизма по приговору суда. К этому времени в Великобритании было открыто уже три специализированных дома для лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, а именно, в Бейквелле (Дербишир), Ширнесе (Кент) и в Эдинбурге. В первых двух реформаториях находились и женщины, и мужчины, в эдинбургском – только женщины. Но учреждения были переполнены, что свидетельствовало о потребности общества в заведениях такого рода. Лица содержались в этих домах на протяжении трех месяцев за свой счет. Им оказывалась медицинская (применялись горчичные пластыри, чтобы «вытянуть яды») и духовная (проповеди) помощь.

Подобные инициативы не остались без внимания парламента и в 1879 году был принят Акт о запойных пьяницах, который позволял местным властям создавать приюты для лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Но такие заведения содержались на средства тех, кто оказывался в них. Таким образом, лечение малоимущих женщин было крайне проблематичным.

В 1898 году был принят Акт о пьяницах, который разрешал местным властям создавать «реформатории». Документ предусматривал создание двух типов учреждений такого рода: государственных и «лицензированных». Последние

⁴ May T. Op. cit. P. 34.

⁵ The Times. 1900. 11 June. P. 4.

могли создаваться местными властями и финансироваться за счет средств прихода и различных пожертвований. В эти дома по приговору суда помещались «запойные пьяницы» на срок от одного года до трех лет, если на протяжении года они четыре раза приговаривались судом к тюремному заключению.

Первым «лицензированным» реформаторием стало заведение в г. Брентри, основанное священником, активистом одного из обществ трезвости Х. Беденом и его женой. Оно содержалось на средства 24 приходских советов. К 1902 году супруги управляли уже пятью подобными заведениями.

Реформатории создавались в сельской местности, а процесс «исправления» включал в себя чтение Библии, выполнение определенного объема работы. По замыслу авторов идеи, хорошая еда, здоровое окружение и внимательный контроль были достаточны для того, чтобы женщины отказались от вредной привычки, «получили новый старт в жизни»⁶. Так, в наиболее известном реформатории Дакхерст (Суррей) женщины занимались производством масла, разведением домашней птицы, пчел, делали корзины, горшки, вязали, вышивали. На территории заведения был создан сад, и женщин обучали ухаживать за ним. На момент открытия (1895) заведение было рассчитано на 40 женщин, но уже в 1899 году в нем проходили курс реабилитации 112 женщин. Примерно две трети из них были замужем. Некоторые женщины имели малолетних детей, для которых на территории реформатория было построено специальное здание, названное «Гнездышко». Некоторым детям требовалась квалифицированная медицинская помощь, которую они смогли получить именно здесь. По данным медицинского инспектора, к 1902 году 45 % женщин, побывавшем Дакхерсте, излечивались от алкоголизма, что косвенно свидетельствовало об успешности такого подхода к решению проблемы алкоголизма.

В 1899 году по инициативе кардинала Вона (Vaughan) был создан реформаторий Экклсфилд (Мидлсекс). Его особенность заключалась в том, что он предназначался для женщин исключительно римско-католической веры. В этом заведении находилось не более 45 женщин, хотя оно было рассчитано примерно на 100 пациенток. Основным занятием и одновременно источником заработка женщин Экклсфилда была стирка белья, для чего на территории была построена большая прачечная. После окончания исправительного срока женщина покидала реформаторий, получая заработанные деньги за вычетом средств, потраченных на ее содержание.

В период с 1899 по 1914 год в Великобритании было создано 14 «реформаториев», из которых только два были государственными. Для женщин – при тюрьме Эйлсбери, для мужчин – при тюрьме Уорик. Всего через реформатории прошло 4 590 человек, из которых около 3 700 – женщины. Однако этого количества заведений, по официальным данным, было недостаточно.

Таким образом, для женщин, страдающих хроническим алкоголизмом, реформатории стали реальной альтернативой тюремному заключению. Длительная изоляция от неблагонадежной среды, приобретение женщинами определенных трудовых навыков и умений, активизация духовной деятельности делали возможным начать «новую жизнь».

⁶ Dundee Evening Telegraph. 1899. 16 February. P. 4.

Список использованной литературы

1. Dundee Evening Telegraph [Text]. – 1899. – 16 February.
2. May, T. Victorian and Edwardian Prisons [Text]. – Shire Publications Ltd, 2006.
3. The Times [Text]. – 1900. – 26 November.
4. The Times [Text]. – 1877. – 30 October.
- 5 The Time [Text]s. – 1900. – 11 June.

О.А. Базин

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ОККУПАЦИИ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ЯПОНИИ

В статье автор ведет речь о влиянии оккупации США на политическую и социально-экономическую сферу в Японии. Проводится анализ того, какое влияние оказывали США на японскую повседневность. В статье делается вывод о том, что период американской оккупации стал одним из переломных моментов для японского общества.

японская повседневность, вестернизация Японии, американский образ жизни, модернизация, американская оккупация, синтоизм.

Период американской оккупации считается отправной точкой становления современной Японии. Однако большинство исследователей рассматривают влияние США исключительно на политическую и социально-экономическую сферу, не уделяя должного внимания кардинальным изменениям в повседневной жизни японского общества. Вместе с тем, период 1945–1952 годов сыграл ключевую роль в вестернизации Японии и, как следствие, в ее превращении в самую «западную» из восточных стран.

Существовал ряд факторов, как способствующих, так и препятствующих распространению американского влияния на японскую повседневность. С одной стороны, в Японии еще с эпохи Мэйдзи существовала благоприятная почва для приобщения населения к западному образу повседневной жизни. Например, один из самых популярных видов спорта современной Японии – бейсбол – распространился в этой стране уже в 70-х годах XIX века.

С другой стороны, национальная гордость японцев была сильно ущемлена поражением во Второй мировой войне и американскими бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. Поэтому для части японского общества, особенно вернувшихся с фронта солдат, принятие американского образа жизни означало очень большой переворот в сознании.

В связи с этим американская оккупационная администрация уделяла особое внимание задаче американизации японского общества, чтобы в кратчайшие сроки превратить японцев из недавних врагов в верных друзей и носителей американского образа жизни. Для достижения этой цели создавалась особая структура – Управление гражданской информации и просвещения.

Каналами влияния американцев на японскую повседневность были культурная политика оккупационной администрации, а также пребывание на территории Японии американских солдат, которые и после окончания периода оккупации остались на территории Японии. Также в качестве катализатора американизации японской повседневности можно рассматривать повышение уровня жизни простых японцев. Рабочие промышленных предприятий и ставшие собственниками земли крестьяне хотели обеспечить себе высокий стандарт жизни, мерилom которого считалось американское общество.

Как и в других обществах стран Востока в Японии повседневность очень тесно переплеталась с религиозными верованиями. Поэтому главным препятствием на пути американизации японцев была их национальная религия – синтоизм. В связи с этим во время оккупации США проводили политику отделения синтоизма от государства и образования. На официальном уровне синтоизм начинает рассматриваться как символ японского милитаризма и всех жестоких моментов участия Японии во Второй мировой войне, что не соответствовало взглядам японского общества.

В первую очередь влияние американцев на японскую повседневность проявилось в распространении английского языка, причем именно в американском варианте. Число заимствований из английского языка в японский огромно. Во многих сферах жизни Японии американизмы составляют основу терминологического аппарата. Со времени оккупации японские СМИ различной направленности активно употребляют их, а непосредственное владение английским языком стало в Японии символом престижа. Именно в годы оккупации в Японии вводится школьное изучение английского языка, важным компонентом японской образовательной системы стал сложный вступительный экзамен по английскому языку при поступлении в вуз.

Другим важным аспектом американизации повседневной жизни Японии стало насаждение так называемой массовой культуры. В связи с изменением роли синтоизма в обществе с конца 1940-х годов народные песни, тесно связанные с ритуалами синто, вытесняются популярной музыкой, развиваются западные жанры. В 1950 году в Японии появилась первая компания кинопроката. Она выпускала фильмы, которые по широте и смелости постановки социальных проблем в корне отличались от ранее выходивших на экраны картин. В 1950-е годы по американскому образцу сложилась японская киноиндустрия, ставшая мощным фактором американизации образа жизни японцев. Походы в кинотеатры до начала 1960-х годов были привычным времяпрепровождением городского населения Японии, затем дополненные просмотром телепередач¹.

Еще более серьезные перемены под влиянием американизации произошли в японской анимации. После войны, когда в Японию хлынули американские мультфильмы, аниматорам стало очевидно, что будущее не за индивидуальными работами художников, как это было раньше, а за крупными анимационными студиями по образцу американских. Пробразом такой студии стала «Ниппон

¹ Катасонова Е.Л. Японские гангстерские фильмы: их герои и создатели // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 71.

Дога», созданная в 1946 году Кэндзо Масаокой и Санаэ Ямамото². В 1950-х годах японским аниматорам стало окончательно понятно, что для того, чтобы иметь возможность конкурировать с Диснеем, надо выпускать полнометражные аниме-фильмы. Первые полнометражные мультфильмы Японии технически очень напоминали полнометражные фильмы студии Уолта Диснея. Некоторые из них даже попали в американский прокат.

Американизация повседневной жизни японского общества затронула и систему питания японцев. Ежегодные обследования, проводимые Министерством просвещения, фиксируют, что физические кондиции японских детей и подростков падают год от года. Японские дети, которые все больше употребляют продукцию «Макдональдса» и «Кока-колы», становятся все полнее и выше ростом, болезненнее, ведут все более инертный образ жизни³.

В условиях традиций Востока особую роль имело изменение повседневной жизни японской семьи. До Второй мировой войны для Японии были характерны большие семьи, состоявшие из нескольких поколений. Семейные отношения регулировались жесткой иерархической системой. Авторитет родителей был очень высок и непререкаем, а от замужних женщин ожидалось безоговорочное повиновение мужу и его родителям. Однако процесс послевоенных демократических преобразований в значительной степени ликвидировал старый патриархальный характер японской семьи. Это проявилось в резком росте числа нуклеарных семей и тенденции резкого падения числа детей в семье.

Большое значение имело появление возможности оставлять девичью фамилию после свадьбы в стране, где смена фамилии после замужества являлась символом традиционной патриархальной семьи. В обществе начинает обсуждаться необходимость отойти от традиционной системы распределения обязанностей между супругами и строить отношения сотрудничества между полами⁴. Речь идет о том, что женщины должны получать помощь и всяческое содействие в плане совмещения своих ролей – жены-домохозяйки, рождающей и воспитывающей детей и занятой трудом вне дома – как на уровне семьи, так и общества в целом. Такой подход к семейным отношениям во многом соответствовал нормам американского общества. Распространению американского взгляда на семейную жизнь способствовали интернациональные браки, в том числе между известными представителями американского и японского обществ⁵.

Несмотря на очевидные успехи в насаждении американского образа жизни, следует отметить высокую способность японского общества к сохранению традиционных ценностей и атрибутов повседневной жизни. Соединённые штаты Америки на протяжении XX века были для японцев символом прогресса, эталоном для подражания, но с другой стороны – и объектом раздражения, поскольку уподобление американцам отодвигало на задний план японскую самобытность. Данный посыл стал стимулом для пропаганды национальных идей и культуры Японии. В качестве ответной реакции на американизацию всех сторон жизни

² Иванов Б.А. Введение в японскую анимацию. М., 1999. С. 31

³ Мещеряков А.Н. Статя японцем: топография тела и его приключения. М., 2014. С. 412

⁴ Латышев И.А. Семейная жизнь японцев. М., 1985. С.289.

⁵ Япония, открытая миру. / Под. ред. Э. В. Молодяковой. М., 2007. С. 254

Японии можно рассматривать возросший интерес к традициям чайной церемонии, традиционному японскому театру, сохранение института гейш⁶.

Таким образом, период американской оккупации стал одним из переломных моментов для японского общества. Помимо очевидных перемен в области политики и экономики, происходит американизация всех аспектов японской повседневности – от языка общения до атрибутов быта. Несмотря на то, что период оккупации давно закончился, тесный внешнеполитический союз США и Японии продолжает способствовать популярности американского образа жизни в современном японском обществе.

Список использованной литературы и электронных источников

1. Катасонова, Е.Л. Японские гангстерские фильмы: их герои и создатели [Текст] // Азия и Африка сегодня – 2015. – № 5.
2. Иванов, Б.А. Введение в японскую анимацию [Текст]. – М., 1999.
3. Мещеряков, А.Н. Стать японцем: топография тела и его приключения [Текст]. – М., 2014.
4. Танака, Э. Школа современной гейши [Электронный ресурс]. – режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/204187/read>
5. Латышев, И.А. Семейная жизнь японцев [Текст]. – М., 1985. – С. 289.
6. Япония, открытая миру [Текст] / под. ред. Э.В. Молодяковой. – М., 2007.

М.В. Короткова

ПРОТИВ DOMINIUM IN MARI BALTICO: ПОПЫТКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИДЕИ БАЛТОСКАНДИИ В 1990-Е – НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ

Автором рассмотрены условия конструирования образа Балтоскандии в 1930-е годы, проанализирована его смысловая нагрузка в 1990-е – начале 2000-х годов. В статье дается историческая оценка развития этого образа, анализируется вклад ученых и исследователей в становление этого образа.

геополитические трансформации, страны Прибалтики, геополитика, общественное сознание, политические образы.

Геополитические изменения нередко влекут за собой изобретение новых образов регионов и соответствующих им географических наименований. Новые образы могут либо задержаться в интеллектуальном дискурсе на длительное время, либо, распространившись в общественном сознании, вытеснить из него господствовавшие ранее. В контексте геополитических трансформаций последних десятилетий заслуживает внимания изобилие образов, предложенных различными интеллектуальными традициями взамен привычной «Прибалтики»: «Балтия», «Балтоскандия», «зона Балтийского моря», «Циркумбалтийский регион», «Новая

⁶ Танака Э. Школа современной гейши. URL : <http://lib.rus.ec/b/204187/read>

Ганза», «Северная Европа», «Северо-Восточная Европа». Такое разнообразие концептов и подразумеваемых под ними вариантов территориального охвата свидетельствует о широком выборе программ конструирования региона. Большинство из них разрабатывается западными исследователями. Особый интерес представляет образ Балтоскандии, над созданием которого трудились в основном прибалтийцы. В данном исследовании будут рассмотрены условия конструирования образа в 1930-е годы, проанализирована его смысловая нагрузка в 1990-е – начале 2000-х годов (место, отводимое трем республикам в «регионе», проектирование отношений с соседними государствами и определение перспектив «региона»).

Изобретению «Балтоскандии» предшествовало введение в 1900 году финским геологом В. Рамзеем геологического понятия «Фенноскандия». Оно охватывало территории Швеции, Норвегии, Финляндии, Карелии, Кольского полуострова¹. При этом подчеркивалось, что данный концепт отражает природно-ландшафтную характеристику земель, но не покрывает областей расселения северных народов, распространения северной культуры, северной истории и размещения северных государств.

В 1928 году, в новых политических условиях межвоенного периода, шведский географ С. Де Гир, опираясь на концепт В. Рамзея, предложил географическое понятие «Балтоскандия». Он включил в «Балтоскандию» Швецию, Данию, Норвегию, Финляндию, Исландию, Эстонию и Латвию, оставив за рамками Литву². Географ выделил девять унифицирующих элементов, при этом все девять могли быть применены только в отношении Фенноскандии. Между Фенноскандией и территорией прибалтийских государств, по его мнению, из естественных существовала лишь геологическая связь. Однако ученый назвал культурные элементы, которые связывали регион воедино. Христианство в форме протестантизма, идея северной расы и эпоха расцвета северных государств, по его мысли, распространились на всю Балтоскандию.

Идея шведского исследователя была подхвачена ведущими географами суверенных Эстонии и Литвы.

В 1935 году эстонец Э. Кант расширил доказательную базу наличия связей между территорией своей республики и Скандинавией. Он настаивал на том, что Эстония и Латвия (как и Швеция, Норвегия и Финляндия) размещаются на полуострове (Литву же относил к континентальной части Европы)³. Кроме того, подробно анализировал климат, естественные ресурсы и сельское хозяйство региона⁴. Искусственный характер аргументации не позволяет рассматривать изыскания ученого как сугубо географические. Необходимо учитывать и тот факт, что Э. Кант принадлежал к окружению эстонского президента К. Пятса и неоднократно демонстрировал свои националистические взгляды⁵. Увлеченность географа

¹ De Geer, S., von. Das geologische Fennoskandia und das geographische Baltoskandia // Geografiska Annaler. 1928. Vol. 10. P. 119.

² Ibid. P. 132, 135, 136.

³ Lehti M. Non-reciprocal region-building. Baltoscandia as a national coordinate for the Estonians, Latvians and Lithuanians // Nordeuropaforum. 1998. № 2. P. 19–47. URL: <http://edoc.hu-berlin.de/nordeuropaforum/1998-2/lehti-marko-19/XML/> (date of access: 28.10.2013).

⁴ Jauhainen J. Edgar Kant and the Rise of Modern Urban Geography // Geografiska Annaler. Series B, Human Geography. 2005. Vol. 87. No. 3 ; Special Issue: The Heritage of Edgar Kant and J.G. Granö. P. 196.

⁵ Ibid. P. 197, 198.

идеей Балтоскандии можно объяснить характерным для правящих кругов Эстонии стремлением укрепить независимость республики посредством заключения союза с влиятельными государствами. Наука география в данном случае стала инструментом легитимации независимости Эстонии. Поэтому труды Э. Канта по проблеме Балтоскандии следует рассматривать в контексте развития эстонского национального дискурса.

Идея Балтоскандии показалась весьма привлекательной и литовскому географу К. Пакштасу (хотя С. Де Гир и не причислял Литву к изобретенному им региону). Он обосновал распространение образа Балтоскандии на территорию Литовской Республики. К. Пакштас характеризовал Балтоскандию как «божественно сбалансированный регион, идеально овальный в своих контурах и составляющий гармоничное географическое единство»⁶. Литовский ученый, в отличие от шведского коллеги, ограничил свое исследование изучением шести унифицирующих факторов, отдавая предпочтение культурным элементам. Усиление культурного аспекта в характеристике региона позволило К. Пакштасу поставить вопрос о закреплении единства Балтоскандии в политической сфере. Он настаивал на создании регионального объединения – Балтоскандской конфедерации равных. Будучи сторонником теории микростатизма, оставлявшей малым нациям возможность лавирования, К. Пакштас отвергал геополитическую теорию Ф. Ратцеля о поглощении крупными государствами малых⁷. Однако государственные деятели скандинавских стран, к которым обращался литовский географ, оставили его идеи без внимания, не желая быть втянутыми в решение проблем, связанных с обеспечением безопасности малых государств Балтийского региона.

Таким образом, к концу 1930-х годов географический концепт, предложенный С. Де Гиром, получил детальную проработку в трудах его прибалтийских коллег, стремившихся укрепить позиции своих государств на международной арене, и даже трансформировался в своеобразный политический манифест. Иными словами, «Балтоскандия» из категории географической науки превратилась в элемент национального дискурса.

Геополитические изменения рубежа 1980–1990-х годов – распад Советского Союза и окончание холодной войны – поставили в повестку дня вопрос о создании новой региональной конфигурации вокруг Балтийского моря. В 1990-е годы стартовали процессы по реализации различных моделей строительства региона. Конструирование региона стало одной из основных тем региональных исследований. В научных кругах активно обсуждались многочисленные образы региона (как уже известные, так и новые) и соответствующие им географические наименования.

Молодые прибалтийские государства вновь испытывали потребность в географических исследованиях. В отличие от соседей по балтийскому побережью, приоритет они отдавали актуализации интеллектуального наследия, возрождению идей межвоенного периода. Подтверждением этому является повторное обращение к идее Балтоскандии. В 1990-х – начале 2000-х годов труды Э. Канта, К. Пакштаса по рассматриваемой проблеме неоднократно переиздавались, прово-

⁶ Pakštas K. The Baltoscandian confederation. Vilnius : Versus aureus, 2005 [1942]. P. 60.

⁷ Heikkilä P. Baltic proposals for European unification during world war II // Latvijas vestures instituta zurnals. 2014. № 2 (91). P. 71.

дились конференции, публиковались монографии, посвященные изучению творчества географов. Более того, в 1991 году в литовском Паневежисе начала работу академия Балтоскандии, которая занималась организацией научных мероприятий, издавала журнал, имела библиотеку, архив, музей «балтоскандских связей» и «балтоскандский» консультативно-информационный центр. Однако в 2009 году учреждение было закрыто по причине отсутствия финансирования.

Неменьший интерес к идее Балтоскандии проявляли политические круги трех республик. Зачастую концепт использовался политическими деятелями для обозначения любой формы объединения прибалтийских и скандинавских стран и не только их (к примеру, Совета государств Балтийского моря⁸). При этом очевидно, что от внимания политиков ускользали характерные особенности «региона», которые, напротив, были важны для Э. Канта и К. Пакштаса. Пожалуй, очевидно и то, что по-прежнему в понятие вкладывался смысл недопущения доминирования какого-либо государства на Балтике и связанного с этим ущемления интересов молодых малых государств. Несмотря на частое употребление термина «Балтоскандия» в политической сфере, проект так и не был реализован, не стал явным, оставаясь в поле национальных дискурсов.

Список использованной литературы и электронных источников

1. De Geer, S., von. Das geologische Fennoskandia und das geographische Baltoskandia [Text] // Geografiska Annaler. – 1928. – Vol. 10.
2. Lehti, M. Non-reciprocal region-building. Baltoscandia as a national coordinate for the Estonians, Latvians and Lithuanians [Electronic resource] // Nordeuropaforum. – 1998. – № 2. – Made of access : <http://edoc.hu-berlin.de/nordeuropaforum/1998-2/lehti-marko-19/XML/> (date of access: 28.10.2013).
3. Jauhiainen, J. Edgar Kant and the Rise of Modern Urban Geography [Text] // Geografiska Annaler. Series B, Human Geography. – 2005. – Vol. 87. – No. 3, Special Issue: The Heritage of Edgar Kant and J. G. Granö.
4. Pakštas, K. The Baltoscandian confederation [Text]. – Vilnius : Versus aureus, 2005 [1942].
5. Heikkila, P. Baltic proposals for European unification during world war II [Text] // Latvijas vestures instituta zurnals. – 2014. – № 2 (91).

Е.А. Косован

СССР И УКРАИНСКАЯ ДИАСПОРА В ГЕРМАНИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1920–1980-Е ГОДЫ)

В статье исследуется вопрос об отношении советской власти и советского общества к эмигрантам, в частности украинской эмиграции в Германии и способы их взаимодействия. Автором выделяются типы взаимодействия СССР с украинской эмиграцией в Германии. Также в статье анализируются причины, по которым политика СССР в отношении украинской эмиграции в Германии оказалась неудовлетворительной.

украинская диаспора, Германия, Великая Отечественная война, украинская эмиграция.

⁸ Baltoscandia: an utopia, an ambition, or just a polite neighborhood. URL: <http://www.lithuaniantribune.com/12000/baltoscandia-a-utopia-an-ambition-or-just-a-polite-neighbourhood-201212000/>. (date of access: 04.02.2016).

Проблема взаимоотношений СССР и украинской эмиграции в Германии является одним из белых пятен в отечественном эмигрантоведении. Ее исследование представляется актуальной научной и политической задачей, так как позволяет прояснить отношение советской власти и советского общества к эмигрантам и способы их взаимодействия.

В эволюции взаимоотношений СССР с украинской эмиграцией в Германии можно выделить два этапа. С 1920 по 1938 год стороны пристально наблюдали друг за другом, после чего вступили в борьбу, пик которой пришелся на годы Великой Отечественной войны, а в 1950–1980-е годы советская сторона попыталась установить сотрудничество с «прогрессивной» частью украинской эмиграции.

Рассмотрим подробнее оба этапа. Итак, в межвоенный период сама проблема существования «белоэмигрантов» воспринималась в СССР враждебно, и не без оснований. Украинская диаспора в Германии, которая сформировалась после ликвидации Украинской Народной Республики и в которой выделялись представители «гетманской эмиграции» и участники националистического движения, не скрывала своих намерений восстановить суверенное украинское государство при военной и(или) дипломатической помощи Берлина. Отсюда пристальное внимание к ней советской внешней разведки (ИНО ВЧК).

До 1938 года советские спецслужбы предпочитали не вмешиваться в жизнь украинцев. Однако террористическая деятельность Организации украинских националистов в Польше приняла такой размах, что руководство СССР восприняло это как непосредственную угрозу безопасности страны и попыталось обезглавить движение, ликвидировав в 1938 году его руководителя – Е.М. Коновальца.

В том, что эта попытка не удалась, советское руководство смогло убедиться уже через год: после присоединения к УССР украинских земель, принадлежавших Польше и Румынии, выяснилось, что эти области наводнены ячейками ОУН, на боеспособность которых гибель Коновальца если и повлияла, то незначительно. Уничтожить ОУН, пользующуюся поддержкой Германии, не удалось, хотя нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия не раз получал от своих заместителей сообщения о том, что по всем «украинским контрреволюционным формированиям» нанесен сокрушительный удар¹.

Накануне войны Москва была хорошо осведомлена о деятельности украинских эмигрантов: был известен и резкий рост среди них германофильских настроений, и их подготовка к «битве за Украину» совместно с вермахтом². Остановить эту смертоносную украинско-немецкую военную машину уже было невозможно. Но, вероятно, именно тогда в Кремле впервые был сделан вывод о необходимости диалога с диаспорой, которая может быть и опасным врагом, и важным союзником.

Вывод этот подтвердили события 1941–1947 годов. Украинская повстанческая армия (УПА), действовавшая в союзе с вермахтом, серьезно осложняла действия Красной армии и смогла бы осложнить еще сильнее, если бы удалось создать единый фронт из гетманцев, членов ОУН и РОА³. А с началом холодной

¹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: док. : в 2 т. М., 2012. Т. 1 : 1939–1943. С. 161.

² Там же. С. 152.

³ РГВА. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 780 (1). Л. 3–5, 10.

войны уже США и Великобритания начали использовать украинских эмигрантов в качестве ресурса для агентуры своих разведывательных служб и формирования диверсионных сил на случай войны с СССР. Чтобы переломить эту негативную тенденцию, советское руководство решило создать общественные организации, на которые была бы возложена официальная миссия сотрудничества с диаспорой и ее «перевоспитания». Первой такой организацией стал советский Комитет за возвращение на Родину⁴, созданный в 1955 году в Берлине и занимающийся работой с репатриантами.

В 1959 г. его переименовали в Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками, а целью была провозглашена организация «патриотического движения среди эмигрантов»⁵. Но работа шла слабо, и потребовалась еще одна реорганизация. В 1963 году в Москве был создан Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом, а Комитет в Берлине преобразовали в его Представительство. В последний раз Комитет был переименован в 1975 году, когда он стал Советским обществом по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина»).

«Родина» должна была установить контакт с «прогрессивными организациями эмигрантов национальностей Союза ССР», посылать им агитационную печатную продукцию, приглашать в СССР делегации «прогрессивных эмигрантских организаций» и отдельных эмигрантов, обучать их детей в советских средних и высших учебных заведениях⁶.

Несмотря на реорганизации, деятельность комитетов по связям с соотечественниками оставалась малоэффективной. Нехватка средств и невозможность выезжать в ФРГ⁷, незнание реалий жизни эмиграции, преобладание идеологических установок над здравым смыслом, когда, например, посылаемые в Германию книги, журналы, кино- и фотоматериалы оценивались с точки зрения их пользы для «контрпропагандистской работы», а не художественной ценности,⁸ — все это препятствовало нормальной работе «Родины». В ФРГ ей удалось установить контакт только с бывшими остовами, которые не имели никакого влияния на общественно-политическую жизнь эмиграции. «Родине» было нечего противопоставить антисоветской деятельности эмигрантских организаций, базирующихся в Мюнхене и оказывающих все более сильное влияние на диссидентское движение в УССР.

Политика СССР в отношении украинской эмиграции в Германии оказалась провальной на обоих этапах. Причин тому было несколько, но основные таковы: все соотечественники за рубежом всегда рассматривались советскими властями и большей частью советского общества как «чуждые элементы»; кроме того, у организаций, которые должны были контактировать с эмигрантами, не было законодательной базы, концепции работы с соотечественниками, которая разъясняла бы цели и основные направления сотрудничества. На том

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9651. Оп. 1. Л. 4.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 5–6.

⁷ ЦДАВОУ. Ф. 4629. Оп. 1. Д. 190. Л. 17–19; ГА РФ. Ф. Р-9651. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.

⁸ ЦДАВОУ. Ф. 4629. Оп. 1. Д. 111. Л. 9–10.

этапе, в тех исторических условиях иное развитие событий было вряд ли возможно. Однако негативный советский опыт должен быть проанализирован, переоценен и учтен госорганами и общественными организациями современной России при построении работы с соотечественниками за рубежом.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9651. Оп. 1. Д. 69.
2. Российский государственный военный архив. Ф. 500 к. Оп. 1. Д. 780 (1).
3. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. [Текст] : док. : в 2 т. / под ред. А.Н. Артизова. – М. : РОССПЭН, 2012. – Т. 1 : 1939–1943. – 878 с. : илл.
4. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 4629. Оп. 1. Д. 111, 190.

Г.А. Куренков

НА СТЫКЕ ИСТОРИИ, ПРАВА И ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ (ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ)

Статья посвящена изучению истории защиты государственной информации. Для наиболее полного исследования автор рассматривает поставленную проблему не только в историческом аспекте, но и с привлечением близких и даже не очень близких к истории дисциплин, в частности правовых.

государственная тайна, история защиты информации, защита информации, методы защиты.

В последнее время объективно все большее развитие получает междисциплинарный характер исторического знания. При раскрытии исторического явления или анализа исторических событий порой бывает недостаточно изучение вопроса с точки зрения теории одной только исторической науки. Многие вопросы требуют своего разрешения с привлечением близких и даже не очень близких к истории дисциплин. Некоторые темы для изучения вообще стоят на грани понимания с точки зрения нескольких дисциплин. И в этом очень важна роль историка в осмыслении и интерпретации событий, фактов и явлений. Как известно, широко применимы общенаучные методы в историческом исследовании, исторический и логический методы, абстрактное и конкретное в процессе научно-исторического познания. А принцип историзма является важнейшим для научного познания вообще. Вашему вниманию предлагается теория изучения истории защиты государственной тайны в Советском Союзе. Тема стоит на стыке двух-трех дисциплин: истории и собственно специальной – защиты информации, у которой также имеется своя методологическая и теоретическая база. Вопрос защиты государственной тайны также является и предметом изучения с точки зрения права. С точки зрения исторической науки, на наш взгляд, для изучения истории защиты государственной тайны наиболее подходит историко-системный метод, через системный подход

и системный анализ раскрывающий внутренние механизмы функционирования и развития общественно-исторической системы в целом и конкретный объект и предмет исследования. Тем самым основой системного подхода и метода научного познания является единство и закономерность сменяемости систем в общественно-историческом развитии, из которых складывается историческая реальность. Системный характер общественно-исторического развития означает взаимосвязь событий, когда ситуации и процессы не только обусловлены и имеют причинно-следственную связь, но и функционально связаны между собой. При этом функциональные связи как бы перекрывают причинно-следственные. На этом основании можно полагать, что определяющее значение здесь имеет не столько причинное, а структурно-функциональное объяснение. Задача заключается в вычлениении изучаемых систем, например, конкретное изучение системы государственной тайны и защиты информации из общего единства систем, из которого складывается функционирование государства (механизмы функционирования государственного аппарата и власти) и общественно-экономической системы в целом. Системно-функциональный анализ – это анализ от абстрактного к конкретному. Таким образом, системно-функциональный анализ, основанный на диалектическом и материалистическом понимании общественно-исторического развития, в данном случае является основным средством познания.

При работе над темой истории защиты государственной тайны с точки зрения исторической науки следует принимать во внимание также теорию и методологию, специфику защиты информации, ее принципы, критерии, методы, а также и правовую составляющую. Например, принцип легальности тайны. В теории не все нормы, которые исходят от государства, можно считать правовыми, а только те, которые проводят и закрепляют правовую идею свободы, равенства, справедливости, прав человека, доступа информации и т.д. Пример: установление запретов на ограничение в доступе к определенным категориям сведений. Общие критерии в построении института и системы защиты государственной тайны должны включать в себя государственное регулирование на основе принципа легальности и легитимности, адекватности потребностям прогресса. Это, и что с этими вопросами связано, относится к теории права. Изучении истории защиты государственной тайны определяется как методологическая система основных методов и идей, относящихся к изучению вопроса, дающих целостное представление о сущности проблемы защиты государственной тайны в ретроспективном (историческом) и диалектическом понимании, закономерностях ее развития и взаимосвязях с исторической и другими науками и отраслями знаний и определяющая основные направления и вопросы темы. Это, как уже было отмечено выше, взаимосвязь исторической науки, прежде всего с изучением права и защиты информации. Ретроспективное (историческое) изучение вопроса отличает его от современной теории и понятия защиты информации, в основном ориентированном на защиту информации техническими средствами, тем, что в XX веке основными в защите информации были не технические, а организационные направления. В этом проявляется диалектика и динамика развития системы защиты информации. Организационные меры защиты – это меры административного характера, регламентирующие процессы

функционирования, а также порядок взаимодействия структур системы защиты информации, с тем, чтобы исключить или в наибольшей степени затруднить возможность реализации угроз безопасности или снизить размер потерь в случае их реализации. Изучение защиты государственной тайны в историческом плане, необходимое для наиболее полного изучения и понимания вопроса, должно основываться как на общеисторических, так и на специальных специфических методах и принципах изучения защиты информации. Применительно к изучению теории и истории защиты информации, целевой установкой представляется формирование концепций на основе реальных фактов, а не абстрактных умозаключений, учета и диалектики взаимосвязей количественных и качественных изменений, изучение составных компонентов и направлений деятельности. Это и предполагает междисциплинарный подход к изучению темы. Одностороннее освещение темы только с точки зрения общеисторического знания не только не дает полной картины, не дает полного понимания специфики вопроса, не только может, но и часто входит в противоречивое состояние. Для историка информация, ее наличие – это «хлеб» исследования. Исторический подход в решении задачи предполагает наличие всей полноты или, по крайней мере, как можно большего наличия информации. А процесс защиты информации, в принципе, предполагает обратное – ее сокрытие вообще или ограничение. Для чисто исторического анализа в определенных вопросах изучения истории защиты государственной тайны не хватает (в принципе, и не должно хватать) материала (источников, сведений, фактов, оперативного анализа, мотиваций и т.д.), а с точки зрения защиты информации такое отсутствие сведений не только нормальное, но и специально созданное ограничение. Большое значение на процесс ограничения и формирования методов защиты оказывает тот факт, что все процессы защиты информации подвержены сильному влиянию как известных (да и то вычисляемых вероятных, предположительных), так и случайных факторов, особенно тех, которые связаны с действиями противника (предполагаемым внешним воздействием) или с человеческим фактором. В целом, в теоретическом и практическом смысле, необходимо принимать во внимание вероятностный характер действий и мероприятий по защите информации, так как противоборствующие стороны напрямую не информируют друг друга об интересующих их вопросах (действиях, месте, времени, лицах и т.д.). Обеспечение защиты информации на практике происходит и в условиях потенциального и случайного воздействия самых разных факторов. Некоторые из них заранее известны, а некоторые предусмотреть невозможно, и они способны снизить эффективность или даже свести к минимуму и обойти предусмотренные меры защиты. Поэтому при изучении и анализе следует принимать во внимание, что организация системы защиты государственной тайны фактологически связана как с известными факторами, так и неизвестными событиями в будущем, и поэтому всегда содержит признаки и элементы неопределенности и неоднозначности, влияющие на принятие государственных управленческих решений при недостаточно полной информации, или социально-психологические факторы. При этом задачи принятия решений могут происходить: 1) в условиях определенности при обладании полной или достаточно полной информацией; 2) в условиях вероятной определенности при недостаточно полной,

но допустимой для принятия решений информации; 3) в условиях неопределенности при отсутствии или малом объеме информации. Принятие решений в условиях определенности осуществляется при наличии полной и достоверной информации о проблемной ситуации, целях, ограничениях и последствиях решений. Задачи выявления и блокирования каналов утечки информации относятся к задачам принятия решений в условиях неопределенности, обусловленной наличием множества факторов, не поддающихся количественной оценке, поэтому для решения задач защиты информации необходимо выделить и определить множество реальных потенциальных каналов утечки и несанкционированного доступа, для чего необходимо привлечение методов системного анализа.

И самый главный вопрос – в какой степени система защиты государственной тайны обеспечивает требуемый уровень безопасности? Это напрямую связано с вопросом эффективности защиты государственной тайны в тот или иной исторический период. Казалось бы, ответить на него просто, – для этого необходимо оценить эффективность системы защиты информации. В свою очередь, оценка эффективности защиты должна обязательно учитывать как известные объективные обстоятельства, так и вероятностные факторы достижения цели или вероятностью выполнения задачи. Данная вероятность должна приниматься во внимание и положена в основу комплекса показателей и критериев оценки эффективности защиты информации. Но сложность состоит в том, что оценка эффективности защиты информации в целом и государственной тайны в частности, даже в настоящее время, теоретически мало разработана, практически отсутствуют нормированные количественные показатели, учитывающие как возможные преднамеренные, так и случайные воздействия. В результате достаточно сложно, а зачастую невозможно оценить качество функционирования системы защиты информации. Порой просто не хватает достаточного количества конкретного материала. Содержательные результаты по оценке эффективности могут быть получены только при системном подходе, количестве наработанного материала, определении границы и оценки перехода его из количества в качество и при соответствующей системе показателей и критериев. Также объективной характеристикой качества и эффективности системы защиты государственной тайны является степень ее приспособленности к достижению требуемого уровня безопасности в условиях реального воздействия как известных, так и случайных факторов, характеризующих степень потенциальных возможностей страны при конкретных исторических условиях. Существование нормативной базы, методического, теоретического и практического обеспечения защиты военной и государственной тайны должно происходить прежде всего в этом направлении.

Институт защиты государственной тайны на сегодня является основной составляющей системы информационной безопасности, которая, в свою очередь, занимает одно из ведущих мест в системе национальной безопасности государства в целом. Но следует отметить, что должна проходить и прямая связь от безопасности государства до безопасности личности, т.е. государство должно выступать своего рода гарантом, – безопасность государства должна гарантировать безопасность личности. В то же время личность, соблюдая государственную

тайну, помогает и государству, и себе находиться в безопасности, ведь требование о сохранности государственной тайны и распространение ее среди определенного круга лиц во многом основано на доверии к ним. Самое главное в ретроспективном изучении защиты государственной тайны в настоящем, как в общеисторическом, так и в специальном плане, остается прежним: определить и показать основную цель и предназначение защиты государственной тайны – не позволить дать потенциальным и явным противникам информацию, составляющую государственную тайну; определить задачу – перекрытие всех потенциально существующих каналов ее утечки.

Н.Э. Вашкау

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКИХ ЖЕНЩИН В ТРУДАРМИИ НА ОСВОЕНИИ СЕВЕРА

Статья посвящена вопросу повседневной жизни немецких женщин в освоении северных районов нашей страны. Автором изучаются условия содержания немецких женщин на промышленных предприятиях России, отношение их к труду. В статье большое внимание уделяется мобилизации немецких женщин в начале войны, приводятся статистические данные о количестве таких женщин в тот период.

трудоармии, Архангельская область, немецкие диаспоры, мобилизация, женский труд.

Цель предлагаемой статьи – показать на опубликованных и неопубликованных материалах ГАРФ участие немецких женщин в освоении северных районов нашей страны, строительстве промышленных предприятий на примере Архангельского ЦБК.

По переписи населения в 1939 году в Архангельской области насчитывалось 2 598 немцев¹. По постановлению ГКО СССР от сентября 1941 года они переселялись наряду со всеми немцами Советского Союза в восточные районы страны². Но оставление противнику важнейших металлургических баз, районов добычи топлива, дефицит рабочих кадров требовали все новых мобилизаций. Первая мобилизация немцев-мужчин была проведена по постановлению ГКО (1123 сс) от 10 января 1942 года.

7 октября 1942 года ГКО принял постановление «О дополнительной мобилизации немцев» для народного хозяйства СССР», согласно которому в «рабочие колонны» направлялись не только мужчины от 15 до 55 лет, но и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. Исключение составляли беременные женщины и имевшие детей до 3-х лет³. Постановления обязывали «всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты НКО в исправной зимней одежде,

¹ Депортация народов СССР (1930–1940-е годы). Ч. 2: Депортация немцев. М., 1995. С. 91.

² «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы) / сост. Н.Ф. Бугай. 2-е изд. М., Готика, 2000. С. 23.

³ История российских немцев в документах / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 172–173.

с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия». Эти требования были трудновыполнимы, поскольку изгнанные с родных мест, ограниченные запретом на вывоз при депортации личного имущества, немцы ко времени мобилизации были вынуждены были обменять часть нехитрых пожитков на пропитание.

Мобилизация проходила под руководством местных военкоматов и должна была быть проведена в течение месяца. В Казахстане и Сибири уже наступала зима, во многие семьи, главы которых в январе–феврале 1942 года были мобилизованы, уже пришли первые извещения о смерти, так как смертность мужчин была очень высокой. Теперь забирали матерей. Призывной возраст женщин определялся в 16 лет, но с весны 1943 года забирали и 14–15-летних, когда резервы призыва взрослого населения были исчерпаны⁴. Женщины, ребенку которых исполнялось три года, также немедленно забирались. Подростков забирали со школьной скамьи, не дав доучиться в школе, в то время как их сверстники оставались за партами. Жизнь немецких женщин на предприятиях и стройках определялась общими инструкциями, где не было никаких различий или отдельных параграфов, где бы учитывалась специфика женского труда.

Нормы питания и промтоварное обслуживание предполагались по нормам, установленным ГУЛАГу НКВД. Но и они не выполнялись повсеместно. В первую очередь это касалось обеспечения жильем, питанием и одеждой. Строго регламентировался внутренний распорядок жизни, пресекались всякие попытки уклониться от мобилизации. Неявка к месту работы или дезертирство карались по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Эти меры распространялись на все трудоспособное население страны. Но в отношении немцев организация производства была чрезмерно регламентирована и практически ничем не отличалась от содержания в лагерях. От мобилизации освобождались немки, мужья которых были русскими, вне зависимости от их служебного положения и партийной принадлежности, а также женщины-руссие, мужья и дети которых были немцами и подлежали мобилизации. Женщины были отправлены в первую очередь на предприятия Наркомнефти и Наркомугля. План предусматривал мобилизацию 65 300 женщин⁵. Главным образом они были заняты на строительстве дорог, нефтепроводов, на карьерах, лесозаготовке и лесовывозе, прокладке мостов через реки.

Всего на 21 декабря 1942 года в рабочих колоннах на стройках и в лесных лагерях НКВД было 118 тысяч мужчин и женщин⁶. Настолько плохо обстояло дело с их трудоспособностью, настолько высока была заболеваемость, больные ложились «бременем на бюджет стройки», что 3800 человек начальник ГУЛАГа НКВД Наседкин просил освободить и отправить к местам расселения домой. На документе подпись: «Согласен. Берия. 21 декабря». Доехавшие до казахских аулов активированные трудармейцы умирали через месяц-год-два...

⁴ История российских немцев в документах. С. 193.

⁵ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». С. 78.

⁶ Там же. С. 315.

На север и конкретно на строительство Архангельского целлюлозно-бумажного комбината женщины-немки из Кустанайской, Павлодарской и Семипалатинской областей Казахстана прибыли в мае 1943 года. Как работали женщины, каковы были реальные условия их содержания, мы узнаем из рассекреченных документов фонда № 9479 ГАРФ. Поскольку мобилизованные были под надзором НКВД, в фонде отложились целые тома межведомственной переписки между НКВД и соответствующими наркоматами, в распоряжение которых поступала рабочая сила. Все документы имеют гриф «совершенно секретно». Из приводимого ниже фрагмента служебной переписки между двумя ведомствами встает полная картина повседневной жизни немецких женщин. Из сообщения управления НКВД по Архангельской области следовало, что имеют место серьезные недостатки в содержании и трудовом использовании на предприятиях наркомата бумажной промышленности мобилизованных немцев. «На заводе 1 и 5 (Плесецкий и Няндомский районы – Н.В.) картотека на мобилизованных не создана, режим содержания не установлен. Свыше 50 немок живут на частных квартирах наравне с вольнонаемными. Общежития в антисанитарном состоянии. Сушилок для одежды нет. Обеденный зал в столовой № 1 содержится грязно. Из-за отсутствия весов порционные блюда определяются «на глаз», что вызывает недовольство мобилизованных. Физическое состояние явно неудовлетворительное. Имеется значительное количество истощенных, так как многие немки продают часть своего рациона и борьбы с такого рода фактами не ведется. В результате большинство мобилизованных истощены и производственные нормы не выполняют. Трудовая дисциплина систематически нарушается. 3 января 1944 года имели место 23 случая прогулов. В феврале 1944 года имел место случай отказа от выхода на работу у одной бригады мобилизованных. Причина – отсутствие у немок теплой одежды и обуви. На заводе № 5 после такой проверки в декабре 1943 года, в феврале вторичная проверка показала, что существенных изменений в содержании не произошло... Свыше трети состава болеет алиментарной дистрофией, что свидетельствует о неудовлетворительном питании и истощении. Только за январь 1944 года амбулаторные освобождения составили 18 05 человекодней»⁷, НКВД просит принять меры и уведомить о результатах. Наглядно демонстрируется невнимание наркомата к состоянию рабочей силы, поскольку руководство знает, для выполнения государственных задач в условиях войны эту силу подвезут в нужном количестве бесперебойно.

В ответ заместитель наркома целлюлозно-бумажной промышленности СССР С. Смирнов пишет, что «мобилизованные немки питаются наравне с другими рабочими по нормам особого списка. На улучшение питания поэтому рассчитывать нельзя. Всем работающим на лесных биржах выдана теплая одежда и обувь. ...Со своей стороны прошу Вас через местные органы НКВД помочь в борьбе с продажей немками своих пайков и, что имеет место, в частности на Соликамском к-те, и укреплению трудовой дисциплины среди них» (6, Ф. 9479. Оп. 1. Д. 147. Л. 300). В письме не вскрываются причины того, почему идет продажа хлебного пайка. Красноречива резолюция на документе: «чтобы не было продажи пайков, нужно кормить их в отдельных столовых с выдачей во время обеда положенной нормы хлеба. Нарушителей труддисциплины пусть судят». Дата 18 марта 1944 года.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп.1. Д. 147. Л. 276, 276 об.

Одной из тысяч таких женщин была Роза Валентиновна Пфлюг. Она была отправлена в мае 1943 года на строительство Архангельского ЦБК. В фондах Павлодарского областного музея литературы и искусства (Казахстан) хранится редкий документ: архивная справка от 25 декабря 1970 года), в которой подтверждается, что Р.В. Пфлюг проработала на комбинате до 29 июля 1950 года⁸. О чувствах, которые владели молодой девушкой (а было ей на момент отправки в трудовую армию 22 года, она уже закончила педагогический техникум в Марксе и работала учителем немецкого языка), она отразила в стихотворении “Alltag in der Trudarmee oder die dritt Barack”. Впервые оно было опубликовано в газете “Neues Leben” 8 мая 1991 года. Семь лет провела в трудовой армии Роза Пфлюг. Вернулась на поселение в Казахстан в 1950 году. Через пять лет после окончания войны...

Огромная армия мобилизованных выходила из-под контроля органов НКВД, это приводило к дезертирству, с одной стороны, и к использованию мобилизованных руководителями предприятий как бесплатной рабочей силы, в том числе и «для личных нужд – на строительстве собственных домов, личных огородах, в качестве домашних работниц»⁹. В конце 1943 года мобилизованные получили некоторое облегчение режима. В тексте новой инструкции было записано, что за хорошие производственные показатели начальник колонны имел право ходатайствовать о предоставлении кратковременного отпуска к семье на срок до 20 суток и вызов семьи и проживание на частной квартире вне зоны, а также предоставление отпуска к семье до 20 суток¹⁰. Это невиданное прежде послабление должно было поднять производственное рвение немцев и уменьшало жилищную проблему и дезертирство, но не могло существенно поправить положение. Смерти от голода продолжались и в 1944, и в 1945 году. В сводках о движении мобилизованных за июнь и июль 1944 года, которые шли под грифом «секретно» (как и всякая переписка НКВД с лагерями), начальник управления лагерей Архангельской области прямо указывал причины смертей 12 женщин – элементарная дистрофия, причем все они находились в больнице от 1 до 3 месяцев¹¹.

В августе 1944 года была издана специальная «Инструкция по организации режима, быта и трудового использования мобилизованных немцев в лагерях и на строительствах НКВД СССР», в которой наряду с ослаблением охраны внутри зоны (ограждение – «в виде забора, штакета или колючей проволоки» – оставалось), организацией элементарных условий жизни, появился новый раздел «Демобилизация». Он был вызван ослаблением напряжения на фронте, а главное, ухудшением физического состояния женщин, которые не могли выполнять норм и становились балластом в лагерях, заполняя лазареты.

На 1 июля 1945 года в Архангельской области было 1 761 спецпереселенцев-мобилизованных немцев¹². В 1946 году около 850 женщин перевели в разряд спецпоселенцев и поселили из лагерных бараков в общежития поселка¹³.

⁸ Возрождение-Ленц: павлодарское областное сообщество немцев «Возрождение». URL : <http://www.wiedergeburt-pavlodar.kz/index.php?str> (дата обращения 06.01.2016).

⁹ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин». ... С. 162.

¹⁰ Там же. С. 166.

¹¹ Там же. С. 235.

¹² Там же. С. 100.

Об одной из страниц своей жизни женщины повествуют особенно неохотно. Они были молоды и достойны любви. Но встречали только ненависть и прямое посягательство на честь со стороны охраны. Немногие воспоминания о встречах с мужчинами, окрашенные красками жалости, добра и, кто знает, любви, спасли не одну жизнь женщины, но это было большой редкостью. А со стороны мастера или бригадира было опасно и проявить человеческое чувство к такой женщине¹⁴.

В 1944 году, несмотря на то, что условия содержания смягчились, женщины не имели права покидать лагерь и заводить знакомства с мужчинами-немцами соседнего лагеря. Здесь не нужны были лишние дети. До 1948 г. создание таких семей считалось криминалом. Из-за отсутствия документов их браки не регистрировались, а в свидетельствах о рождении в графах отцов ставили прочерк. Именно девушки, попавшие в трудармию в 15–18 лет, пострадали не только физически, но и нравственно. Трудармия украла у них молодость и надежду на семейное счастье. Шансы выйти замуж за немца были ничтожны, выходили за русских, да и этот шаг давался нелегко, если мужем становился вчерашний фронтовик, «бывший фрицев» на фронте!

На современном сайте¹⁵, посвященном истории Архангельского ЦБК, читаем сухие строки: 1946 год. Постановлением ВЦСПС и Министерства целлюлозно-бумажной промышленности за отличную работу в период Великой Отечественной войны Архангельскому ЦБК передано на вечное хранение Красное Знамя Наркомбумпрома. И ни слова о тех, кто «отлично» работал.

Список использованной литературы и электронных источников

1. Вашкау, Н.Э. Сарепта. Страницы истории российских немцев [Текст]. – Волгоград, 2006.
2. Возрождение-Ленц: павлодарское областное сообщество немцев «Возрождение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.wiedergeburt-pavlodar.kz/index.php?str> (дата обращения: 06.01.2016).
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 147. Л. 276, 276 об.
4. Депортация народов СССР (1930–1940-е годы) [Текст]. – Ч. 2: Депортация немцев. – М., 1995.
5. История комбината [Электронный ресурс] // Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат. – Режим доступа : <http://www.appm.ru/company/history/> (дата обращения: 14.03.2016).
6. История российских немцев в документах [Текст] / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М., 1993.
7. Мельник, Т.Ф. Архангельская область в 1940-е годы, как регион по использованию принудительного труда поляков, эстонцев, карело-финнов, немцев [Текст] // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : мат. 3-й Междунар. науч.-практ. конф, Саратов, 26–28 августа 2011 г. – Саратов, 2011. – С. 562–582.
8. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин» [Текст] : сб. док. (1940-е годы) / сост. Н.Ф. Бугай. – 2-е изд. – М. : Готика, 2000. – С. 23.

¹³ Мельник Т.Ф. Архангельская область в 1940-е годы как регион по использованию принудительного труда поляков, эстонцев, карело-финнов, немцев // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : мат. 3-й Междунар. науч.-практ. конф, Саратов, 26–28 августа 2011 г. Саратов, 2011. С. 562–582. С. 579.

¹⁴ Вашкау Н.Э. Сарепта. Страницы истории российских немцев. Волгоград. 2006.

¹⁵ История комбината // Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат. URL : <http://www.appm.ru/company/history/> (дата обращения: 14.03.2016).

С.А. Васильева

ОБРАЗ «ГОРНИЛА СТРАДАНИЙ» КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА МЕНТАЛЬНОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ США В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена изучению влияния деятельности американских тюремных капелланов протестантского вероисповедания на складывание «теологии тюрьмы», характерной для верующих, находящихся в заключении. Автор в качестве примера рассматривает наследие первого священника Нью-Йоркской тюрьмы Ньюгейт преподобного Стэнфорда. Отдельное внимание уделяется понятию «истории повседневности».

ментальные образы, стереотипы, Джон Стэнфорд, американский баптизм, проповедническая деятельность, тюремные капелланы.

Изучение ментальных образов и установок, стремительно набирающее популярность, обогатило инструментарий целого ряда гуманитарных наук новыми методами и перспективами. Социальная история как особое направление историографии получила колоритный окрас в качестве «истории ментальностей» или «истории повседневности». В данной работе предлагается рассмотреть влияние проповеднической деятельности первых американских тюремных капелланов протестантского вероисповедания на складывание своеобразной «теологии тюрьмы», характерной для верующих, находящихся в заключении, на примере наследия первого священника Нью-Йоркской тюрьмы Ньюгейт преподобного Стэнфорда.

Джон Стэнфорд был родом из Англии, где воспитывался в строгой англиканской семье. Обращаясь в мемуарах к юношеским годам, Стэнфорд вспоминал, как выработал для себя кредо – служение беднякам и «отверженным». Следование этой цели приводит его в баптизм, чья теология, по его признанию, помогала ему справляться с «острой неудовлетворенностью ситуацией». В 1781 году Джон Стэнфорд был крещен и рукоположен, а уже в 1786 году отплыл в Америку, где в Нью-Йорке постепенно собрал вокруг себя небольшую паству. В 1807 году Стэнфорд впервые посетил центральную государственную тюрьму штата Нью-Йорк – Ньюгейт. С 1812 года преподобный Стэнфорд нес служение в Ньюгейте как первый американский тюремный капеллан¹.

Американский баптизм начала XIX века имел несущественные отличия от кальвинистской ортодоксии, представленной в Вестминстерском исповедании. В частности, баптисты разделяли доктрину о полнейшей греховности человечества и необходимости посредничества Христа в искуплении своих грехов: Бог создал человека без греха, но грехопадение первых людей привело к грешности каждого. Согласно теологическим выкладкам баптистов, Бог потребовал расплаты за этот грех, и Иисус принял наказание, чем «удовлетворил Божью справедливость». Создавая «религию тюрьмы» для своей новой паствы, Стэнфорд исходил из этой теологической предпосылки, и тезис «восстановления справедливости божественной и земной» становится краеугольным камнем его проповедничества.

¹ Sommers Ch.G. Memoir of the Rev. John Stanford, D.D., Late Chaplain to the Humane and Criminal Institutions in the City of New-York. N. Y. : Swords : Stanford & Co., 1835. P. 39, 43.

По утверждению американского исследователя Дж. Грабер, Стенфорд заложил основу «богословия искупительных страданий» в американских государственных тюрьмах ².

Для своей первой проповеди арестантам Ньюгейта преподобный Стенфорд выбрал библейское изречение: «Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания» (Исаия: 48:10). Следуя баптистской концепции божественного предопределения, капеллан наставлял узников: в тюрьму человека приводит непостижимый ход Божественных замыслов, в том числе ниспослание страдания, необходимого для искупления греха. Он настаивал: преступнику-грешнику положены физические и моральные испытания, к которым их приговаривает земной закон в лице государства, и какими бы унижительными и ужасными ни были эти мучения, они необходимы как часть очищения.

Таким образом, баптистский теолог, признавая «верховенство Христа» в предопределении наказания, задавался вопросом: насколько светская власть уполномочена вмешиваться в вопросы «Христовой воздаяния». Ведь если церковь может терпеливо «уповать на Христа» и позволить себе ожидать Божественного проведения, то государство более ограничено в выборе места и времени восстановления земной справедливости, оно вынуждено «незамедлительно» выполнять возложенную Богом обязанность защищать добро и наказывать зло. В развитии кальвинистских представлений о назначении государства в «реализации» божественной справедливости баптистские проповедники признавали за гражданской властью право насилия как воплощение Божьего возмездия за грехи. Нравственный закон, как известно ниспосланный Богом в форме десяти заповедей, послужил правилом для жизни верующего. В то же время Бог «уполномочил власть в лице государства» использовать силу «для наказания злодеев», нарушивших Завет ³.

В своих проповедях преподобный Стенфорд, с одной стороны, признавал за государством право на насилие, с другой – последовательно проводил мысль о том, что гражданской власти недостаточно для воплощения божественной и земной справедливости. Разделяя наследие Джонатана Эдвардса и более поздних пуританских богословов, убежденных, что Бог «готовит вечную жизнь одним и вечное проклятие другим», баптисты считали, что Бог предопределил им использовать проповеди, молитвы и советы в качестве инструментов эффективного призвания людей к спасению, с одной стороны, и внушению грешникам ужаса перед Богом – с другой ⁴. В этой связи прерогатива государства – обеспечить условия отбывания наказания, а задача служителя слова Божьего – провести осужденного грешника «через очищения в горниле страданий». При этом заключенные могут испытывать страшные муки моральных страданий, но тюремный капеллан наставляет их к смирению и покаянию. Стэнфорд призывал заключенных соблюдать тюремные правила в подтверждение готовности

² Graber J. The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America. The University of North Carolina Press, 2011. P. 58.

³ Sommers Ch.G. Memoir of the Rev. P. 76.

⁴ Wheeler R. “Friends to Your Souls”: Jonathan Edwards’ Indian Pastorate and the Doctrine of Original Sin // Church History: Studies in Christianity and Culture. 2003. No. 4 (72). Dec. P. 746.

принять наказание как Божественное возмездие за совершенные грехи. В своем трактате о тюрьмах он подытожил такой подход соответствующей цитатой из Иова: «Он не поддерживает нечестивых и воздаст должное угнетенным... Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия, то Он указывает им на дела их и на беззакония их, потому что умножились, и открывает их ухо для вразумления и говорит им, чтоб они отстали от нечестия. Если послушают и будут служить Ему, то проведут дни свои в благополучии и лета свои в радости; если же не послушают, то погибнут от стрелы и умрут в неразумии» (Иов 36:6–13). В доказательство того, что преступник-узник может быть также одарен Божьим милосердием, как и любой добропорядочный христианин, Стэнфорд приводит многочисленные подтверждения присутствия Бога в мгновения страха и унижения: «...сидящие во тьме и мраке, окованные страданием и железом... И подавил Он страданием сердце их, – споткнулись они, и некому помочь... И воззвали они к Господу в бедствии своем, и от нужды их Он избавил их» (Псалом 107). Божественное присутствие, таким образом, не исключается из сущности страданий уголовного наказания, наложенного авторитетом государства, скорее, Бог использует государственную власть как способ добраться до нарушителя Завета.

Таким образом, теология тюрьмы, сложившаяся в практике баптистского тюремного служения в начале XIX века, призывала воспринимать заключение не как страдание и унижение, а как страдание и очищение. Одновременно с теоретико-теологическим оформлением «религии тюрьмы», преподобный Стэнфорд развернул энергичную миссионерскую деятельность. Используя амвон в качестве основной платформы для возбуждения трепета и страха у своей паствы, капеллан Ньюгейта сочетал коллективные назидания и индивидуальные беседы на тему искупления, издавал и распространял среди арестантов специальные листки-проповеди. Богу нужны толкователи его воли, считал Стэнфорд, а в тюрьме они нужнее, чем где бы то ни было. Основная мысль его посланий – заключенные претерпевают различные мучения и унижения, которые показывают им глубину их греха и необходимость Божественной благодати, а процесс тюремных страданий – это часть искупления. С середины XIX века должность капеллана – неотъемлемая единица тюремного штата наряду с директором и врачом. Это воинство служителей слова Божьего неустанно трудилось над тем, чтобы пенитенциарная система возвращала в общество духовно перерожденных граждан, как горнило доменной печи через жар адского пламени превращает обычные вещи в драгоценные металлы.

Список использованной литературы

1. Sommers, Ch.G. Memoir of the Rev. John Stanford, D.D., Late Chaplain to the Humane and Criminal Institutions in the City of New-York [Text]. – N. Y. : Swords : Stanford & Co., 1835. – P. 39, 43.
2. Graber, J. The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America [Text]. – The University of North Carolina Press, 2011.
3. Wheeler, R. “Friends to Your Souls”: Jonathan Edwards’ Indian Pastorate and the Doctrine of Original Sin [Text] // Church History: Studies in Christianity and Culture. – 2003. – No. 4 (72). – Dec.

Н.Н. Крючков, Ю.С. Бунина

ОБРАЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНО

Статья посвящена феномену идеализации дореволюционной России в современном кинематографе как одном из проявлений исторической памяти. Анализ визуальных образов из фильмов «Сибирский цирюльник» и «Елки 1914» позволяет выделить основные стереотипы, характерные для этого явления.

дореволюционная Россия, историческая память, идеализация прошлого, визуальный образ, киноштампы.

В 2016 году современной России исполняется четверть века. Возникнув на месте бывшего социалистического государства, Советского Союза, новое государственное образование – Российская Федерация – столкнулось с духовным кризисом, вызванным резким разрывом с коммунистическим наследием. Отрицание недавнего прошлого качнуло маятник народной любви к давнему и началась стихийная идеализация «России без большевиков», «России, которую мы потеряли».

Великолепный документально-публицистический фильм Станислава Говорухина породил устойчивое выражение, отражающее ностальгию по чему-то прекрасному, великому, безвозвратно ушедшему. Похожими событиями-символами, фактически установившими хронологические границы эпохи тоски по царской России, приблизительно в это же время становятся песни «Россия» Игоря Талькова (1989) и «Как упоительны в России вечера» (1998) группы «Белый орел». Впрочем, обилие штампов и несуразицы в последней песне вызвало обратную реакцию: с некоторых пор в нашей стране адепты идеи «Великой потерянной России» стали снисходительно именоваться «любителями французской булки». Как пишет один автор: «Французская булка – неперенный атрибут настоящего упоительного вечера, – непременно должна хрустеть. Ею хрустят не все, а только избранные аристократы, которые понимают различие между обычной русской булкой и элитной – французской». Тем не менее, фильмы, идеализирующие дореволюционные порядки, дореволюционный жизненный уклад, особый менталитет, особую духовность, как художественные, так и документальные продолжают появляться и поныне.

Вышедший в 1998 году фильм Н.С. Михалкова «Сибирский цирюльник» («Сибирский цирюльник» (Le barbier de Sibérie / Lazebník sibiřský / Il barbiere di Siberia), Россия–Франция–Италия–Чехия, 1998 г.) стал знаковым явлением в истории российского кинематографа. Удостоенный Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства, фильм однако не получил наград на зарубежных фестивалях. Вместе с тем, в фильме довольно отчетливо прослеживается желание автора показать иностранцам загадочную русскую душу и продемонстрировать красоту дореволюционной России. Не случайно действие происходит в эпоху Александра III: время «успокоения» России и последнее мирное царствование, а повествование ведется от лица иностранки: «Вообще в этой удивительной стране все крайности. Полуголые мужики на льду реки лупят друг

друга до полусмерти, а потом просят друг у друга прощения. На войну с песнями, под венец в слезах. И все всерьез! Все до конца!».

Сюжет фильма кажется достаточно неожиданным: американский изобретатель Дуглас МакКрекен мечтает выгодно продать свою машину для лесозаготовок российской армии. Понимая важность неофициальных «связей», предприимчивый американец использует авантюристку Джейн Кэлэген, которая должна очаровать высокопоставленных чиновников и военных, в частности генерала фон Радлова. Но первым русским, познакомившимся с Джейн, случайно оказывается юнкер Императорского военного училища Андрей Толстой. Возникает любовный треугольник: в роковую красавицу влюбляются и юнкер, и пожилой генерал. Финал истории трагичен: ревность и юношеский максимализм заставляют Толстого совершить поступки, за которые он попадает на каторгу в Сибирь. Влюбленные разлучены: к Андрею Толстому в Сибирь приезжает горничная Дуняша, на которой тот женится; Джейн выходит замуж за изобретателя МакКрекена. Вторая сюжетная линия связана с сыном Толстого и Джейн: став кадетом военного лагеря он подвергается нападкам со стороны малообразованного сержанта О'Лири по кличке «Бешеный Пес». Отказ произнести оскорбительную фразу в адрес великого композитора приводит к противостоянию сержанта и курсанта. Однако, юный кадет заслуживает уважение сержанта своей стойкостью: тот даже интересуется творчеством композитора. «Вам нравится Моцарт? – Нравится? Я обожаю его! Его все обожают! Моцарт – великий композитор!..» В конце фильма тот произносит фразу, ставшую слоганом картины: «Он русский. Это многое объясняет». Впрочем, следующая фраза сержанта: «... и, наверное, Моцарт тоже русский?» – несколько изменяет пафос фразы предыдущей.

«Гордости отечества нашего – русским офицерам – посвящается этот фильм»: таково авторское посвящение-заклęcie. Однако русские офицеры, представленные в фильме, оставляют очень противоречивое впечатление. Безусловно, все они внешне привлекательны, говорят по-английски, совершают благородные поступки, очаровывают барышень. Вместе с тем, один из эпизодов показывает их удаль и находчивость в ином свете, и далеко не с лучшей стороны. Чтобы потанцевать с девушками на балу друзья натирают паркет скользкой мастикой, в итоге их товарищи оказываются в дурацком положении, а герои, вдоволь потанцевав с институтками, начинают весьма вольно обсуждать интимные подробности своих приключений. То, что юнкер Толстой вступает за свою даму сердца, казалось бы, должно вызвать у зрителя трепет, равно как и последующая дуэль (исход которой заведомо предreshен, поскольку его противник лучше владеет шпагой). Единственным по-настоящему благородным человеком кажется капитан Мокин, воспитатель юнкеров, совершивший должностное преступление и прикрывший грехи своих подопечных. С другой стороны, товарищи пострадавшего навещают его в больнице, пытаются спасти от наказания, а после со слезами провожают его на каторгу. «Великолепен» и типично «русский» генерал Николай Карлович фон Радлов: сцена его запоя на масленичных гуляньях, где он употребляет водку стаканами, закусывая самими стаканами, а после громит весь ярмарочный балаган. В фильме очень хорошо показана сущность русского человека, живущего полной жизнью и балансирующего на грани фола.

Не менее впечатляюще выглядит и ужас наших соотечественников, увидевших машину – пресловутого «Сибирского цирюльника» – в действии.

Как писал в своей рецензии К.Э. Разлогов: «Первое впечатление от “Сибирского цирюльника” – внутренний конфликт между буйством творческого темперамента (в первую очередь режиссера-постановщика) и заданностью конструкции. Противопоставление “мы” и “они”, Запад и Россия объясняет почти все сюжетные коллизии и ходы, но не отражает ни настроение отдельных эпизодов, ни итоговые ощущения от фильма в целом. Кажется, что рациональное и эмоциональное начала, филигранно отработанные сами по себе, существуют и развиваются независимо друг от друга <...> Автор-режиссер поставил перед собой недостижимую цель – добиться всемирного успеха национального фильма и невыполнимую задачу – объяснить Западу Россию. Для этого он мобилизовал все доступные материальные и творческие ресурсы и сделал зрелищную мелодраму: первую половину фильма зритель смеется до слез, вторую – рыдает с печальной улыбкой. Чрезвычайно показателен в этом плане сдвоенный финал. Массовая культура требует хэппи энда, российская – грустного конца. Фильм сочетает оба варианта: любовная история завершается расставанием, сибирской ссылкой героя, отказом героини от встречи с возлюбленным, возвращенным России-матушке (Дуняше)... и в конце концов эпизодом с американским сыном русского отца, символизирующим силу русского духа, который переламывает Америку (то есть сержанта), заставляя признать бессмертие Моцарта»¹.

Вышедшая в прокат в конце 2014 года новогодняя комедия «Елки 1914» («Елки 1914», реж. Тимур Бекмамбетов, Дмитрий Киселев, Александр Котт, Юрий Быков, Александр Карпиловский, Екатерина Телегина, Андрей Кавун, Заур Засеев, Россия, 2014 г.) продолжила традиции серии одноименных фильмов: картина состоит из новелл, события в которых происходят в разных уголках России. На этот раз их шесть, и они переносят зрителей в деревни и города, в усадьбы и крестьянские лачуги, на фронт Первой мировой войны и на роскошные балы. Главная задача автора показать, что сто лет назад, так же как и сегодня, люди хотели праздника, ждали его и надеялись на чудо. Впрочем, в 2014 году в нашей стране на государственном уровне отметили столетие с начала Первой мировой войны, а создатели картины решили связать сюжет кинокомедии с Рождеством 1914 года

Известные актеры легко и ненавязчиво рассказывают о том, что даже в далеком 1914 году Нового года (а точнее Рождества. – *Прим. авт.*) ждали абсолютно все: скромные крестьяне, наряженные дворяне, дисциплинированные жандармы, летчики, медсестры, футуристы, фигуристы и вообще все люди, которые верят в самое настоящее чудо. Одним словом, герои те же, но в ретродекорациях.

Сюжетом центральной новеллы является спасение всеми «неравнодушными россиянами» рождественских елок от произвола ретивых законодателей из Государственной думы, принявших законопроект о запрете на праздник, позимствованный у врагов. Только государь император может спасти праздник,

¹ Разлогов К. ...Иль перечти «Женитьбу Фигаро». «Сибирский цирюльник», режиссер Никита Михалков // Искусство кино. 1999. № 6, июнь.

услышав глас народа: и Николай II не разочаровывает своих подданных. Впрочем, наши соотечественники вообще не испытывают никакой признательности к тому, кто реально вернул им любимую елку.

Другие новеллы также напоминают рождественские сказки: великий Федор Шаляпин помогает собрать деньги на лекарство для больной матери; дрессировщик-самоучка спасает своего медведя от барина-охотника; покупатель дома щадит и не выселяет в канун Рождества многочисленную родню незадачливого бизнесмена и т.д. Впрочем, жанр доброй сказки для взрослых и детей имеет свои плюсы: претензии к исторической недостоверности и многочисленным киноляпам автоматически пропадают. Благолепная картинка и хэппи-энд полностью удовлетворила российского зрителя: картина удачно «вписалась» в новогодние праздники. Тем не менее, просмотр фильма оставляет открытым вопрос, что будет с героями этой комедии через несколько лет, когда «благополучная», «старая добрая» Россия канет в Лету, а по стране Молохом прокатится сначала революция, а потом гражданская война. Однако, нужна ли современным россиянам правда?

Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной социальной памяти. Это память об историческом прошлом, точнее его символическая репрезентация. Благодаря ей не только передается социальный опыт, но происходит самоидентификация индивида, социальной групп, общества в целом. Составляющие ее образы событий (представленные стереотипами, символами, мифами и т.п.) позволяют человеку ориентироваться в мире и конкретных ситуациях. Необходимо особо подчеркнуть связь исторической памяти с осмыслением исторического опыта, как реального, так и воображаемого. А это в свою очередь позволяет использовать ее для разнообразных политических манипуляций. Здесь приходит на ум циничное высказывание: «не важно, что было, важно *что* и *как* помнят...».

Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях. Историческая память рассматривается как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно – как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Историческая память не только социально дифференцирована, она изменчива. Эта постоянно обновляемая структура – идеальная реальность, которая является столь же подлинной и значимой, как реальность событийная ².

² История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М. : Кругъ, 2006. С. 23–24.

Собственно, и историческое знание, и социальная память выполняют ориентирующую функцию (в т.ч. и в морально-этическом плане), и при этом одной из функций исторического знания является организация социальной памяти, социального сознания и социальных практик.

Список использованной литературы и кинофильмов

1. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени [Текст] / под ред. Л.П. Репиной. – М. : Кругъ, 2006. – 768 с.
2. Разлогов, К. ...Иль перечти «Женитьбу Фигаро». «Сибирский цирюльник», режиссер Никита Михалков» [Текст] // Искусство кино. – 1999.– № 6, июнь.
3. Ёлки 1914 [Кинофильм] / реж. Т. Бекмамбетов. – Россия, 2014.
4. Сибирский цирюльник [Кинофильм] = Le barbier de Sibérie = Lazebník sibiřský = Il barbiere di Siberia / реж. Н. Михалков. – Россия ; Франция ; Италия ; Чехия, 1998.

Н.Н. Крючков, А.Г. Астраханцева

ОБРАЗ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В КИНЕМАТОГРАФЕ

В данной работе предпринята попытка подвергнуть анализу художественный образ Екатерины Великой в истории российского и зарубежного кинематографа.

Екатерина II, кинематограф, визуальная репрезентация, современность, историческая память.

Екатерина Великая появлялась в кино очень много раз. Ее играли великие и знаменитые актрисы с разной степенью достоверности, далеко не всегда похожие на оригинал. И версии ее прихода на трон тоже были рассказаны с разной степенью отдаленности от исторических событий. Екатерина плохо знакома зрителю своими делами, но хорошо известна, как любвеобильная женщина, неравнодушная к красивым мужчинам и бравым военным. Была ли реальная Екатерина красавицей? Молодость украшает почти всех, а в возрасте ее украшали императорская стать и ум. В кино же на ее роль чаще приглашали красивых актрис, хотя красавицей она не была. Привычным стали два ее визуальных образа – молодой принцессы в период борьбы за власть и любовных интриг. И второй – дамы в возрасте, уже умудренной правительницы.

Одним из первых образ великой русской императрицы запечатлел голливудский режиссер Джозеф фон Штернберг в псевдоисторическом фильме «Распутная императрица» («Распутная императрица» (The Scarlet Empress) США, 1934 г.). Его картина не претендует на биографическую, события из жизни Екатерины II трактованы весьма вольно. Граф Алексей Разумовский (Джон Лодж) привозит в Россию невесту наследника престола Петра – немецкую принцессу Софию Августу Фредерику (Марлен Дитрих), ставшую в православии Екатериной. Девушке не нравится солдафон Петр (Сэм Джаффе), и она ищет утешения в объятиях Алексея, который направил свой взор на Елизавету (Луиза Дрессер). Роль императрицы на

экране воплотила одна из самых блистательных женщин XX века, актриса, певица Марлен Дитрих, которая не раз признавалась, что сама влюблена в Россию.

Принципиально другим является комедийное восприятие императрицы. Так, в 1968 году в Великобритании вышел фильм «Екатерина Великая» Гордона Флеминга, основанный на юмористической пьесе Бернарда Шоу («Екатерина Великая» (Great Catherine), Великобритания, 1968 г.). Этот автор любил описывать исторических персонажей с большой долей иронии и сарказма. В экранизации ирландского классика Екатерина II хоть и представлена в неприглядном свете, но наделена великолепным чувством юмора. По сюжету императрица (Жанна Моро) положила глаз на приехавшего в Россию британского офицера Чарльза Эдгестона (Питер О'Тул). Поняв это, капитан старательно избегает с ней встречи.

Эти два довольно старых фильма достаточно неплохо отражают главные стереотипы о Екатерине Великой в западном кинематографе, сложившиеся на настоящий момент. История о том, как бедная немецкая принцесса – добрая, красивая и трудолюбивая – становится властительницей огромной и сказочно богатой страны – напоминает любимую европейцами сказку про Золушку. Второй стереотипный образ – «коронованной распутницы» – гораздо менее привлекателен, но имеет логическое объяснение. Собственно западный зритель не может восхищаться Екатериной-правительницей по двум причинам. Во-первых, политические успехи России во второй половине XVIII столетия составляют предмет гордости только для нашей страны: для жителей других стран отношение к ним может быть и является прямо противоположным. Во-вторых, «просвещенная императрица», – корреспондент Вольтера и других властителей дум той эпохи – является несколько более сложным для воплощения на экране образом, чем властолюбивая и сластолюбивая женщина. Тем более, что дурная слава императрицы раздувалась уже при ее жизни, став одним из «козырей» антироссийской пропаганды.

Изначально другое, но отнюдь непростое отношение к образу Екатерины Великой сложилось в нашей стране. С одной стороны, после 1917 года императрица представлялась как безжалостный душитель свободы, защитник интересов крепостников, беспринципная лицемерка. С другой стороны, имперское величие России, мощь армии и флота в нашей стране прочно ассоциируется с правлением Екатерины II. Не случайно в фильме «Адмирал Ушаков» (1953) Михаила Ромма («Адмирал Ушаков», СССР, 1953 г.) императрица (Ольга Жизнева) может не только «наградить» Фёдора Ушакова (Иван Переверзев) эпитетом «медведь» за незнание французского, но и по достоинству оценить его службу.

Постепенно появляются новые образы Екатерины Великой. «Домашний» образ великой императрицы, который создал еще Пушкин в повести «Капитанская дочка», в 1978 году воплотила на экране Наталья Гундарева («Капитанская дочка», реж. Павел Резников, СССР, 1978 г.). После разгрома пугачевского бунта Петрушу Гринева (Александр Абдулов) арестовывают за государственную измену, но отчаянное ходатайство Маши (Елена Проклова) перед Екатериной II в последнюю минуту спасает жениху жизнь. О том, что императрица в женщине не может простить «бунтовщика» Гринева, но женщина в императрице может и прощает, снял телеспектакль советский режиссер Павел Резников.

Одним из самых ярких воплощений самодержицы на экране можно считать роль Светланы Крючковой в фильме Виталия Мельникова «Царская охота» («Царская охота», реж. Виталий Мельников, СССР, 1990 г.). Сюжетом к киноленте послужила небезызвестная история о внебрачной дочери Елизаветы Петровны – княжне Таракановой. В картине Виталия Мельникова нет ни одного положительного персонажа. И Екатерина (Светлана Крючкова), и граф Алексей Орлов (Николай Еременко), и Тараканова (Анна Самохина) преследуют исключительно свои цели, они лживы, лицемерны и жестоки.

Приключенческая трилогия Светланы Дружининой «Гардемарины» стала значимым явлением в отечественном кинематографе рубежа 1980–1990-х годов («Виват, гардемарины!», реж. Светлана Дружинина, СССР, 1991 г.); («Гардемарины – III», реж. Светлана Дружинина, Россия–Германия, 1991 г.). Во второй части этой киноэпопеи появляется юная немецкая принцесса Фике, в роли которой выступила певица Кристина Орбакайте. Выбор актрисы многим казался непонятен, хотя бы потому, что самодержица была низкорослой брюнеткой, а Орбакайте – высокая блондинка. Впрочем, дебют оказался удачен. В заключительной на сегодняшний день части «Гардемаринов» уже в качестве супруги престолонаследника она участвует в шпионских играх: собирается передать прусской королеве сведения о русской армии. Впрочем, проявляя коварство и изворотливость, будущая императрица демонстрирует и собственное видение будущего России: «...России нужен мир с Фридрихом... <...> Политика Бестужева одряхлела, как и наша бедная императрица».

Специфическим продуктом массовой культуры является телевизионный сериал, целью которого является привлечение и удержание у экрана телезрителя. Мини-сериал Майкла Андерсона, вышедший на экраны в 1991 году, «Молодая Екатерина», очевидно, послужил образцом для подобных работ в нашей стране («Молодая Екатерина» (Young Catherine), реж. Майкл Андерсон, США, 1991 г.). Молодая Джулия Ормонд талантливо воплотила на экране образ юной европейской принцессы, попавшей в далекую и загадочную Россию. Жанр костюмированной драмы предлагал зрителю не только насладиться роскошью и величием «Северной Пальмиры», но и заставить зрителя сопереживать жертве коварных интриг. Можно предположить, что английский мини-сериал повлиял на отечественные новинки – сериалы «Екатерина» и «Великая» («Екатерина», реж. Александр Баранов, Рамиль Сабитов, Россия, 2014 г.); («Великая», реж. Игорь Зайцев, Россия, 2015 г.). Даже аннотация к отечественному сериалу выглядит как вольный перевод английского оригинала: «Девушка, мечтающая о сказке, отправилась в далекую загадочную Россию за большой любовью и счастьем. Однако здесь ей суждено столкнуться с заговорами придворных и шпионов, безжалостными дворцовыми интригами, жестоким расчетом императрицы и безразличием будущего супруга. Ей, а потом и ее детям грозит смертельная опасность. Чтобы отстоять свою мечту о любви, Екатерине придется избавиться от власти людей, которые пытаются уничтожить ее. Жребий брошен. Екатерина начинает борьбу за трон. Но будет ли она счастлива?»

Конечно, пробежали годы, у кино появились новые возможности, компьютерная графика проникла уже и в сериалы. Северная столица на картинках приобретает кукольно-милый вид, в городе всегда чисто и хорошая погода. Зимний дворец, который нарисован на картинках, на самом деле в эти времена только строился. Елизавета не дожидаясь окончания строительства, стройку принимал Пётр 6 апреля 1762 года, хотя интерьеры были еще не готовы. Доделывался дворец уже при Екатерине Великой. События происходили в другом, временном Зимнем дворце.

Телесериалы внедряют в массы определенные версии событий и создают образы исторических личностей с определенной смелостью, если не сказать наглостью и бесцеремонностью. Но таковы запросы современного зрителя – хочется красивого, простого и понятного. Так на экране появляются роскошные интерьеры дворцов, хотя реальные дворцы в то время были не слишком комфортными, а повседневная жизнь их обитателей приводила к тому, что их необходимо было ремонтировать и заново отделывать. Зритель хочет видеть прекрасную страдающую принцессу – и на экране появляется очаровательная любящая, но нелюбимая женщина. Сложные дворцовые интриги великолепно укладываются в расхожее клише: «не мы такие – жизнь такая». Но нужна ли современному кинозрителю правда? Скорее всего – нет, ведь иллюзии и стереотипы упрощают жизнь. Да и сами герои, дамы и кавалеры эпохи «галантного века», при ближайшем рассмотрении вызвали бы у наших современников смешанные чувства. Их речь (если говорить о русском языке), манеры (кино их сильно упрощает), да и внешний вид (косметика того времени с ее обилием пудры, помады и мушек) с трудом укладываются в современные представления о норме и красоте. По-видимому, этим обстоятельством можно объяснить многочисленные «киноляпы» – как фактические ошибки, так и анахронизмы – на которые любят обращать внимание наиболее придирчивые критики.

Традиционно автор любого исторического произведения оказывается в довольно сложном положении. С одной стороны, он должен создать фильм, который бы понравился зрителям. С другой – он не вправе игнорировать установленные факты и принятые в исторической науке концепции. Вместе с тем, режиссеры, сценаристы и актеры тоже являются частью общества, поэтому, обратившись к их произведению, мы можем попытаться понять, как менялось отношение общества к своей истории, как менялось само общество.

Список использованных кинофильмов

1. Распутная императрица (The Scarlet Empress) / реж. Дж. фон Штернберг. – США, 1934.
2. Адмирал Ушаков / реж. М. Ромм. – СССР, 1953.
3. Екатерина Великая (Great Catherine) / реж. Г. Флеминг. – Великобритания, 1968.
4. Капитанская дочка / реж. П. Резников. – СССР, 1978.
5. Царская охота / реж. В. Мельников. – СССР, 1990.
6. Молодая Екатерина (Young Catherine) / реж. М. Андерсон. – США, 1991.
7. Виват, гардемаринки! / реж. С. Дружинина. – СССР, 1991.
8. Гардемаринки–III / реж. С. Дружинина. – Россия–Германия, 1991.
9. Екатерина / реж. А. Баранов, Р. Сабитов. – Россия, 2014.
10. Великая // реж. И. Зайцев. – Россия, 2015.

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Ю.В. Ким

ИСЧЕЗНУВШАЯ ЗЕМЛЯ И УШЕДШАЯ ИСТОРИЯ: МОЛОГСКИЙ КРАЙ И МУСИНЫ-ПУШКИНЫ

Статья посвящена истории дворянской усадьбы Мусиных-Пушкиных. В статье автор приводит статистику, на основании которой делает выводы о финансовом состоянии усадьбы в изучаемый период. Большое внимание автор уделяет проблеме исчезнувших, затопленных земель, в число которых входит и названная усадьба.

краеведение, дворянство, провинция, усадебное хозяйство.

Историческое исследование общероссийских тенденций невозможно без обращения к региональной истории, это особенно актуально при изучении дворянской культуры как феномена общественной жизни конца XVIII – начала XX века. Дворянская усадебная культура является неотъемлемой частью российской культуры и культуры российской провинции. К сожалению, регионоведение и краеведение в 1930–1980-х годах зачастую рассматривались как идеологически «вредные» направления, ученые-краеведы подвергались давлению и репрессиям. В период господства марксистско-ленинской идеологии исследователи обращались к вопросам локальной истории и дворянской культуры лишь в контексте социально-экономических исследований, в рамках классового подхода и марксистской парадигмы. С 1990-х, когда дворянская тематика стала мейнстримом, увеличилось количество работ, изучающих дворянство в контексте региональной истории, а принцип междисциплинарности позволил исследовать проблему при помощи социологического, филологического, культурологического и искусствоведческого подходов.

Особенно важно изучение местной истории в случае, когда мы имеем дело с потерянными и погибшими для нас землями, количество которых резко увеличилось в течение XX века в результате антропогенного воздействия. Одна из таких потерь – затопленные земли Молого-Шекснинского междуречья. В сентябре 1935 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о строительстве Рыбинской и Угличской ГЭС, 14 апреля 1941 года началось заполнение водохранилища. Было затоплено 4 550 км²: город Молога с населением около 6 тыс. человек, 745 населенных пунктов, три монастыря, более 50 церквей, бывшие дворянские усадьбы¹. Среди затопленных усадеб оказались и усадьбы Мусиных-Пушкиных – Иловна и Борисоглеб.

Комплекс владений Мусиных-Пушкиных на Мологской земле начал складываться еще в начале XVII века. Родовым именем Иловна становится при родоначальнике графской ветви, Алексее Ивановиче Мусине-Пушкине (1744–1817),

¹ Алексеев Н.М. Русская Атлантида // Молога: Рыбинское водохранилище: История и современность: к 60-летию затопления Молого-Шекснинского междуречья и образования Рыбинского водохранилища : материалы науч. конф. / сост. Н.М. Алексеев. Рыбинск, 2003. С. 5–6 ; Асарин А.Е. Плюсы и минусы рыбинского гидроузла: опыт объективной оценки // Там же. С. 9.

археографе, первооткрывателе «Слова о полку Игореве»². А.И. Мусин-Пушкин проводил в «ярославской деревне», как он называл Иловну, много времени, занимался научными изысканиями, был известен соседям как «до редкостей охотник», отдыхал и занимался делами усадьбы. В августе 1802 года Алексей Иванович писал из Иловны А.Н. Оленину, что занимается «хозяйством, рыбною ловлей и духовными обрядами»³.

Так же, как и Алексей Иванович, его потомки относились к имению (уже разделенному на Иловну и Борисоглеб) как к родовой вотчине, где можно укрыться от роскоши большого света, пожить экономно и поправить, например, финансовые дела. Но лишь при правнуке старого графа появляется новое понимание – родовые владения осознаются частью истории и культуры большого края; Алексей Алексеевич (1870–1942) и его супруга Варвара Васильевна, владельцы Борисоглеба, не жили в усадьбе постоянно, но активно занимались общественной деятельностью на Мологской земле, благотворительностью (были попечителями училищ, начальных и церковно-приходских школ). Граф Мусин-Пушкин, будучи членом Мологского земского уездного собрания, трижды избирался мировым судьей и почетным мировым судьей, в 1908–1916 годах был кандидатом в предводители дворянства Мологского уезда. В 1903–1906 годах супруги Мусины-Пушкины – действительные члены Ярославской губернской ученой архивной комиссии⁴.

Борисоглебское хозяйство эволюционировало в русле общих тенденций экономического развития Мологского уезда. Важную роль в развитии промышленности сыграло строительство Северных железных дорог, начатое в 1859 году. В результате появившейся возможности быстро сбывать продукцию происходит бурное развитие маслодельной промышленности в Вологодской, Череповецкой и Ярославской губерниях. Особенно выделяется Мологский уезд Ярославской губернии, в котором около 50 % заведений – это мельницы, маслобойные и маслодельные заводы⁵. В Борисоглебе в 1903 году производится до 1300 пудов масла («масло сладко-соленое из кипяченых сливок» и «парижское сладкое в формах»), которое продается в Петербурге, масло из имения покупает поставщик императорского двора К.В. Чистяков. Такой успех маслодельческой отрасли достигается благодаря тому, что графу Мусину-Пушкину удалось вывести традиционно развитое в имении скотоводство на высокий уровень. В это время в Борисоглебе насчитывалось 350 дойных коров (в том числе иностранные породы) и 350 голов молодняка. Впечатляют годовые удои, например, у коровы Харьезы они достигают 260 ведер⁶. Для сравнения, среднегодовые удои в Архангельской губернии, где выращивался хороший холмогорский скот, составляли 150 ведер, в экономически благополучных Олонецкой, Вологодской, Санкт-Петербургской, Новгородской, Тверской,

² Ельчанинов М.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1910. Т. 1. С. 58 ; Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994. С. 17.

³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 5–5 об.; Д. 598. Л. 37, 38, 57, 58 ; Письма А.И. Мусина-Пушкина к разным лицам за 1769–1816 гг. // Аксенов А.И. Указ соч. С. 164, 165, 169, 170, 176.

⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 6. Д. 74. Л. 49 ; Памятная книжка Ярославской губернии на 1903 г. Ярославль : Изд. Яросл. Губ. стат. ком., 1903. С. 46, 160 ; 1905 г. С. 49, 140 ; 1906 г. С. 15, 225, 233, 235–238 ; Справочная книга Ярославской губернии на 1908 г. Ярославль : Изд. Яросл. Губ. стат. ком., 1908. С. 45 ; 1909 г. С. 53; 1911 г. С. 100, 103, 105–109 ; 1914 г. С. 55–57 ; 1915 г. С. 57–59 ; 1916 г. С. 49–51.

⁵ Каплан А.А. Северные железные дороги и экономика районов, тяготеющих к ним: материалы к экономическому обследованию. М., 1924. С. 353–354.

⁶ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 9523. Л. 3–4 ; ГАЯО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 186. Л. 2.

Ярославской, Костромской, Вятской, Пермской, Московской и Прибалтийских губерниях – 100 ведер, в остальных губерниях – 60 ведер⁷.

Успехи скотоводства в хозяйстве Мусиных-Пушкиных в начале XX века позволяют сделать вывод, что владельцам имения удалось справиться с пореформенным кризисом, вывести имение в число прибыльных, развить важную и перспективную для региона отрасль хозяйства, занять прочную нишу в складывающихся рыночных отношениях. Один из желающих поработать в имении писал управляющему: «Не могу терпеть, только и думаю каждый день, когда поеду Вам служить»⁸.

Но с 1918 года имения были реквизированы – произошла национализация, а Мусины-Пушкины эмигрировали. И в Иловне, и в Борисоглебе были устроены сельскохозяйственные школы и животноводческий техникум⁹, достижения хозяев позволили новым властям продолжать развитие отрасли. Но затопление района привело к уничтожению кормовой базы животноводства, ценных площадей сенокосов и пастбищ, восполнить которые до сих пор не удается¹⁰.

Трагедия жителей Мологского края стала и большой потерей для потомков, нарушена экосистема, уничтожен целый комплекс архитектурных сооружений, утрачены перспективы социально-экономического развития края, проявившиеся в XIX веке. Изучение уже «потерянных» для нас памятников культуры, исчезнувших земель – это вклад в дело защиты исторического наследия нашей страны.

Список использованных литературы и источников

1. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 6. Д. 74. Л. 49.
2. ГАЯО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 186. Л. 2.
3. ГАЯО. Ф. 714. Оп.1. Д. 186. Л. 12–13 ; Оп. 2. Д. 53–54.
4. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 5–5 об. ; Д. 598. Л. 37, 38, 57, 58.
5. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 9523. Л. 3–4.
6. Аксенов, А.И. С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин [Текст]. – Рыбинск, 1994.
7. Алексеев, Н.М. Русская Атлантида [Текст] // Молога: Рыбинское водохранилище: история и современность: к 60-летию затопления Молого-Шекснинского междуречья и образования Рыбинского водохранилища : материалы науч. конф. / сост. Н.М. Алексеев. – Рыбинск, 2003. – С. 5–6.
8. Асарин, А.Е. Плюсы и минусы рыбинского гидроузла: опыт объективной оценки [Текст] // Молога: Рыбинское водохранилище: история и современность: к 60-летию затопления Молого-Шекснинского междуречья и образования Рыбинского водохранилища : материалы науч. конф. / сост. Н.М. Алексеев. – Рыбинск, 2003. – С. 9.
9. Ельчанинов, М.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства [Текст]. – Ярославль, 1910. – Т. 1. – С. 58.
10. Каплан, А.А. Северные железные дороги и экономика районов, тяготеющих к ним : материалы к экономическому обследованию [Текст]. – М., 1924.
11. Кузьмичев, А. Пойменные богатства, ушедшие под воду [Текст] // Молога: история и судьба древней русской земли / сост. Н.М. Алексеев. – Рыбинск, 1997. – Вып. 3.

⁷ Радцига А.А. Скотоводство и молочное хозяйство в разных государствах. СПб., 1899. С. 5–68.

⁸ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 9188. Л. 33–33 об.

⁹ ГАЯО. Ф. 714. Оп.1. Д. 186. Л. 12–13 ; Оп. 2. Д. 53–54 ; Ярославский архив: историко-краеведческий сборник / сост. И.Ю. Шустрова, Ю.Г. Салова. М. ; СПб., 1996. С. 248–253.

¹⁰ Кузьмичев А. Пойменные богатства, ушедшие под воду // Молога: история и судьба древней русской земли / сост. Н.М. Алексеев. Рыбинск, 1997. Вып. 3. С. 5.

12. Радцига, А.А. Скотоводство и молочное хозяйство в разных государствах [Текст]. – СПб., 1899.
13. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 г. [Текст]. – Ярославль : Изд. Яросл. Губ. стат. ком., 1908. – С. 45 ; 1909 г. – С. 53; 1911 г. – С. 100, 103, 105–109 ; 1914 г. – С. 55–57 ; 1915 г. – С. 57–59 ; 1916 г. – С. 49–51.
14. Памятная книжка Ярославской губернии на 1903 г. [Текст]. – Ярославль : Изд. Яросл. Губ. стат. ком., 1903. – С. 46, 160 ; 1905 г. – С. 49, 140 ; 1906 г. – С. 15, 225, 233, 235–238.
15. Ярославский архив: историко-краеведческий сборник [Текст] / сост. И.Ю. Шустрова, Ю.Г. Салова. – М. ; СПб., 1996.

В.А. Пылькин

БОРЬБА С «НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ» В ЗАРАЙСКОМ УЕЗДЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу жизни немцев в годы Первой мировой войны в Зарайском уезде Рязанской губернии. Автором показаны проблемы взаимоотношений немецких граждан с русскими гражданами на первоначальных этапах войны и в дальнейшем.

краеведение, Первая мировая война, культурная диффузия, иностранцы.

Период Первой мировой войны стал началом одного из самых сложных и трагических периодов в русско-германских отношениях и в истории российских немцев. К началу войны немцев в России насчитывалось приблизительно 2,5 млн человек, что составляло 1,4 % от всего населения¹. Многие немцы имели подданство Германии и сохраняли связи с исторической родиной. В 70-х годах XIX века правительство Германской империи даже приняло закон, по которому немецкие подданные могли иметь двойное гражданство². Всего к началу Великой войны в России проживало примерно 170 тыс. германских подданных³.

Рязанская губерния, как и другие губернии Центра России, не относилась к числу регионов с высоким процентом немецкого населения. В начале XX века, в том числе во время промышленного подъема 1909–1914 годов, в центральных губерниях увеличивалось число немцев российского и германского подданства. За первое полугодие 1914 года в Рязанский край прибыло 54 иностранца, в основном подданные Германии и Австро-Венгрии⁴. В Рязанской губернии одним из районов компактного проживания немцев являлся Зарайский уезд. В Зарайске к началу войны проживало много немцев, некоторые из которых были заметными фигурами провинциальной жизни: им принадлежали предприятия и торговые заведения в городе и уезде. В городе располагались фабрики Торгового дома «Август Редерс и К^о», принадлежащие семье Редерс. В тот период владельцем фабрики был германский подданный Август Редерс. В Зарайске также располагалась обувная фаб-

¹ Народы России : энцикл. / гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 25.

² Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 207.

³ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2013. С. 29.

⁴ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1292. Оп. 1. Д. 942. Л. 18–25.

рика «Торгового дома К. Штернвальдера и Братьев Н. и И. Егоровых», совладельцем которой был немец российского подданства К.В. Штернвальдер. В с. Щурово Зарайского уезда располагался цементный завод товарищества «Эмиль Липгарт и К^о». Он был основан в XIX веке остзейскими немцами братьями Липгарт и их партнером Э. Рингелем. В годы войны при заводе проживало 13 немцев германского и прусского подданства, включая женщин и детей⁵, не считая немцев – российских подданных. Директором зарайского городского общественного банка состоял немец Г. Габерман. Немецкое население Зарайска включало также 21 германского подданного, 10 немцев из «лоскутной империи» и 11 немцев – граждан Швейцарии.

Подготовка кампании по борьбе с «немецким засильем» началась в российской печати еще до начала войны, однако наибольшего размаха она достигла в 1915 году. Первые репрессивные меры в отношении вражеских подданных как потенциальных солдат противника начали проводиться сразу после начала войны. Также они были направлены на борьбу с возможным шпионажем в пользу противника. Телеграммой от 23 июля 1914 года Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) объявило всех военнообязанных германских подданных военнопленными⁶. Далее последовали другие карательные меры, вплоть до высылки в отдаленные губернии и ограничения прав собственности. В Зарайском уезде в августе 1914 года в тюрьму было заключено 10 неприятельских подданных призывного возраста, главным образом немцев⁷. В основном это были сапожные и прядильные мастера, работавшие на предприятиях города, а один состоял управляющим фабрикой⁸. В числе других вражеских подданных, арестованных в Рязанской губернии, они были высланы в Вятский край. Однако в начале войны отдельные «благонадежные» военнообязанные вражеские подданные были оставлены на прежних местах жительства.

Одним из результатов набравшей обороты кампании против «немецкого засилья» стали прокатившиеся в Москве в конце мая 1915 года «немецкие погромы», в ходе которых пострадали свыше ста германских и австрийских подданных, а также многие россияне с иностранными фамилиями⁹. Во время беспорядков в Москве подверглась разгрому штаб-квартира Товарищества «Эмиль Липгарт и К^о», которому принадлежал цементный завод в с. Щурове¹⁰. В некоторых городах Рязанского края, в том числе в Зарайске, также ожидали погромов. Как указывали представители местной власти, здесь «жители... и до войны никогда хорошо не относились к засилью немцев в городе, а теперь недоброжелательное отношение к ним перешло в открытую ненависть и озлобление»¹¹. В связи с этими опасениями рязанский губернатор Н.Н. Кисель-Загорянский выпустил специальное обращение к населению губернии¹². Также были приняты и другие меры охранительного характера.

⁵ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 51.

⁶ ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 355 а. Л. 1.

⁷ ГАРО. Ф. 212. Оп. 54. Д. 20. Л. 35, 36.

⁸ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 5–15.

⁹ Руга В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011. С. 458.

¹⁰ Ярхо В. Три времени Щурова. Коломна, 2008. С. 259.

¹¹ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 12 об.

¹² Рязанские губернские ведомости. 1915. № 41. 3 июня.

Кампания по борьбе с «немецким засильем», инициированная сверху, была встречена с энтузиазмом в некоторых слоях российского общества. Рязанские власти получили целый ряд анонимных посланий о немецком засилье в Зарайске. Был установлен ряд фактов, свидетельствовавших о нелояльности зарайских немцев. При этом зарайские власти обвинялись в коррупции и связях с влиятельными немецкими фабрикантами, некоторые из которых, например владелец цементного завода при ст. Щурово Э.Э. Липгарт, были обвинены в германофильстве. В одном из посланий указывалось, что после разгрома конторы Товарищества во время московских погромов владельцы предприятия отказались представить помещение под лазарет для раненых солдат российской армии¹³. Большой резонанс имело прибытие на завод германских военнопленных в качестве рабочей силы в октябре 1915 года, которые недолго проработав на заводе, были отсюда сняты после телеграфного распоряжения командующего войсками Московского военного округа¹⁴. Кроме того, полиции стало известно, что в уезде создано тайное общество во главе с несколькими сельскими учителями «для борьбы с внутренними врагами». Члены общества, устав коего держался в тайне под угрозой смерти, считали врагами крупных помещиков с немецкими фамилиями и немцев и составляли списки таковых¹⁵.

Летом 1915 года несколько зарайских немцев были высланы из Рязанской губернии. При этом один из них – К.В. Штейнвальдер обосновался в соседней Тульской губернии, откуда ездил в Зарайск, а в 1916 году он переехал в Москву. Высылка немцев, которые работали в качестве технических специалистов на зарайских фабриках, негативным образом отразилась на их работе. С другой стороны, согласно рапорту зарайского исправника от 8 августа 1915 года, «удаление из города Зарайска некоторых из немцев... русофобов... имело громадное влияние на успокоение населения Зарайского уезда... сплетни и толки постоянно возбуждавшие и без того нервное население, несколько прекратились и жители поуспокоились»¹⁶. Осенью 1915 года еще несколько немцев были высланы из Зарайского уезда¹⁷. Для одного из них причиной обвинения в шпионаже и высылки стал разговор на иностранном языке в общественном месте. Согласно историческим источникам напряженность в отношении немцев сохранялась в Зарайске и Зарайском уезде в 1916 – начале 1917 годов¹⁸. Одной из причин подобных настроений было то, что немцы продолжали проживать в городе, в том числе те, которых полиция ранее предлагала выслать¹⁹, а фабрики, принадлежащие немцам, продолжали работать и в 1916 году.

Результатом кампании по борьбе с «немецким засильем» стало то, что к 1916 году все военнообязанные немцы неприятельского подданства, проживавшие в Зарайском уезде, были высланы из Рязанской губернии, а к началу 1917 года товарищество «Э. Липгарт и К^о» перестало существовать, на его месте

¹³ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 154. Л. 53.

¹⁴ Там же. Л. 76.

¹⁵ Там же. Л. 33.

¹⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 84.

¹⁷ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 154. Л. 56.

¹⁸ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5744. Л. 2 об, 14.

¹⁹ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 154. Л. 67.

возникло Товарищество щуровских цементных заводов бывшее «Э. Липгарт и К^о»²⁰. При царском режиме кампания по борьбе с «немецким засильем» имела свои пределы, однако она подрывала существующий порядок и авторитет власти. Прежде всего, она ударила по немцам – неприятельским подданным. Положение российских немцев в отдельных случаях ухудшилось, но в целом влияние этой группы сохранялось вплоть до 1917 года и кардинально изменилось после падения монархии.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1292. Оп. 1. Д. 942. Л. 18–25.
2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 51.
3. ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 355 а. Л. 1.
4. ГАРО. Ф. 212. Оп. 54. Д. 20. Л. 35, 36.
5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 5–15.
6. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 12 об.
7. ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 154. Л. 53.
8. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 84.
9. ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 154. Л. 56.
10. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5744. Л. 2 об, 14.
11. Народы России [Текст] : энцикл. / гл. ред. В.А. Тишков. – М., 1994. – С. 25.
12. Руга, В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны [Текст]. – М., 2011. – С. 458.
13. Рязанские губернские ведомости [Текст]. – 1915. – № 41. – 3 июня.
14. Уткин, А.И. Первая мировая война [Текст]. – М., 2013. – С. 29.
15. Фуллер, У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России [Текст]. – М., 2009. – С. 207.
16. Ярхо, В. Три времени Щурова [Текст]. – Коломна, 2008. – С. 259.

О.В. Шевелева

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена аграрной реформе и проблемам ее реализации, связанным, в том числе с началом Первой мировой войны. Автором исследуются архивные материалы, на основании которых дается оценка политических, экономических и социальных проблем крестьян, с которыми они столкнулись в рассматриваемый период.

краеведение, Первая мировая война, столыпинская реформа, землеустройство.

В ноябре 1916 года в России было десять лет с начала столыпинской аграрной реформы. Страну в это время обуревали другие проблемы – в самом разгаре была Первая мировая война. Однако аграрный вопрос оставался очень важным в государстве, где 85 % населения составляли крестьяне. До 1917 года

²⁰ Ярхо В. Указ. соч. С. 262.

реформой успели воспользоваться самые разнообразные категории крестьян: малоземельные и многоземельные, бедные и богатые, ведущие свое хозяйство и порвавшие с жизнью в деревне. Разрушение крестьянской общины как таковой не было самоцелью для П.А. Столыпина. Главное – это создание эффективного крепкого земельного собственника, что было возможно только при коренной перестройке всего сельскохозяйственного уклада России.

Общая площадь землеустроительных работ только за первые 5 лет проведения реформы превысила 10 млн десятин земли¹. На первом этапе реформы (от указа 9 ноября 1906 года до принятия закона о Землеустройстве) преимущественно крестьяне по стране выходили из общины чересполосно (77 %); 21,2 % крестьян вышли на отруба; 1,8 % – на хутора². В Тульской губернии мы наблюдаем примерно такие же цифры. Интересным является тот факт, что, несмотря на более чем скромные цифры вышедших на хутора, в Тульской губернии, тем не менее, этот процент был значительно выше, чем в других Центрально-Земледельческих губерниях – 10,4 %³. Это можно объяснить тем, что в губернии было много помещичьих хозяйств, часть которых в годы революции 1905–1907 годов была продана Крестьянскому поземельному банку. Он же предпочитал их продавать крестьянам в форме хуторов. В 1910 году для подведения первых результатов реформы Императорское вольное экономическое общество разослало по всем губерниям специальную анкету, в которой их интересовали не только сведения о крестьянских хозяйствах, укрепивших землю в личную собственность, но и об оставшихся в общине⁴.

В 1911 году, после принятия закона о землеустройстве, начинается «второй этап», или «новый курс», аграрной реформы, как его называли историки В.Г. Тюкавкин и Э.М. Щагин⁵. В отличие от общероссийских показателей, где лидировало единоличное землеустройство (59,4 %), в Тульской губернии преобладало групповое (76,1 %)⁶. По этому показателю наша губерния опережала другие губернии в центрально-земледельческом районе, что, конечно, показывает сильные позиции общины.

В среднем до войны в Тульской губернии в год подавалось 15 213 заявлений крестьян о землеустройстве, но удовлетворялось только 13 483 (т.е. 88,6 %)⁷. С началом Первой мировой войны эти показатели начинают постепенно снижаться. Интересное исключение составляет 1916 год, когда выполненных работ было больше числа заявок, что объясняется недоделками предыдущих лет. Эти данные показывают, что даже в годы войны в продолжении реформы были заинтересованы как часть крестьянства, так и властные круги.

¹ Обзор деятельности землеустроительных комиссий. 1907–1911 гг. СПб., 1912. С. 4.

² Чернышёв И.В. Община после 9 ноября 1906 года. Пг., 1917. С. XXII.

³ Там же. С. 150.

⁴ Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф 90. Оп. 1. Т. 45. Д. 39216. Л. 5–17.

⁵ См. подробно: Тюкавкин В.Г. Землеустройство – главное направление второго этапа Столыпинской аграрной реформы // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995.

⁶ Подсчитано по ГАТО: Ф. 90. Оп. 6. Д. 693. Л. 119. Д. 763. Л. 25–27; Ф. 691. Оп. 2. Д. 329. Л. 294.

⁷ Там же.

Главным тормозом на пути удовлетворения заявок всех желающих была элементарная нехватка землеустроительного персонала. К 1914 году всего по стране их было 7 000 человек⁸. Этого было катастрофически мало, учитывая размеры территории и количество желающих укрепить землю в личную собственность. Поэтому весьма спорными выглядят утверждения, что часто столыпинское землеустройство насаждалось со стороны власти силой и угрозами. Особенно трудно станет после начала войны, когда 40 % землеустроительного персонала будут отправлены на фронт⁹. Тульская губерния только за 1915 год потеряла 59 землемерных специалистов¹⁰. Нехватка землеустроительного персонала в годы войны отмечается всеми современниками.

Первая мировая война не только нарушила весь механизм проведения столыпинской аграрной реформы, но и обострила все социальные противоречия в деревне. С новой силой началась борьба общинников против крестьян-выделенцев. В условиях военного времени продолжение землеустройства стало восприниматься большинством крестьянства как дело сомнительное и несправедливое. Поэтому правительство уже летом–осенью 1914 года принимает два циркуляра, в которых было особо отмечено, что при составлении землеустроительного плана работ на 1915 год интересы крестьянских семей, чьи мужчины находятся в рядах армии, должны быть выявлены и ограждены с особой тщательностью. Но это было только начало. Фактически же крест на продолжении столыпинских преобразований поставил циркуляр № 31 от 29 апреля 1915 года. И хотя он не отменял землеустройство как таковое, а только приостанавливал его в тех случаях, когда нет полного согласия односельчан, абсолютное большинство крестьян поняли его именно как отмену закона 29 мая 1911 года.

Очень сильному психологическому, а порой и физическому давлению стали подвергаться крестьяне, которые уже вышли из общины или только собирались это сделать. Тульской архив хранит много дел о крестьянских конфликтах между общинниками и выделенцами. Воспользовавшись циркуляром № 31, крестьянская община стала постепенно сворачивать укрепительные процессы в деревне¹¹.

Тяжелые поражения на фронте летом 1915 года болезненно сказались на настроениях буквально всех слоев общества. Но, кроме военных неудач, правительство продолжал волновать земельный вопрос. Было понятно, что с окончанием войны он встанет особенно остро. Министр земледелия А.В. Кривошеин, выступая в Совете министров, по этому поводу сказал: «С окончанием военных действий, несомненно, на очередь станет вопрос о мерах к улучшению хозяйственного благосостояния тех, кто самоотверженно несет нынче труды на поле брани в защиту Отечества. Исконная склонность русского народа к земледельческому промыслу не оставляет сомнения в том, что в ряду таких мер забота об увеличении земельного обеспечения вернувшихся с войны сельских жителей,

⁸ Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие. 1906–1916 гг. Пг., 1916. С. 15.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 763. Л. 64.

¹¹ См. подробно: Шевелева О.В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и Столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) : дис...канд. ист. наук. Тула, 2008. С. 139–141

составляющих большинство нашей армии, займет главное место и что имеющийся в руках государства запас земли откроет возможность наиболее широких мероприятий в указанном направлении»¹². Правительство начинает рассматривать различные варианты увеличения крестьянских наделов: это и казенные земли, и земли Крестьянского поземельного банка и даже так называемые «немецкие земли» (в начале 1915 года Государственная Дума начинает активно обсуждать закон о ликвидации немецкого землевладения). Однако реалии того времени показывали, что свободного земельного фонда в пределах Европейской России практически нет.

Первая мировая война обострила еще один давний болезненный вопрос – помещичье землевладение. Оно давно волновало крестьян. После отмены крепостного права эта проблема встала особенно остро. Однако помещичьи хозяйства также не стояли на месте, а менялись, как и крестьянская община. Налицо было заметно уменьшение их размеров. Историк И.Д. Ковальченко подсчитал: «...если в 50-х гг. XIX в. доля посевов в помещичьих хозяйствах составляла 21,9 % всех посевов, то в 1916 г. – уже 11,3 %»¹³. Поэтому уверенность русского крестьянина в том, что с ликвидацией помещичьего землевладения будет решена их главная проблема – малоземелье – выглядит более чем наивно. Но именно в годы войны в крестьянской среде появились слухи об изменах помещиков на фронте, и поэтому царь отдаст их землю крестьянам. В Тульской губернии уже в декабре 1914 года появились «...самые возмутительные толки обо всех помещиках, ушедших на войну. Говорят, что тот или другой помещик за измену расстрелян по приговору военного суда, или убит нашими же солдатами...»¹⁴. С началом 1916 года в донесениях жандармского управления появляются рапорты, в которых четко можно увидеть предвестники будущей революции: «...когда война окончится, то возвратившиеся домой солдаты не отдадут винтовки до тех пор, пока не будет отображена земля от помещиков»¹⁵.

Таким образом, несмотря на условия военного времени, Столыпинская аграрная реформа, хотя и в ограниченном объеме, продолжалась вплоть до лета 1917 года. Сохранялась вся ее правовая база. Да и сами крестьяне, несмотря на многочисленные протесты, выступали не против землеустройства как такового, а против его проведения в то время, когда основная часть домохозяев находится на фронте. Все эти факты говорят о том, что П.А. Столыпин добился своей главной цели – появился небольшой, но очень важный слой крестьян-собственников. Даже сохранившаяся община не стояла на месте, а вынуждена была искать новые методы ведения хозяйства, чтобы конкурировать с частниками. Примером этому могут служить отказы от переделов, переход на широкие полосы, на выселки и т.п. Тем самым был сделан большой шаг на пути интенсификации российского сельского хозяйства.

¹² Вестник сельского хозяйства. 1915. № 3. С. 56.

¹³ Ковальченко И.Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция. Россия 1861–1917 гг. М., 1992. С. 248.

¹⁴ ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 640. Л. 2.

¹⁵ Последняя война Российской империи. Тульский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг. : сб. док. и материалов. Тула : ГУК ТО Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей», 2014. С.256

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф 90. Оп. 1. Т. 45. Д. 39216. Л. 5–17.
2. ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 693. Л. 119 ; Д. 763. Л. 25–27 ; Ф. 691. Оп. 2. Д. 329. Л. 294.
3. ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 763. Л. 64.
4. Вестник сельского хозяйства [Текст]. – 1915. – № 3.
5. Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие. 1906 – 1916 гг. [Текст]. – Пг., 1916.
6. Обзор деятельности землеустроительных комиссий. 1907 – 1911 гг. [Текст] – СПб., 1912.
7. Тюкавкин, В.Г. Землеустройство – главное направление второго этапа столыпинской аграрной реформы [Текст] // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1995.
8. Чернышев, И.В. Община после 9 ноября 1906 года [Текст]. – Пг., 1917. – С. XXII.
9. Шевелева, О.В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и Столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) [Текст] : дис... канд. ист. наук. – Тула, 2008.

Г.И. Любина

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ Г. САПОЖКА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ. ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА С МОСКОВСКИМ ПАЛЕОНТОЛОГОМ, АКАДЕМИКОМ М.В. ПАВЛОВОЙ (1926–1935)

В статье автором анализируется многолетний краеведческий опыт академика М.В. Павловой. Особое внимание уделяется вопросу взаимодействия Павловой М.В. с Краеведческим музеем г. Сапожка. В статье освещается история существования краеведческого музея г. Сапожка Рязанской губернии.

краеведение, музейное дело, научные экспедиции, палеонтология.

Имя Марии Васильевны Павловой пользуется громкой известностью у геологов и палеонтологов. Она знаменита еще и тем, что в начале прошлого века превратила геологический кабинет Московского университета, где начала свою научную карьеру в 1886 году, в центр краеведческой работы в России. Многие местные музеи обращались к ней с просьбой определить и описать их палеонтологические коллекции. Павлова не отказывала никому, находя для себя полезным знакомство с новым материалом и пополняя остеологические собрания университетского кабинета. В случае особой уникальности объекта она выезжала на место его нахождения. Таким образом, у нее в течение десятилетий сложилось тесное взаимодействие с крупными музеями и деятелями отечественного краеведения: М.В. Моллесон и А.В. Барташевым из Троицкосавска (Забайкалье), Е.О. Клером из Екатеринбурга, Н. Гуляевым из Барнаула, Г.Н. Прозрителевым из Ставрополя и др.

Итоги многолетнего краеведческого опыта Павлова изложила в статье «В защиту провинциальных музеев», оставшуюся по неизвестным причинам неопубликованной, она хранится в ее фонде Архива РАН в Москве¹. В своем обращении

¹ АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 67. Л. 1–3 об.

Павлова поставила во главу угла просветительскую миссию музеев. Им предназначено, как писала она, преодолеть заблуждения и ложные фантазии публики, сформировать научное мировоззрение и представление о многообразии и изменчивости окружающего мира, воспитать чувство патриотизма, любви к природе родного края и его культурному достоянию. Но эти цели достижимы, утверждала Павлова, лишь в том случае, когда хранители музейных коллекций могут составить грамотную экспозицию, толково объяснить ее, ответить на вопросы посетителей. Далеко не все они, люди образованные и преданные делу, могут это сделать из-за недостатка палеонтологических знаний. Павлова обращалась к своим коллегам, профессиональным исследователям, помочь работникам региональных музеев. Она призывала ученых чаще выезжать на места, участвовать в описаниях коллекций и в устройстве экспозиций, не чураться работы по составлению каталогов и написанию объяснительных этикеток. И, конечно же, одаривать своих друзей научной литературой, определителями, справочниками по обращению с ископаемыми костями и на месте учить их приемам консервации и реставрации остатков древних животных. Так делала она сама, и ее работа дала ощутимые результаты. Успешное сотрудничество с краеведческими музеями относится в основном к дооктябрьскому периоду, когда краеведение пользовалось большой общественной поддержкой.

После революции ситуация изменилась. В начале своего существования советская власть довольно благосклонно относилась к краеведческим музеям, но многие из них закрылись из-за отсутствия материальной поддержки, ведь частные пожертвования прекратились. Музей города Сапожка оставался в числе активно действующих благодаря энергии его директора и основателя (1920) Павла Петровича Стаханова (1868–1953), земского врача, увлеченного и знающего краеведа, ему даже удавалось силами музея проводить раскопки. Местность в окрестностях Сапожка была уже давно известна палеонтологам богатыми залегами четвертичных млекопитающих. В разное время здесь работали И.И. Лагузен, С.Н. Никитин, М.М. Пригоровский, а в 1920-е годы ее посещали геологи и палеонтологи.

Осенью 1926 и весной следующего года Стаханов сообщал Павловой о попавшем к нему скелете ископаемого оленя, который полностью совпал с черепом, приобретенным им на рынке лет 25–30 тому назад. Он сделал обмеры, описал находку и послал свои наблюдения Павловой, чтобы узнать ее мнение. Одновременно он отправил описание в правление «Губернского общества исследования Рязанского края» для его «Трудов» и просил Павлову написать предисловие к его публикации с целью «популяризации знаний в широких кругах»².

Получив первые письма Стаханова, Павлова загорелась желанием посетить Сапожок, и не одна, а с мужем, известным геологом, академиком А.П. Павловым. Стаханов и не мечтал о такой удаче. «Как было бы хорошо, если бы геологические глаза Алексея Петровича и Ваши всмотрелись в наши древние времена», – писал он, выражая надежду местных краеведов³. Весну и лето 1927 года Стаханов с нетерпением ждал приезда Павловых, подробно разработав маршрут их поездки, соблазняя их собственным гостеприимством и удобством работы в музее, светлом

² АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 231 (Письма П.П. Стаханова. Л. 1–42). Л. 12 об.

³ Так же. Л. 19.

и чистом после недавнего ремонта. Попутно он сообщил волнующую новость о находке палеонтологом Ю.Б. Карпинским почти целого скелета ископаемого оленя, отправил Марии Васильевне фотографии экспонатов музея, сожалея, что не может сделать это бесплатно, так как «не было у нас более нищенского сметного года»⁴. Алексею Петровичу он послал образцы грунта с места залегания оленя. Из-за нездоровья Павлова поездка состоялась только осенью 1927 года.

Первой в конце 1928 года появилась на свет публикация Марии Васильевны на французском языке о находке исполинского оленя в Рязанской губернии⁵. Стаханов благодарил Павлову за оттиск, заметив, что французский язык самый подходящий для научной работы⁶. А задачам популяризации послужил рязанский вариант статьи⁷. Рядом с заметкой Павловой было помещено описание Стаханова. Павлова поставила знак равенства между видами «олень гигантский» (*Cervus megaceros*) и «олень торфяной» (*Cervus eurycerus*), заметив, однако, что название «олень торфяной» не всегда оправдывает себя, так как некоторые находки расположены над торфяным слоем. Этим замечанием она успокоила Стаханова, он признался, что и сам наблюдал, как древнеозерные торфяники лежат под красной глиной⁸.

Весной 1929 года М.В. послала Стаханову 2-й том своего учебника «Палеозоология». Стаханов предоставил профессионалам судить о научных достоинствах работы, ему же, по его признанию, он помог «яснее представить пучину истории жизни земли»⁹. Он попутно признался, что побывал на могиле «нашего великого патриота» М.Д. Скобелева, которая подверглась разграблению. Стаханов привез оттуда несколько мемориальных вещей, в частности, личный штандарт, с которым генерал одерживал свои победы. Все эти реликвии он поместил в одной из комнат музея.

Поездка в Сапожок была последней научной экскурсией А.П. Павлова. Осенью 1929 года он скончался в санатории г. Бад-Теплица в Германии, куда его весной повезла Мария Вавильевна в надежде поправить здоровье. Стаханов отозвался сердечным теплым письмом. Он постарался утешить Марию Васильевну тем, что вместе с Алексеем Петровичем они составляли единое целое, поддерживая «величие русской геологической науки всем напряжением Вашего дарования и воли»¹⁰. Он гордился тем, что его «тропинка любителя» пересеклась с дорогой Павловых.

В последнем письме 1935 года Стаханов информировал Марию Васильевну, что нашел остатки целого стада ископаемых оленей. Как совершенно обыденную он сообщил новость, что больше не сможет работать в музее, так как приказом РОНО снят с работы «за допущение в экспозиции музея не только идеологиче-

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1928. Отдел геологический. Т. 6. № 2. С. 213–233.

⁶ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 231 (письма П.П. Стаханова. Л. 1–42). Л. 31.

⁷ Павлова М.В. Находки гигантского оленя (*Cervus megaceros*) в Рязанской губернии. Рязань, 1929. С. 5–9; Стаханов П.П. К находке близ г. Сапожка Рязанской губернии скелета *Cervus megaceros* // Рязанский областной музей. Исследования и материалы. Рязань 1929. Вып. IV. С. 10–17.

⁸ АРАН. Ф. 311. Л. 31.

⁹ АРАН. Ф. 311. Л. 39 об.

¹⁰ АРАН. Ф. 31. Л. 40 об.

ски невыдержанного подбора в историко-революционном отделе, но даже явно враждебного»¹¹. Ответа не последовало, Павлова была уже очень слаба, чтобы поддержать переписку.

Список использованной литературы и источников

1. АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 67. Л. 1–3 об. ; Д. 231 (письма П.П. Стаханова. Л. 1–42). Л.12 об. ; Оп. 3. Д. 231 (письма П.П. Стаханова. Л. 1–42). Л. 19, 30, 31, 39 об., 40 об., 42.
2. Бюллетень Московского общества испытателей природы [Текст]. – 1928. – Отдел геологический. – Т.6. – № 2. – С. 213–233.
3. Павлова, М.В. Находки гигантского оленя (*Cervus megaceros*) в Рязанской губернии [Текст] // Рязанский областной музей. Исследования и материалы. – Рязань, 1929. – Вып. IV. – С. 5–9.
4. Стаханов, П.П. К находке близ г. Сапожка Рязанской губернии скелета *Cervus megaceros* // Рязанский областной музей. Исследования и материалы. – Рязань, 1929. – Вып. IV. – С. 10 – 17.

Д.С. Заозерский

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ ФАБРИКАНТОВ И ЗАВОДЧИКОВ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ С ИХ РАБОЧИМИ И СЛУЖАЩИМИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье автором исследованы первые проекты законов по страхованию в России. Особое внимание уделяется вопросу страхования фабрикантов и заводчиков от несчастных случаев с их рабочими и служащими в 1917 году. Автором исследован архивный материал, приведена статистика, проанализированы отдельные страховые случаи.

страхование, краеведение, рабочий вопрос, фабричные инспекторы, охрана труда.

В конце XIX–начале XX века в России происходил стремительный рост численности рабочего класса. В связи с внедрением машинной техники и низким уровнем квалификации рабочих уровень травматизма на производстве оставался достаточно высоким.

Первые проекты законов по страхованию российских рабочих начали появляться во второй половине XIX века. Первый закон, направленный на страхование рабочих в России, был принят в 1903 году. Со стороны государства был установлен контроль за выплатой денежных пособий и оказанием первой медицинской помощи.

Новый страховой закон 1912 года был принят под воздействием революционных событий 1905–1907 годов. С 1912 года вводился принцип коллективной ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими через организацию страховых товариществ и больничных касс с участием в них как предпринимателей, так и рабочих. Рабочие вносили взносы в кассу и участвовали

¹¹ АРАН. Ф. 311. Л. 42.

в управлении делами кассы. Именно больничные кассы выдавали пособия при несчастных случаях, могли создавать амбулатории и больницы для рабочих.

До революции 1917 года в области страхования работников лесопильных заводов на Архангельском Севере действовал устав Архангельского общества взаимного страхования фабрикантов и заводчиков от несчастных случаев с их рабочими и служащими, напечатанный в Архангельске в типолитографии «В. Черепанова Н-ки» в 1911 году¹. В уставе говорилось, что для проверки обстоятельств несчастного случая правлению общества предоставлялось командировать на место своего уполномоченного². Параллельно с этим уставом действовал устав Архангельского окружного страхового товарищества, который был утвержден и подписан министром торговли и промышленности С. Тимашевым 16 ноября 1913 года³. Этот устав был напечатан в той же типографии в 1913 году⁴.

2 апреля 1913 года состоялось первое собрание членов Архангельского общества взаимного страхования фабрикантов и заводчиков... Информацию о собрании дает отчет правления собрания, опубликованный в 1913 году в типолитографии «В. Черепанова Н-ки»⁵ в Архангельске. Архангельское общество взаимного страхования фабрикантов и заводчиков... включало в себя большую часть лесопромышленных предприятий Архангельского Севера.

Общество принимало на себя ответственность за смерть своих членов, увечье или другие повреждения в здоровье, причиненные рабочему или служащему⁶. Членами общества являлись владельцы или арендаторы торговых, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, застраховавшие в обществе своих рабочих и служащих. Члены выбывали из общества вследствие прекращения страхования, ликвидации предприятия или перехода к новому владельцу, в связи с несостоятельностью и исключением⁷. Правление общества находилось в Архангельске и состояло из трех членов, избираемых на три года общим собранием из членов общества. По постановлению общего собрания число членов могло быть увеличено до пяти⁸.

В случае получения рабочим травмы, старший фабричный инспектор Архангельской губернии В. Гарин составлял акт описания полученной травмы на основании 34 статьи закона «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев» (2 июня 1903 года)⁹.

В ходе расследования причин травмы рабочего выяснялось, не было ли допущено со стороны администрации завода каких-либо нарушений правил о порядке производства работ¹⁰. Старший фабричный инспектор Архангельской губернии мог сам произвести осмотр места происшествия несчастного

¹ ГААО. Ф. И-110. Старший фабричный инспектор Архангельской губернии (1894–1920). Оп. 1. Д. № 238. О страховании рабочих в лесопильных заводах Архангельской губернии. Л. 1и.

² ГААО. Ф. И-110. Старший фабричный инспектор Архангельской губернии... Л. 1н.

³ Там же. Л. 2з.

⁴ Там же. Л. 2е.

⁵ Там же. Л. 1а.

⁶ Там же. Л. 1к.

⁷ Там же. Л. 1л.

⁸ Там же. Л. 1н.

⁹ Там же. Л. 37.

¹⁰ Там же. Л. 10.

случая¹¹ и сделать вывод о том, по чьей вине он произошел¹². В. Гарин отправлял просьбу об освидетельствовании степени утраты трудоспособности пострадавшего архангельскому уездному врачу в случае, когда эта степень была неизвестна. Врач выписывал свидетельство, где фиксировалась степень потери трудоспособности (полная утрата трудоспособности или частичная, т.е. временная, с возможностью реабилитации). Затем фабричный инспектор отправлял пострадавшему соглашение о вознаграждении за увечье, которое тому нужно было подписать. В свою очередь пострадавший мог к этому соглашению «присовокупить какие угодно оговорки о своем желании», касающиеся выплаты компенсации¹³. Следующим шагом была отправка В. Гариним данного соглашения владельцу лесозавода. При подписании этого соглашения владелец лесозавода указывал, выдаст ли он вознаграждение в виде пенсии или выплатит определенную сумму сразу и в каком размере. После этого подпись директора-распорядителя товарищества (т.е. владельца лесозавода) освидетельствовалась нотариусом. Подписанное соглашение возвращалось старшему фабричному инспектору, который высылал товариществу копию¹⁴.

Компенсационные выплаты потерпевшим производились в виде пособий и пенсий. Пособия в размере половины действительного заработка потерпевшего назначались со дня несчастного случая до восстановления трудоспособности или признания ее постоянной утраты. Пенсии назначались в случае постоянной утраты трудоспособности: при полной утрате – в размере 2/3 годового содержания потерпевшего, а при неполной – в уменьшенном размере, определяемом соответственно степени трудоспособности потерпевшего.

Система трудового права России, сложившаяся к 1913 году после издания Устава о промышленном труде, просуществовала недолго – в 1918 году РСФСР был издан первый советский Кодекс законов о труде, во многом перечеркнувший прежние установленные нормы.

Список использованных источников

1. ГААО. Ф. И-110. Оп.1. Д. № 238. Л. 1и, 1н, 2з, 2е, 1а, 1к, 1л.
2. ГААО. Ф. И-110 Оп.1. Д. № 81. Л. 37, 148, 151 ; Д. № 51, Л. 10 ; Д. № 51а, Л. 18, 39.

Л.Н. Соза

ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ СТРАН ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В 1916–1917 ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

На основании исследования архивных документов, автором проведен анализ обстановки с военнопленными стран Четверного союза в 1916–1917 годах. В статье уделяется внимание

¹¹ ГААО. Ф. И-110. Старший фабричный инспектор Архангельской губернии... Л. 18.

¹² Там же. Л. 39.

¹³ Там же. Л. 148.

¹⁴ Там же. Л. 151.

основным видам правонарушений среди военнопленных, материалам о побегах и уклонениях от работ. Автором сделаны выводы о причинах протестов военнопленных.

краеведение, Первая мировая война, военнопленные, правонарушения, конфликты.

Первая мировая война сопровождалась невиданными ранее людскими потерями. К числу ее жертв справедливо относятся и попавшие в плен – более 8,5 млн солдат враждующих армий. Для этих людей плен стал источником моральных и физических страданий и явился серьезным испытанием на выживание вдали от Родины, в незнакомой и чуждой среде.

Обследование фондов ЦГА г. Москвы (Коломенского полицейского управления, Бронницкого уездного воинского начальника, Можайского полицейского управления) позволило впервые ввести в научный оборот материалы о побегах и уклонениях от работ пленных в Коломенском, Бронницком и Можайском уездах.

Анализ источников позволил выявить основные виды правонарушений среди военнопленных: отказ от работ, самовольный уход с работ, побеги. Пленные аргументировали отказ от работ следующими причинами: болезнью, несоответствующим питанием, отсутствием сезонной одежды. Так, в донесении пристава 2-го стана Бронницкого уезда сообщается об аресте на 7 суток мадьяра А. Тишу, румын А. Колоусу и Д. Кламповуза за отказ от работ на фабриках «Товарищества озерской мануфактуры С. Моргунова и братьев Щербаковы», но «проведенный врачебный осмотр показал, что указанные лица являлись абсолютно здоровыми. В том же уезде в июне 1916 года находившиеся в имении княгини Е.Ф. Оболенской пленные румыны И. Гаш и К. Буя «категорически отказывались от работ, подстрекая с угрозами других пленных». Они мотивировали свой отказ плохой пищей, что при расследовании Бронницким уездным исправником не подтвердилось.

В ряде случаев полиция все же признавала требования пленных справедливыми. Например, в имении Большчево Можайского уезда в декабре 1916 году отказались от работ 47 пленных, требуя выдачи им теплой одежды и «улучшения продовольствия». В результате проведенного приставом 2-го стана дознания выяснилось, что действительно «многие военнопленные не имели удовлетворительной по времени одежды, обуви и рукавиц»¹.

Поводом к наложению различных взысканий становились грубость к хозяевам, драки, подстрекательства к побегу и невыходу на работы. Например, в Коломне пленный Ф. Филлер был подвергнут аресту на 7 суток с содержанием на «хлебе и воде», поскольку вмешивался в распоряжения огородника-владельца Лукичева и склонял находившихся у него пленных не выходить на работу. Аналогичное наказание было применено к австрийцу Г. Барана, который выразил протест против ареста трех военнопленных на фабрике в с. Озеры и «уговаривал других военнопленных прекратить работу и не приступать до тех пор, пока не будут освобождены арестованные». В январе 1917 года Бронницким уездным исправником подвергся аресту пленный Фройтцнер «за оскорбление на словах и действием и угрозу ножом заведующего мельницей», к тому же он «без всякого вызова со стороны заведующего стал швырять в него камни»². В Можайском

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 493. Оп. 2. Д. 76. Л. 76.

² Там же. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 72. Л. 9, 541.

уезде на лесопильном заводе князя Ливена за уклонение от работ без уважительных причин и непочтительное отношение к заведующему (вплоть до рукоприкладства) были подвергнуты аресту на трое суток пленные германской и австрийской армий К. Крепс и Э. Фелькель³.

Серьезное дознание было проведено Коломенским полицейским надзирателем на цементном заводе по поводу отказа от работ хорвата В. Копетании, который не желал выполнять работу не по специальности. Пленный объяснил, что «он по специальности кузнец и в плену работал на заводе в кузнице и от работ никогда не отказывался»; теперь же от него требовалось «прочистить водоприемник, для чего необходимо было спуститься по веревочной лестнице и работать на полу в воде». К нарушителю были применены дисциплинарные взыскания, поскольку он демонстративно покинул завод и ушел в казармы⁴.

Наряду с уклонением от работ, военнопленные неоднократно совершали побег из частных хозяйств, предприятий и железнодорожных станций, к которым они были приписаны. Так, в мае 1917 года начальник Бронницкой милиции сообщал о побеге пленных Б. Таутаа и И. Секрепиша, которые находились в распоряжении фабрики «Товарищество П. Матютина и Сыновья» и привлекались к работам по корчеванию пней. В октябре 1916 года из казармы при ст. Пески в Коломенском уезде скрылся Ю. Стафонов. Зачастую беглецами становились пленные, которые по состоянию здоровья направлялись на лечение в Коломенскую городскую больницу, и воспользовавшись этим, не возвращались в казармы (в связи с чем немедленно объявлялся розыск пропавших). Например, в январе 1917 года не вернулся в казармы при станции Пески отправленный на лечение в больницу Ф. Баинаки⁵.

Далеко не все находившиеся в плену были готовы безропотно переносить лишения и тяготы своего положения. Бронницкий уездный исправник доносил о поимке румына Д. Попа, отказавшегося от работ и самовольно скрывавшегося в течение трех дней. В ходе дознания выяснилось, что пленный занимался пилой дров в роще князя Оболенского, откуда и бежал; «по внешнему виду производил впечатление ненормального человека» и «страдал душевной болезнью». После врачебного освидетельствования Д. Попа председателем Московской постоянной врачебной комиссии было отдано распоряжение «о направлении пленного в психиатрическое отделение военного госпиталя, как страдающего душевной болезнью»⁶.

Для пресечения побегов, канцелярией Московского губернатора в июле 1916 года было издано предписание об усилении надзора за пленными со стороны полиции. Согласно ему полиция должна следить, «чтобы пленные в свободное от работ время не оставались без охраны и без надобности не выходили за границы занимаемого ими помещения», а в случае малейшего нарушения дисциплины «военнопленным надлежало подвергать строгим взысканиям, со-

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 493. Оп. 2. Д. 76. Л. 20.

⁴ Там же. Ф. 492. Оп. 2. Д. 517. Л. 31, 38–39, 49.

⁵ Там же. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 72. Л. 355; Ф. 492. Оп. 3. Д. 84. Л. 27–28.

⁶ Там же. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 72. Л. 75, 84, 138.

размеряясь с качеством поступка»⁷. Однако, указанные меры не могли предотвратить побег. В январе 1917 года канцелярия Московского губернатора была вынуждена признать «слабую постановку надзора за пленными»⁸.

В усилении контроля за военнопленными были заинтересованы и владельцы промышленных заведений. На фабрике Т. Кацепова заведующий производством направил Коломенскому исправнику прошение о «выдаче разрешения на право покупки 3-х револьверов и 25 шт. патронов к каждому». Просьба была вызвана отсутствием охраны за пленными, которая осуществлялась тремя сторожами, «вооруженными ружьями центрального боя»⁹.

Таким образом, недовольство военнопленных принимало разные формы – от отказов от работы до побегов. Причины зафиксированных протестов были связаны с условиями труда и быта, а сами акции – лишены каких-либо признаков массовости и организованности.

Список использованных источников

1. ЦГА г. Москвы. Ф. 493. Оп. 2. Д. 76. Л. 76, 20.
2. ЦГА г. Москвы. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 72. Л. 9, 541, 355.
3. ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 517. Л. 31, 38–39, 49 ; Оп. 3. Д. 84. Л. 27–28.

М.И. Лузгина

ХАРАКТЕРИСТИКА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье освещены проблемы подготовки юридических кадров в период Великой Отечественной войны. Автором дается характеристика кадрового состава работников судебной системы в Рязанской области, затронуты некоторые проблемы судопроизводства в тот период.

судебная система, Великая Отечественная война, кадровый вопрос, образование.

Великая Отечественная война – тяжелый экзамен для всего нашего народа. Страшные военные события стали серьезной проверкой на устойчивость и для органов государственной власти и управления. Война не упразднила существовавшую судебную систему да и не внесла коренных изменений в правовые основы ее организации и деятельности. Продолжали свою работу народные, областные, краевые суды, верховные суды территориальных образований, Верховный Суд СССР, соответствующие органы прокуратуры. Действовали установленные законом принципы судопроизводства: защита по уголовным делам, гласность,

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 492. Оп. 3. Д. 152. Л. 194.

⁸ Там же. Д. 216. Л. 35.

⁹ Там же. Д. 84. Л. 260.

устность, ведение дела на национальном языке; сохранялся порядок пересмотра приговоров и др.¹

Однако обстоятельства военного времени не могли не отразиться на деятельности судебной системы и Народного комиссариата юстиции. Одним из основных вопросов стал вопрос кадров. Народный комиссариат юстиции СССР дает указание большому числу судов сокращать численность штабов, особенно это касалось судов, не находящихся на территориях, где объявлено военное положение. Этим сокращением пытались решить проблему нехватки профессиональных юридических кадров, отчасти проблему финансирования. Однако не все суды готовы были выполнить данное указание. Так председатель Хакасского Областного округа поясняет в своей переписке с народным комиссаром юстиции Союза СССР товарищем Рыковым, что его поручение о сокращении штаба областного суда не менее чем на 20 % не представляется возможным исполнить. По его словам, в Хакасской автономной области Красноярского края нет сокращения поступления уголовных и гражданских дел, как по второй, так и по первой инстанции. Наоборот, в указанной местности в связи с обстоятельствами военного времени резко увеличилось поступление дел, в особенности по первой инстанции².

В Рязанской области в связи с призывом в вооруженные силы практически всех военнообязанных граждан суды испытывали достаточно ощутимый дефицит кадров. Начальник управления Народного комиссариата юстиции по Рязанской области в начале 1942 года докладывает первому секретарю Рязанского обкома ВКП(б) С.Н. Тарасову, что в связи с обстоятельствами военного времени сокращено несколько участков народных судов (до 54). В областном суде на тот момент работало 22 человека, два из которых военнообязанные, которым была дана отсрочка призыва до марта 1942 года, из числа 20 остальных сотрудников областного суда 13 человек – женщины³.

К проблеме количества постепенно добавилась проблема качества. Качество судопроизводства в период Великой Отечественной войны снизилось. Многим сотрудникам судебной системы не хватало квалификации и опыта для надлежащего выполнения своих должностных обязанностей. Так, в информационном письме народного комиссара юстиции Союза СССР Рычкова от 18 июля 1942 года содержатся сведения о многочисленных фактах нарушения судьями процессуальных законов, недопустимого упрощенства, отсутствия элементарной дисциплины, организованности и культурности в работе, грубого пренебрежения к интересам граждан, вызываемых и обрацаемых в суд. Это создавало в ряде судов обстановку, исключающую правильное рассмотрение судебных дел, снижающее воспитательное значение судебного процесса и подрывающее авторитет суда в глазах населения. В судебной практике появляются примеры нарушения элементарных правил культурного поведения. Так народный судья первого участка Красногвардейского района города Москвы Томилина при рассмотрении дела по иску домоуправления к жильцу о взыскании квартплаты и выселении, выслушав

¹ Краснов Ю.К., Потапова А.В., Воротынцева А.А. Суды СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 32.

² ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 175.

³ Сизова И.В. Великая Отечественная война и битвы на поле Фемиды // Буква закона. № 3–4 (46–47). С. 84.

истца (ответчик в суд не явился), не удаляясь в совещательную комнату и не посоветовавшись с народными заседателями, объявила: «Хорошо, взыщем и предупредим, а вы жалуйтесь». В Железнодорожном районе города Москвы народный судья товарищ Сироткина при проведении процесса разговаривала с другими лицами. Некоторые судьи позволяют себе некорректное, грубое обращение, неуместные реплики по адресу участвующих в деле. Например, по делу о выселении и взыскании квартплаты, рассмотренному судьей Свердловского района города Москвы, народный судья Шитова сказала юрисконсульту райжилотдела: «Когда вы перестанете ходить с этими делами? Как вы мне надоели!»⁴ Подводя итог этим примерам, можно еще раз сделать вывод о том, что ситуация в судах была совсем непростой. Во всех трех примерах фигурируют женские фамилии, причины этого очевидны: большинство мужчин призваны на фронт, а женщины в сложной обстановке чаще могут позволять себе несдержанное поведение.

Рязанскую область не обошли стороной перечисленные проблемы. Так, в приказе по управлению Народного комиссариата юстиции по Рязанской области за 1942 год, в частности, сообщается, что при анализе результатов работы за истекший период было установлено, что при сокращении количества дел на 57 % общие показатели работы по области значительно ухудшились. В приказе отмечается, что карательная политика явно снижена по отношению к расхитителям социалистической собственности, так как признание к лишению свободы снизилось на 3 % и по целому ряду дел отдельными судьями допускалось явное извращение карательной политики. Безусловно, этот факт отчасти можно объяснить тем, что снисхождение народных судей к преступникам было вызвано тем, что зачастую кражи, хищения совершались из-за очень сложной обстановки в тот период, порой на совершение преступления толкал голод, желание спасти свою семью. Приведенная статистика, о возросшем количестве женщин на должностях судей дает возможность предполагать то, что снижение карательной политики могло произойти и по причине того, что в силу своей природы женщины более эмоциональны и, возможно, более часто способны были проявлять сострадание к преступникам.

Говоря о состоянии кадрового потенциала, необходимо также уделить внимание профессиональной подготовке кадров. Несмотря на то, что с началом войны государство начинает вести активную политику в сфере профессиональной подготовки юридических кадров, этот вопрос остается достаточно проблематичным. Конечно, государство учитывает тот факт, что подготовка кадров для системы органов юстиции должна проходить темпами военного времени⁵. Однако на практике обеспечить качественную подготовку работникам судебной системы не всегда получалось. Не все могли за короткий, сжатый срок обучения хорошо усвоить весь необходимый для дальнейшей работы материал, не у всех была возможность учиться. Так, если обратиться к статистическим данным, можно констатировать следующую ситуацию по квалификации сотрудников в органах юстиции по Рязанской области: на первое полугодие 1945 года высшее образование имели 14,3 %, среднее образование – 28,5 %, неполное среднее – 50 % и низшее – 7,1 %.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 175.

⁵ Красногорский М. Готовить кадры юристов темпами военного времени // Социалистическая законность. 1941. № 7–8. С. 14.

Что касается юридического образования, то 64 % указанной категории сотрудников не имели никакого юридического образования. Аналогичная ситуация и по областному суду Рязанской области: высшее образование имели 11,1 % сотрудников, среднее образование – 38,3 %, неполное среднее образование – 55,6 %. Высшее юридическое образование имел только один человек (11,1 %). Несколько сотрудников закончили трехмесячные юридические курсы, несколько – юридическую школу с обучением год, два года или три года. Из числа народных судей высшее образование имели 2 человека (3,6 %), среднее образование – 9 человек (16 %), неполное среднее – 28 человек (50 %) и низшее образование – 17 человек (30 %). Из их числа ни у кого не было высшего юридического образования, 5 человек (8,9 %) закончили двухгодичную правовую школу, 5 человек (8,9 %) – годичную правовую школу, 24 человека (42,8 %) – юридические курсы, и у 22-х человек (39,4 %) не было никакого юридического образования ⁶.

В заключительные годы войны ситуации с кадрами стали уделять больше внимания. Многих сотрудников стали направлять на обучение и повышение квалификации, устраивать в заочные институты, проводить конференции. Здесь также сталкивались со сложностями, например, было трудно отслеживать, действительно ли сотрудники ездят на учебу в назначенный период времени или находятся в другом месте. Но тенденция улучшения кадрового потенциала сотрудников судебных органов все равно была налицо. Поступали указания товарища Сталина о правильном подборе кадров, их выдвижении, расстановки и воспитании. Государство осознавало необходимость кадрового совершенствования в судебной системе, увеличения числа сотрудников, так как, пережив такой сложный период, сохранив судебную систему в целом на достойном для того периода уровне, стране необходимо было укреплять правопорядок и в сложные послевоенные годы.

Список использованной литературы и источников

1. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 175.
2. Краснов Ю.К. Суды СССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Ю.К. Краснов, А.В. Потапова, А.А. Воротынцева // История государства и права. – 2010. – № 9.
3. Сизова, И.В. Великая Отечественная война и битвы на поле Фемиды [Текст] // Буква закона. – № 3–4 (46–47).
4. Красногорский, М. Готовить кадры юристов темпами военного времени [Текст] // Социалистическая законность. – 1941. – № 7–8.

О.А. Тарасов

К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ В РЯЗАНИ АРЕСТАНТСКИХ РОТ ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА

Статья посвящена истории возникновения арестантских рот гражданского ведомства в Рязани. Автором дана оценка деятельности Николая I в процессе учреждения арестантских

⁶ ГАРФ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 751. Л. 101.

рот гражданского ведомства по примеру уже действующие арестантских роты инженерного и морского ведомств.

арестантские роты, пенитенциарная система, краеведение, исполнение наказания.

Своим возникновением в Рязани арестантская рота обязана российскому императору Николаю I, который выдвинул и реализовал идею организации в России сети специальных мест заключения, где «сидельцев» исправляли бы с помощью общественно полезного труда и строгой военной дисциплины.

Дело в том, что в первой четверти XIX века власти столкнулись с необходимостью срочного поиска альтернативы существующей системе сибирской ссылки. В качестве образца были взяты уже действующие арестантские роты инженерного и морского ведомств. Они формировались в крепостях и портах, подчинялись военным властям и находились под управлением офицеров. В этих ротах содержались осужденные за различные преступления нижние чины, бродяги и преступники из числа гражданских лиц, приговоренных к крепостной работе.

В 1827 году Николай I повелел распространить этот опыт и на остальных преступников. Предполагалось, что арестантские роты гражданского ведомства будут постепенно сформированы во всех губернских городах. К середине 1830-х годов министерству внутренних дел, обобщившему информацию из уже открытых в Российской империи арестантских рот гражданского ведомства (в Херсоне, Екатеринославле, Москве и Нижнем Новгороде), стало очевидно, что практически везде местные власти приняли такое новшество с явной неохотой. Основная причина заключалась в стремлении градоначальников и губернаторов сэкономить свои финансовые средства, так как все расходы на учреждение и содержание арестантских рот должны были брать на себя именно городские и губернские власти.

Однако император полагал, что все возможные издержки и неудобства от первоначального учреждения подобных исправительных заведений впоследствии окупятся, так как польза от них очевидна, «в особенности если будет разрешено обществам, помещикам и т.п. отдавать людей дурного поведения в сии роты на время для исправления». Мысля общегосударственными, а не местными масштабами Николай I и его советники были убеждены, что арестантские роты вскоре станут эффективным видом исправительных наказаний для порочных людей, бродяг и маловажных преступников, позволят уменьшить число ссыльных и расходы на пересылку арестантов. Кроме того, ожидалось, что местным властям это новшество предоставит возможность использовать труд арестантов на постройках казенных зданий, мостов и вообще «за дешевую плату обустривать и украшать города и селения». Поэтому все возражения с мест не были приняты к сведению, и начальникам губерний было предписано немедленно активизировать свои действия в этом направлении.

В канцелярию Рязанского губернатора В.М. Прокоповича-Антонского подобный циркуляр поступил 27 июня 1836 года министр внутренних дел обязал его заняться изысканием средств и способов к формированию арестантской роты гражданского ведомства в городе Рязани, а также разработать нормативный документ, регламентирующий состав и деятельность будущей арестантской роты.

Рязанские власти начали с нормотворчества: практически год ушел на выработку проекта положения об учреждении в Рязани арестантских рот гражданского ведомства. 27 марта 1837 года этот документ был представлен на одобрение в МВД.

Несколько позже, 6 июня 1837 года в письме министра внутренних дел Рязанскому губернатору был поднят вопрос о здании для будущих рот. Рязанская городская дума на запрос губернского правления известила, что подходящего для подобных целей здания в городе нет, поэтому губернской строительной комиссии было поручено разработать проект нового здания для арестантских рот в Рязани и определить примерную сумму затрат на его строительство. На выполнение этого распоряжения губернатору был дан трехнедельный срок, однако дело, в котором, судя по всему, губернские власти сами были не заинтересованы, затянулось более чем на год. Только после напоминания, пришедшего уже в июне 1838 года из Департамента полиции об активизации учреждения в Рязани арестантской роты, губернатор потребовал от губернской строительной комиссии «принять все зависящие от нее меры и принудить губернского архитектора к скорейшему исполнению поручения».

В итоге к 6 июля 1838 года многострадальный проект был представлен губернатору. По предварительным подсчетам его реализация обошлась бы губернской казне в сумму 80 тыс. руб. Подготовленный проект вместе со сметой был направлен в Департамент военных поселений, где он оказался абсолютно не востребовавшимся. Дело было в том, что к тому моменту правительство уже разработало собственный типовый проект зданий арестантских рот гражданского ведомства, который 5 августа 1839 года был высочайше утвержден и рекомендован для применения во всех губерниях.

Именно в соответствии с типовым проектом в Рязани на Конюшенной улице (современная ул. Каширина) в период с 1840 по 1844 год и был возведен комплекс зданий, постройка которого в итоге обошлась губернским властям в сумму 64 888 руб. 21 коп. Местоположение для исправительного заведения в Рязани было выбрано вполне удачно – на окраине города, близ Московской заставы, в нескольких минутах ходьбы от губернского тюремного замка, и от исправительных заведений Приказа общественного призрения.

Во вновь построенные здания, рассчитанные на 200 человек заключенных, стали поступать, в соответствии с законом, «беглые и бродяги, кои старше 25 лет, способные к работе; осужденные к ссылке в Сибирь за маловажные преступления; приговоренные по уголовному Суду в крепостную работу на срок за неважные преступления или к заключению в рабочие дома». Кроме того, помещикам по их желанию давалось право отправлять в арестантскую роту для исправления «людей дурного поведения». Первые поступившие в рязанскую роту 6 января 1845 года арестанты были как раз из помещичьих людей.

Администрация роты по штату состояла из четырех офицеров (командира и троих заместителей), фельдфебеля, 20 унтер-офицеров, двух барабанщиков, писаря и двух цирюльников, которые назначались из чинов корпуса внутренней стражи или из служащих инвалидов. Внешнюю охрану здания роты несли офицеры и солдаты из губернского батальона внутренней стражи. Командиру роты

предписывалось позаботиться о том, чтобы каждый арестант овладел несколькими ремеслами, губернская строительная комиссия должна была обеспечить их работами, а унтер-офицерский состав роты обеспечить круглосуточный надзор за арестантами во время работ и отдыха.

На общегосударственном уровне арестантские роты гражданского ведомства как форма исполнения наказаний были подведомственны Главному управлению путей сообщения и публичных зданий, в Рязани рота поступала в распоряжение губернской строительной комиссии.

К началу 1845 года формирование роты было полностью завершено, а 5 августа 1845 года вышло единое для всех губерний Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства, которое автоматически отменяло действие «Положения о Рязанской арестантской роте гражданского ведомства». С этого момента Рязанская арестантская рота под № 9 вошла в систему арестантских рот гражданского ведомства.

НАШИ АВТОРЫ

Акимов Ю.Г., д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); akimov103@mail.ru

Астраханцева А.Г., студент 1 курса инженерно-экономического факультета Рязанского государственного радиотехнического университета (г. Рязань)

Базин О.А., канд. ист. наук, доц. Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна); bazin-oa@mail.ru

Бунина Ю.С., студент 1 курса инженерно-экономического факультета Рязанского государственного радиотехнического университета (г. Рязань)

Васильева С.А., канд. ист. наук, доцент Академии ФСИН России (г. Рязань); vasi-svetlana@yandex.ru

Вашкау Н.Э., д-р ист. наук, проф. Липецкого государственного педагогического университета (г. Липецк); vaschkau@mail.ru

Галкина О.И., канд. ист. наук, доц. Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна)

Горнов В.А., канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой социологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; v.gornov@yandex.ru

Гришакова Л.В., канд. ист. наук, доц. Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Заозерский Д.С., северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск); d.zaozerskiy@yandex.ru

Ким Ю.В., аспирант Историко-архивного института РГГУ, учитель истории НОЧУ «Школа «Муми-Тролля» (г. Москва); vk22@yandex.ru

Короткова М.В., ассистент кафедры новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород); korotkova_milena@mail.ru

Косован Е.А., канд. ист. наук, преподаватель кафедры стран постсоветского зарубежья Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); ekkade@gmail.com

Крючков Н.Н., канд. ист. наук, доц. Рязанского государственного радиотехнического университета (г. Рязань); n.n._kryuchkov@mail.ru

Куренков Г.А., российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва); kuren62@mail.ru

Лачаева М.Ю., д-р ист. наук, проф. Московского педагогического государственного университета (г. Москва); lachaeva@mail.ru

Лузгина М.И., аспирант Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань); ritarita.d@yandex.ru

Любина Г.И., канд. ист. наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (г. Москва); g.lubina2011@yandex.ru

Марченкова Н.П., канд. ист. наук, доц. кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва); stasiya55@gmail.com

Минаев А.И., д-р ист. наук, декан факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань); a.minaev@rsu.edu.ru

Мокринских А.С., студент IV курса исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург); aleks_m2009@bk.ru

Овчинников В.М., канд. ист. наук, доцент Смоленского государственного медицинского университета (г. Смоленск); Venkey1985@yandex.ru

Попова А.Д., д-р ист. наук, проф. Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань); a.d.porova@mail.ru

Попова О.Д., д-р ист. наук, проф. Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань); od-porova@mail.ru

Пылькин В.А., канд. ист. наук, доц. Рязанского государственного радиотехнического университета; pylkinv@rambler.ru

Рюмин С.Г., канд. филос. наук, доц. Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань); ryumins@yandex.ru

Соза Л.Н., канд. ист. наук, доц. Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна); livaso@list.ru

Тарасов О.А., канд. ист. наук, начальник кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань); socratia@yandex.ru

Тернопол Т.В., канд. культурологии, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (г. Ярославль); ternopoldp@mail.ru

Чекурин Л.В., канд. ист. наук, проф. Рязанского заочного института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусств

Чеснокова О.И., канд. филос. наук, проректор по воспитательной работе Витебского государственного технологического университета (г. Витебск); olgabersen@rambler.ru

Шевелева О.В., канд. ист. наук, доц. Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (г. Тула); oksana-sheveleva@yandex.ru

Эрлихсон И.М., д-р ист. наук, проф. Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань); i.erlihson@rsu.edu.ru

Научное издание

Историческая наука в XXI веке
в фокусе современного гуманитарного знания:
традиции, новации, преемственность
(II чтения памяти профессора И.П. Попова):

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
24–25 мая 2016 года, г. Рязань

Ответственный редактор
ПОПОВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА

Корректор Н.В. СМУРОВА
Технический редактор Д.А. ФИЛАТОВ

1,62 МВ. Подписано к использованию 16.11.2016. Тираж 50 CD-ROM.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46; info@rsu.edu.ru

Тел.: +7 (4912) 28-03-89 (общий отдел)

Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а

Минимальные системные требования:

тип компьютера: IBM/PC, процессор x86, частота: 1,3 ГГц,
256 МВ RAM, свободное место на HDD 25 МВ, Windows XP и выше,
Acrobat Reader 3.0 или старше, дисковод для оптических дисков, мышь